

Вас. И. Немировичъ-Данченко

Собраніе сочиненій

Томъ XIV

**Съ вооруженнымъ
народомъ**

Дневникъ корреспондента въ болгарской арміи

I

На боевыхъ поляхъ

С.-Петербургъ.

Типо-литографія Акц. О-ва „Самообразованіе“,
Забалканскій пр., д. № 75.

Отъ автора.

«Съ вооруженнымъ народомъ» раздѣлено на два тома, но это общій дневникъ моихъ поѣздокъ и биваковъ въ только что окончившуюся балканскую войну. Она была неожиданностью только для самоувѣренныхъ дипломатовъ, воображающихъ, что ихъ высококомѣрное и брезгливое «не смѣть!» можетъ остановить молодые, демократическіе народы на пути къ счастью и свободѣ! За то «канцелярія» и свела счеты съ ихъ живою силой. Помочь она не могла, но ободрать, искалѣчить, забросить въ недалекое будущее поводы великихъ и кровавыхъ бѣдствій, въ этомъ равной ей нѣтъ. Расплачиваться придется не ей, а народамъ, а когда же дипломатія считалась съ ихъ дѣйствительными нуждами? Ради сохраненія своего престижа и права развертывать павлиньи хвосты передъ міровой галеркой — она идетъ на все!! Вплоть до продажи славянскаго Юсифа — австрійскимъ торгашамъ!

Книга печатается — а событія идутъ. Ихъ порою не уловишь въ нашъ электрическій вѣкъ быстро смѣняющихся неожиданностей. Уѣзжая съ боевыхъ полей, я вѣрилъ въ незыблемость одного изъ величайшихъ событій — балканскаго союза. Радовался въ письмахъ изъ Софіи тому, что его

каменныхъ устоевъ не разобьютъ ни австрійскія, ни германскія кирки. И не разбили бы! Смертельный ударъ соединенному славянству нанесла Россія, угодливо забѣжавшая навтрѣчу жадной, но слабой Вѣнѣ. Повторилось роковое преступленіе 1848 года, когда Нессельроде спасъ Австрію.

Наканунѣ войны за независимость, просвѣщеніе и свободу маленькіе, но героическіе народы разграничились въ своихъ будущихъ пріобрѣтеніяхъ. Сербія должна была между прочимъ получить на западѣ выходъ къ Адриатическому морю. Малодушіе дипломатическихъ канцелярій тройственнаго соглашенія, шедшихъ на короткихъ поводахъ у враждебной намъ и славянству Австріи — отняло Дураццо у Сербіи, Скутари у Черногоріи. Не въ первый разъ! Помните, какъ Александръ I приказалъ ей не только отдать швабамъ завоеванныя ея маленькимъ рыцарскимъ народомъ Боку Которскую и Дубровникъ, но и ввести австрійцевъ во владѣніе ими. Тою же не прекращающеюся нѣмецкою полосой идетъ и теперь европейская политика! Понятно, побѣдоносная Сербія, сообразно своимъ потерямъ, вооруженіямъ и расходамъ должна была искать вознагражденіе на востокѣ въ отмежеванной себѣ Болгаріей области. Гдѣ же было Сербіи выйти въ море? На западѣ нельзя, — его хранитъ Европа для Австріи, поневолѣ надо отворить двери въ Эгейское море!.. Славянскій союзъ, котораго въ трепетѣ страстныхъ надеждъ ждали пятьсотъ лѣтъ, колеблется, и возможно, дни его сочтены...

Побѣдила съ соизволенія тройственнаго соглашенія безсильная, раздираемая внутренними усобицами Австрія, никогда серьезно и не помышлявшая о войнѣ съ нами.

Поражены: измѣннически славянскій союзъ и позорно Россія. Россія хуже чѣмъ на Берлинскомъ конгрессѣ. Отъ него мы могли оправиться. Изъ Лондонской конференціи выходъ одинъ — міровая война, въ которой рядомъ съ нашими врагами мы увидимъ, чего добраго, и обманувшихся въ насъ балканскихъ побѣдителей съ ихъ несравненными арміями. Оскорбленные и униженные уступчивостью тройственного соглашения — они уже и сейчасъ думаютъ: не лучше ли сговориться съ умѣющимъ добиваться своихъ задачъ тройственнымъ союзомъ. И этотъ тоже не дремлетъ. Онъ оцѣнилъ въ полной мѣрѣ значеніе милліона штыковъ будущей балканской арміи. Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Софіи тамъ начались уже демарши Германіи и Австріи. «Въ чемъ мы отказываемъ друзьямъ нашихъ враговъ, слѣдовательно и нашимъ врагамъ, — то охотно предоставимъ нашимъ друзьямъ. Присоединяйтесь къ намъ и идите на западъ къ Адриатикѣ и на востокъ къ Эгейскому морю».

Мы присутствуемъ на панихидѣ балканскаго союза.

Не кинуть ли намъ въ его открытую могилу первую горсть земли? .. Вѣдь это дѣлаютъ обыкновенно ближайшіе родные! ..

Дипломатическія канцеляріи обратились въ своеобразныя лавры съ мощами — далеко не святыхъ. Ничему живому тамъ нѣтъ мѣста. Могутъ ли удивительныя пережитки каменнаго вѣка и эпохи свайныхъ построекъ, политики тройственного соглашения понимать многообразныя, живыя и быстро смѣняющіяся требованія народовъ XX вѣка? Гибкая, умная, хитрая Австрія безъ конца бьетъ старцевъ и ревматическихъ ка-

валеровъ гавота и менуэта. Дипломаты старой школы ископаемые въ музеяхъ. Около шумить и бьется океанъ молодой жизни, а они стоять себѣ въ пыльных углахъ, костяками нѣкогда грозныхъ чудовищъ. Старья школы! Онѣ были очень хороши для геніевъ, какими вписаны въ Всемирную исторію Кольберы, Ришелье, Питты, Россели, Кавуры, Меттернихи, Пальмерстоны, д'Израэли, Бисмарки, но не для заурядъ-повытчиковъ дипломатіи. И когда такіе попадаютъ въ руководители народныхъ судебъ — радуются враги и горько плачутъ друзья... а будущее заволакивается грозными тучами великихъ бѣдъ.

Я не могъ вычеркнуть восторженныхъ главъ о незыблемости великаго союза молодыхъ балканскихъ демократій. Книга уже была отпечатана, но на моей обязанности объяснить эту печальную ошибку...

Во всякомъ случаѣ не мою!

Въ самомъ дѣлѣ, не пора ли разобраться. Что же это за «соглашеніе»? Франція и Англія захватили, опираясь на него, чуть ли не цѣлые континенты, и всякій разъ, когда мы поднимаемъ голосъ въ защиту свою или своихъ — эти «союзники» кричатъ намъ «цыцъ», и мы, какъ вѣрный Барбось на цѣпи, смиренно заползаемъ въ свою будку, виляя хвостомъ во всѣ стороны.

Истрачены милліарды — вѣка народнаго труда на то, чтобы голосъ Россіи звучалъ смѣло и свободно въ Европейскомъ концертѣ. Или — деньги пошли не туда, куда нужно? Нельзя же въ самомъ дѣлѣ и намъ и демократическимъ государствамъ родного юга жить по биржевымъ бюллетенямъ и по указкѣ биржевыхъ игроковъ.

На боевых поляхъ.

(Дневникъ корреспондента.)

I.

Еще нѣсколько недѣль назадъ зарево новой и едва ли не самой ужасной изъ войнъ казалось миражемъ, — и только. Со всѣхъ сторонъ слышались успокоительныя колыбельныя пѣсни ослѣпшей и оглупѣвшей старой няньки — дипломатіи. Одинъ изъ нашихъ пословъ рассказывалъ мнѣ, что наканунѣ объявленія войны его австрійскій и бельгійскій коллеги смѣялись надъ легковѣріемъ общества, встревоженнаго надвигавшимся кошмаромъ. «Никакой войны не будетъ. Посмѣютъ ли Сербія и Болгарія пойти противъ воли всей Европы?» Правительства, быть можетъ, и не рѣшились бы на нее, но теперь вершителемъ судебъ здѣсь явились сами народы. Никакія плотины не могли бы удержать разлива бунтующей стихіи. Всякая власть была бы смыта ею. Сербы и болгары тридцать пять лѣтъ ждали осуществленія правъ, данныхъ христіанскимъ племенамъ Турціи Берлинскимъ конгрессомъ.

Но все это время мирволившая Портѣ дипломатическая аптека только накладывала гуммозные пластыри на живыя раны народа. И, разумѣется, лишь ея фармацевты могли вѣрить въ трусливую и малодушную податливость молодого балканскаго союза.

Все общавшая Турція продолжала поголовное истребленіе македонцевъ и старосербовъ. Нѣтъ расы, гдѣ бы процентъ рождаемости былъ такъ великъ, а между тѣмъ за три десятка тяжкихъ и мучительныхъ лѣтъ правежа населеніе несчастныхъ провинцій уменьшилось на двадцать пять процентовъ. Этому не мѣшали ни посланная туда международная жандармерія — тоже нашли спасителей! — ни блестящія рѣчи ораторовъ константинопольскаго парламента о наступающей Аркадіи братства и свободы. То, чѣмъ всѣ удовлетворились бы, если бы оно было дано во-время, сейчасъ осталось далеко позади отъ новыхъ, выдвинутыхъ временемъ требованій. Нежданно поднялись тучи, дипломатическія жердочки вмѣсто громоотводовъ не отвели молній,—и въ Черногоріи, и въ Сербіи, и въ Болгаріи народъ, весь сплотившійся на границахъ, бросился самъ взять то, въ чемъ ему отказывала беззубая сонная баба-яга. Что дѣлать! Молодые племена вѣрятъ въ то, что побѣду даетъ рѣшимость погибнуть за правое дѣло. Какой-нибудь мѣсяць передъ тѣмъ я не думалъ о возможности крестовыхъ походовъ въ скептическомъ и разсчетливомъ XX вѣкѣ.

И вдругъ такой начинается сейчасъ по всему простору Балканскаго полуострова — только его святынями являются свобода и независимость, этотъ новый Іерусалимъ сегодняшняго человечества. Страшна война, адское безуміе человечества, но что же ожидать тамъ, гдѣ все право въ рукахъ у палачей, а жертва не смѣетъ даже крикнуть въ хищныхъ когтяхъ? Меня очень порадовало и въ Сербіи и въ Болгаріи то, что освобожденные нами народы теперь вовсе не думаютъ

втянуть насъ, недавно выдержавшихъ великое манчжурское позорище, въ новую войну. Мы еще не зализали своихъ ранъ, и какъ бы ни были святы великія задачи нашихъ братьевъ здѣсь, эти братья понимаютъ, что на далекомъ холодномъ Сѣверѣ есть свои культурныя цѣли. И сербамъ и болгарамъ нужна только моральная защита Россіи, наше твердое рѣшающее слово. Кто видѣлъ, какъ я, растерянность Австріи, когда мы будто бы мобилизовали двѣ какія-то дивизіи, тѣ хорошо понимаютъ настоящую силу нашего, нами же созданнаго, вскормленнаго и вспоеннаго врага. Австрія вѣдь меньше нашего готова къ войнѣ! Настоящая сила не кричитъ со страха, не хвастается съ поблѣвшими губами и не грозитъ прерывающимся голосомъ, лихорадочно сжимая и разжимая слабѣющіе когти. Вотъ что я слышалъ и въ Бѣлградѣ и въ Софіи: «Пусть только намъ не мѣшаютъ, мы безъ всякой помощи со стороны доведемъ до конца тяжелое, мучительное дѣло». Это говорятъ не только сверхпатріоты или націоналисты, но и крайніе лѣвые. И младорадикалы въ Сербіи, и прогрессисты, и члены социалистическихъ партій въ Болгаріи одинаково надѣли солдатскія шинели. Вотъ уже сколько времени эти королевства представляютъ здѣсь небывалое, никогда не виданное зрѣлище: никакихъ партій! Все слилось въ общій, неразрывный союзъ. Сейчасъ это — одна душа въ одномъ тѣлѣ. Вчерашніе враги соперничаютъ только въ одномъ, — въ правѣ первыми умереть за великіе освободительные идеалы. Тутъ не борьба креста съ полумѣсяцемъ. Отнюдь нѣтъ. Здѣсь свобода и просвѣщеніе выступили на послѣднюю битву съ рабствомъ и невѣжествомъ. И это имен-

но надо помнить, оцѣнивая великія цѣли балканскаго союза.

II.

Голубая даль присмирѣвшаго океана, причудливыя скалы Біаррица, тишина и миръ благословенныхъ садовъ и полей, и вдругъ набатъ: «Война, выѣзжайте немедленно!». Ночь въ душномъ вагонѣ, нѣсколько часовъ отъ поѣзда до поѣзда въ улыбающемся совсѣмъ не осеннимъ небомъ Парижѣ, туманы Баваріи, окутавшіяся въ тучи горы Тироля, яркое и матовое золото, поздняя зелень и багрянецъ пышныхъ роцъ и монументальный, весь вспухшій и разросшійся на славянскихъ хлѣбахъ Будапешть. Тутъ мнѣ привелось увидѣть много прежнихъ друзей, и (я привыкъ разбираться въ четѣ и нечетѣ правды и лжи) меня поразило мѣняющее отношеніе, главнымъ образомъ, мадьяръ къ сербамъ и болгарамъ. Ни прежней ненависти, ни вчерашнихъ насмѣшекъ. Въ этомъ отношеніи здѣшняя печать рѣзко отмежевалась отъ вѣнской, гдѣ продажныя перья пишутъ сейчасъ «слуюю бѣшеной собаки» и лгутъ и лгутъ. Венгерская печать честнѣе. Она не торгуетъ настроеніями и не выноситъ на рынокъ правды и вымысла, — за что заплатятъ дороже? На глазахъ у мадьяръ прошло то, чему еще вчера они бы, пожалуй, и не повѣрили. Презираемые ими рабочіе изъ за Дуная поднялись сплошь, бросая выгодный заработокъ, и тысячами пошли записываться въ солдаты. Дороги были полны ими. У кого не хватало средствъ на чугунку, — какъ благоговѣйныя толпы вдохновеннаго Петра Пустынника, голодные, часто безъ сапогъ, двигались за Дунай, къ роднымъ

селама. Въ Старой Сербіи, особенно у Новаго Сада (Нейзаць или Уйвадекъ), ихъ встрѣчали тамошніе соплеменники, одѣляли, чѣмъ могли. Ночь озарялась кострами, гдѣ жарились для нихъ бараны. Бѣдныя женщины отдавали послѣднее «на великое и родное дѣло» . . . А въ королевствѣ Сербскомъ загорались въ то же время на холмахъ сторожевые огни, и подъ набаты колоколенъ сбѣгалось все, что могло носить оружіе, къ мобилизаціоннымъ пунктамъ. По горамъ и ущельямъ носились всадники, оповѣщая: «Подымайтесь, пришла пора!». И при этомъ простые люди говорили великія слова: «Теперь или никогда. Если мы не можемъ спасти нашихъ братьевъ, — умремъ съ ними. Пусть наша Сербія вся обратится въ одну могилу!». Скопидомные, трудолюбивые, грошъ къ грошу собиравшіе хозяева вдругъ обернулись въ легендарныхъ героевъ, о которыхъ до сихъ поръ у дымныхъ очаговъ рассказываютъ старики и поются пѣсни. Въ этомъ отношеніи удивительныя противорѣчія уживаются въ славянской душѣ. Возьмите македонца. Это по природѣ четникъ, богатырь горной гверильи, въ своихъ опанкахъ и овчиной курткѣ одолевашій отвѣсы недоступныхъ высотъ. Читаешь объ его подвигахъ точно старый рыцарскій романъ. Столько въ немъ презрѣнія къ опасности, если даже хотите — исканія славной смерти. Попадаетъ этотъ головорѣзь въ городъ, на покой, и вдругъ, словно по щучьему велѣнію, обертывается самымъ пройдошнымъ купцомъ. Ларь у нѣмецкаго магазина. За ларемъ вчерашній четникъ. Черезъ десять лѣтъ четникъ хозяйничаетъ въ магазинѣ, а нѣмецъ безъ штановъ уходитъ за Дунай. Обжигается македонецъ, присмотрится, и глядишь, —

онъ министръ, важный чиновникъ, издатель вліятельной газеты. Онъ и каменщикъ, и архитекторъ. Всякое ремесло ему дается легко. Весь Стамбуль дворцовъ построенъ руками македонцевъ. Ударить въ Македоніи набатъ, разнесется слухъ о новыхъ неистовствахъ турокъ, и вчерашній купецъ, чиновникъ, рабочій — уже въ горахъ. Мститъ насильникамъ, героическими подвигами подымаетъ павшій духъ родичей. Удивительно жизненное, приспособляющееся племя. Жестокое, мстительное, но сильное, смѣлое, бодрое.

III.

Война еще не начиналась, а въ Будапештѣ уже на все выросли цѣны. Особенно на лошадей, на сѣдла, на оружіе. Очевидно, потребовалось на югъ. Я съ трудомъ нашель сѣдло. Въ спеціальному магазинѣ оставалось одно — и втридорога. Кони-десятилѣтки, чуть получше — двѣ тысячи коронъ. Кажется, ужъ на что преклонный возрастъ, но все получше скупила Сербія, и сейчасъ покупаетъ Румынія. Запрещеніе вывоза лошадей — на бумагѣ. И за Дунаемъ я все-таки купилъ себѣ венгерскаго Россинанта противоестественнаго вида и нрава. Мои отношенія къ нему — корреспондента, мечтающаго о томъ, чтобы у него украли это отвратительное животное, и бѣгущаго отъ него — благодарная тема для Джерома К. Джерома. Повторилась исторія Тартарена, преслѣдуемаго своимъ верблюдомъ. Венгерская столица была полна сербами и болгарами. Все это стремилось къ консуламъ записаться въ войска и получить билетъ на дорогу. Уже не боясь мадьяръ, славяне у своихъ представи-

телей и на станціяхъ, провожая будущихъ бойцовъ, устраивали грандіозныя оваціи, пѣли гимны. Въ черномъ мракѣ сырой и холодной ночи ходили съ факелами. Слышалось «живіо». Всѣ въ одну душу. Невозможно было положеніе консуловъ сербскаго и болгарскаго. Отсюда на войну ушли ихъ помощники, ихъ писцы, ихъ прислуга. Справляйся самъ какъ знаешь. Евреи отвѣтили на призывъ, какъ отъ нихъ никто не ожидалъ. Многія торговыя фирмы остались безъ коммивояжеровъ,— они уже въ солдатахъ. Банкирскіе дома — безъ клерковъ, щеголяющихъ въ ратничьихъ шапкахъ на турецкой границѣ. Мнѣ показывали еврейку-мать, богатую женщину. Она изъ Бѣлграда. Отправила туда двухъ сыновей и третьему — вѣнскому студенту — приказала ѣхать туда же. «Намъ все дала Сербія, теперь мы можемъ расплатиться съ нею». — «А если ихъ убьютъ?». Ужасно, но еврейкѣ не впервые плакать о своихъ дѣтяхъ. Я встрѣтился въ ресторанѣ «Гунгарія» съ заядлымъ врагомъ славянства, мѣстнымъ журналистомъ, и вдругъ этотъ «сербоглотъ», — какъ его здѣсь называютъ, — говоритъ мнѣ: «Знаете, Россія можетъ гордиться своими дочерьми». — «Какими?». — «Сербіей и Болгаріей. Вы ихъ создали, и теперь онѣ такъ выросли, какъ мы и не ожидали. Онѣ пошли дальше отъ мѣста, гдѣ остановились вы. Въ этихъ племенахъ вдругъ оказалось столько силы и смѣлости, что я, какъ мадьяръ, желая ихъ пораженія, встрѣчу вѣсть о немъ съ сердечною болью. И потомъ, разумѣется, можетъ случиться и иначе. Вы нерѣшительны, ваши архаическіе дипломаты заносчивы и трусливы. Они, какъ дѣти, пугаются шума въ темнотѣ и больше думаютъ, какъ бы сдѣ-

лать пріятное Европѣ, чѣмъ полезное Россіи. Даровые жандармы для охраны европейскаго мира, въ ущербъ и позоръ самимъ себѣ. Я говорю не о вашемъ народѣ. Это — грозная сила будущаго если ее не подкосить растерянное и — простите — неумное чиновничество. Такъ вотъ, разочарованные вѣчными вашими колебаніями (другіе называютъ это предательствомъ) славяне, въ концѣ концовъ, поймутъ, что имъ полезнѣе войти автономными единицами въ тройственный союзъ. Мы имъ откроемъ пути къ богатству и силѣ, и тогда наша монархія отъ Праги до Салоникъ осуществитъ великую идею Бисмарка, только на иной образецъ. Называйте это Соединенными Штатами Балканскими, — все равно. Мы подберемъ то, что боязливо бросаете вы. И... впрочемъ, вамъ будетъ открыта дорога въ Азію, а отъ Волыни и Кіева вамъ придется отказаться. Мы видимъ сейчасъ, какую силою пренебрегли вы на славянскомъ Югѣ».

«Вы знаете, — продолжалъ онъ, — что нѣсколько лѣтъ назадъ случилось въ Софіи? Я какъ разъ въ это время былъ тамъ. Какихъ-то болгаръ обвинили, въ чемъ — это не важно. Австрійскій посланникъ убѣдилъ своего русскаго коллегу вступить за нихъ. Ихъ подъ этимъ общимъ вліяніемъ оправдали. Они явились благодарить сначала «шваба», — какъ говорятъ тамъ. Нашъ дипломатъ встрѣтилъ ихъ за завтракомъ, предложилъ сѣсть за столъ, накормилъ и напоилъ ихъ, а прощаясь сказалъ: «Всегда и во всемъ можете надѣяться на помощь Австріи. Она — ваша естественная и великодушная покровительница». Пожалъ имъ руки и... вручилъ каждому изъ нихъ въ по-

дарокъ прекрасные портреты инспектора Франца-Юсифа. Откланявшись они пошли къ русскому дипломату. Тотъ продержалъ ихъ около часа въ передней, приказалъ провести на балконъ, гдѣ онъ, разстегнутый, развалясь, сидѣлъ, глядя на улицу. Когда онъ, наконецъ, соизволилъ ихъ замѣтить, то не обернулся къ нимъ, а въ полуоборотъ произнесъ: «Вы у меня смотрите!». И, грозя пальцемъ: «Въ первый и послѣдній разъ, — слышите! Васъ бы слѣдовало повѣсить, и у насъ бы васъ непременно повѣсили! Ступайте вонъ» . . . Какъ вамъ кажется, чья дипломатія сильнѣе?».

IV.

Какъ ни хорохорился мой венгерскій патріотъ, но Австрія весьма и весьма напугана нашей квази-мобилизаціей. И заявленіе Россіи, что она и не думала о такой, вызвало здѣсь вздохъ облегченія и — сейчасъ же — насмѣшки надъ нашей слабостью. Мы открыли ихъ опять, и они уже свободно собрали къ западу отъ Землина (Зимони), «на всякій случай» цѣлую армію. И кто насъ толкалъ въ шею извиняться!¹ Какъ это, такъ и совмѣстное

---

¹ Съ этихъ поръ, послѣ довольно короткаго антракта, началась вновь позорнѣйшая гастроль нашего министерства иностранныхъ дѣлъ. Мы, безъ всякой надобности, предавали стремящіяся къ свѣту и свободѣ братскія племена, старались ограничить болгарскія требованія. Въ Вѣнѣ потомъ я узналъ, что Австрія, безсильная въ войнѣ на два фронта, вовсе о такой и не думала. Она шумѣла, грозилась, ставила свое послѣднее «ва банкъ»! Кто насъ толкалъ въ шею на уступки и новымъ позоромъ безъ надобности покрылъ русское имя? Мы не хотѣли признать даже Адрианополь за союзниками. Г. Сазоновъ рассуждалъ: довольно имъ и безъ того достанется изъ турецкаго наслѣдства. Та же манера — не дать всего сразу, оставить на будущее побѣды для кровавыхъ войнъ. «Пусть-де они и впередъ въ насъ нуждаются!» Видите, какіе самозванные Маккиавелли изъ . . . мелочной лавки! Австрія, хорошо рассчитала наше мало ушию. Очевидно, мы только съ мини-

«подъ-ручку» австрійскихъ и русскихъ пословъ, явившихся пугать сербскихъ и болгарскихъ первыхъ министровъ, вызвали смѣхъ къ сѣверу отъ Дуная и душевную боль — къ югу. Мы никогда такъ не роняли себя, какъ этимъ сазоновскимъ незаконнымъ бракомъ. Его долго не забудутъ воскресающія племена Балканскаго полуострова. И къ чему это было? Неужели же въ петербургской дипломатической аптекѣ не предвидѣли полнаго фіаско такого покушенія съ негодными средствами на измученные тридцатипятилѣтнимъ обманомъ славянскіе народы. Знаете, что говорятъ въ Будапештѣ сейчасъ: «Русскихъ пословъ подъ уздечку вели австрійскіе конюхи». Кланяйтесь и благодарите. Это — единственный аттестатъ за вѣчное и подобострастное лакейское усердіе наше угодить всѣмъ, кромѣ... своихъ! Въ Новомъ Садѣ пришли встрѣтить меня друзья, австрійскіе сербы. Одинъ изъ нихъ, вліятельный здѣсь старикъ, говорилъ:

«У насъ такое чувство, точно мы сами получили пощечины, и онѣ еще горятъ на нашихъ щекахъ. Вѣроятно, придется теперь не думать о Великой Сербіи и вмѣстѣ съ подданными короля Петра примкнуть къ Австріи. Въ рѣшительную минуту вы насъ бросите въ австрійскую петлю или подъ турецкій ножъ, а тутъ все-таки мы сохранимъ свою народность и сплотимся хоть въ хищныхъ когтяхъ габсбургскаго орла».

стерскихъ скамей Государственной Думы умѣемъ восклицать „не запугаете“! Вся наша храбрость — для домашняго употребленія. Извинѣ мы трусимъ и отступаемъ безъ боя даже и передъ слабою разоренною Австріей.

Оріентъ-экспрессъ теперь не идетъ на югъ дальше Будапешта.

Утромъ рано отходить простой поѣздъ. Любуясь яркими красками великолѣпной осени, идиллическими полями Старой Сербіи, нѣжащимися подъ голубою улыбкой безоблачнаго неба, я невольно думалъ: Неужели еще нѣсколько дней, и тамъ, за такъ привольно разлившимся въ зеленяхъ Дунаемъ, жадно заорутъ стальные пасти орудій? Загремятъ залпы несчетныхъ ружей, и вся красота этого дарованнаго человѣку рая залъется горячей кровью враговъ, не умѣющихъ столкнуться въ счастіѣ жизни, въ свободѣ, въ уваженіи другъ къ другу. И когда нашъ локомотивъ, окуриваясь ѣдимымъ и противнымъ дымомъ, добѣжалъ до Землина, мнѣ какъ-то разомъ показалась чудовищной и отвратительной эта обязанность опять видѣть и описывать торжество смерти, ненависти, истребленія. Глупость преступныхъ и оподлѣвшихъ въ вѣчномъ малодушіи дипломатовъ, варварство невѣжества, предательство младотурокъ... Да когда же люди, настоящіе люди схватятъ, наконецъ, за горло это чудовище войны и разъ навсегда задушатъ гадину? Гдѣ тотъ Георгій Побѣдоносецъ науки, мысли, вдохновенія и милосердія, который пробьетъ копьемъ многоглавую змѣю, въ кольцахъ которой тысячелѣтія за тысячелѣтіями бьется человѣчество? Свобода и независимость — прекрасныя плѣнницы въ замкѣ людодѣда, замороженномъ адскими чарами, со сказочными огненными драконами и свирѣпыми сторожевыми псами... И сколько крови, святой, благородной крови надо, чтобы вывести свѣтлыхъ заточенницъ подъ дивное, кроткое и благоволящее небо!

V.

Двѣ высоты надъ Дунаемъ. По сю сторону — Землинъ; по ту, въ синей дымкѣ, — кажущійся издали монументальнымъ, маленькій Бѣлградъ. Два врага, другъ противъ друга зорко сторожащіе великую славянскую рѣку, по которой сегодня такъ лѣниво тянутся бѣлые пароходы. Желѣзной дороги нѣтъ, — надо погрузить вещи на палубу. Сербскій берегъ растетъ. Обыкновенно тамъ, у пристаней, — шумная южная толпа. Сейчасъ это — пустыня, и на ней часовые, но какіе странные! Обугленные солнцемъ старые мужики съ ружьями. И дальше они же. Даже не замѣнили бурыхъ куртокъ и овчинъ на солдатскіе мундиры. Только кое на комъ военная сѣрая шапка. Всѣ войска на границѣ. Въ городѣ остались пожилые крестьяне-добровольцы. Они теперь — часовые.

— Мы хотѣли идти драться. Говорятъ: надо молодыхъ. Мы и здѣсь поработаемъ для родины, пока она не потребуетъ насъ въ бой. Можетъ, и мы понадобится ей.

У одного сѣдые усы падаютъ на грудь. Тарасъ Бульба, да и только . . .

— Я еще могу стрѣлять. Король взялъ трехъ внуковъ, а меня обидѣлъ. Торчу здѣсь, какъ ворона, и сторожу Божьи облака.

— А я старый четникъ. Что мнѣ тутъ, какъ воронѣ на телеграфномъ столбѣ? Пусть меня пошлютъ въ горы. Я тамъ за Приштиной до Ускуба всякую тропку знаю.

Записалось столько, что на нихъ и ружей не хватитъ. Все стремительно бросилось по первому призыву. Есть деревни, гдѣ остались дѣти и бабы,

да и бабѣ тоже грозитъ: «Возьму и я пушку (ружьѣ). Что же, я дернуть за ручку не могу, что ли? Моя бабка съ турками дралась, а я насколько ея не хуже».

За многими изъ этихъ крестьянъ съ ружьями, оберегающихъ сербскіе берега, большое боевое прошлое. Въ молодости они ходили четниками въ Турцію и не разъ мѣрялись съ войсками султана. Нѣкоторые давно ушли изъ сожженныхъ деревень Старой Сербіи, преслѣдуемые, какъ волки, но при малѣйшей оплошкѣ врага изъ спасающихся обращались въ нападающихъ. Въ суровыхъ лицахъ черты неукротимой отваги и грозной рѣшимости. Бѣлградъ — открытый городъ, и если бы привелось схватиться съ австрійцами, — отстаивать его нельзя. Швабскія батареи съ той стороны, изъ-за млѣющихъ подъ солнцемъ холмовъ и золотисто-багряныхъ осенью рощъ, разгромили бы его часа въ два. Между Землиномъ и Панчовымъ — авангардъ арміи Франца-Иосифа. Старые селяки на часахъ знаютъ это и говорятъ: «Все-таки имъ не обойдется мирный городъ безъ крови». Регулярная войска на боевыхъ позиціяхъ. Они встрѣтятъ вооруженный народъ. И участь его написана въ мрачномъ огнѣ зоркихъ глазъ, въ спокойной улыбкѣ приговорившаго себя къ славной смерти четника.

VI.

Я помню Бѣлградъ въ обычное время. Шумный, пестрѣющій военными мундирами городъ. Маленькій, но веселый и по-своему счастливый. Сейчасъ это, дѣйствительно, пустыня. На улицахъ почти никого, только медленно движутся отряды

селяковъ, пришедшихъ записаться въ войска. Сколько чудесныхъ мужиковъ, первыхъ отозвавшихся на набаты церквей и огни сторожевыхъ костровъ! Сейчасъ, когда молодая Сербія вся придвинулась къ границѣ, они доучиваются военному строю. Обращаться съ ружьемъ давно умѣютъ. И въ тылу боевой арміи черезъ нѣсколько дней образуется другая, если и менѣе числомъ, то равная ей духомъ и твердостью. Пѣвучая и поэтическая Сербія сейчасъ не поетъ и не пляшетъ. Она вся въ отважномъ ожиданіи первыхъ раскатовъ грома у Приштины и Ускопліе. Какъ измѣнились эти люди, довольные, счастливые и богатые еще недавно. Въ нихъ было что-то изнѣженное. Теперь изъ-за полнаго мелкихъ заботъ горожанина и сельскаго скопидома-хозяина вдругъ точно изъ-за кулисъ показался настоящій воинъ. Я помню Сербію въ грозовой 1876 годѣ. Это совсѣмъ не та, восторженная и крикливая! Передо мной молчаливые, полные рѣшимости люди. Они ждутъ боя, какъ вѣрующій причастія, всей душой стремясь къ священной чашѣ жертвенной крови. Энтузіазмъ первыхъ дней мобилизаціи ушелъ вглубь, растворился въ худощавомъ и гибкомъ тѣлѣ. Теперь онъ весь въ ожиданіи удара, въ сомкнутой энергіи мускуловъ, въ напряженіи здоровыхъ, крѣпкихъ нервовъ.

Точно какой-то катаклизмъ совершился здѣсь. Война застала Бѣлградъ въ лихорадочной перестройкѣ улицъ. Ихъ разрыли для новыхъ мостовыхъ. Сейчасъ всѣ рабочіе, побросавъ кирки и заступы, ушли подъ сѣрыя шинели, и улица такъ и осталась исковерканной, только что подготовленной подъ асфальтъ, какъ взбороненная нива —

подъ жатву. Еще вчера не было здѣсь ни одного извозчика, — сейчасъ они появились. Не всѣхъ взяла пріемная военная комиссія, и они опять сѣли на козлы. Мнѣ говорятъ, что многіе дома и гостиницы оставались запертými, рынки — безъ провизіи, канцеляріи — безъ чиновниковъ. И сейчасъ дѣти играютъ роль почтальоновъ и телеграфистовъ. Вездѣ, гдѣ они могутъ замѣнить ушедшихъ въ бой взрослыхъ, на каждое мѣсто являются сотни желающихъ «поработать на свою отчизну». Все это бесплатно: «Родинѣ нуженъ теперь каждый динаръ». Всевозможныя учрежденія набираютъ ихъ изъ такъ называемаго здѣсь «общества трезвенниковъ», куда записывается «старшій возрастъ». Они на велосипедахъ носятъ по всему Бѣлграду, исполняя всевозможныя порученія. Ихъ служба здѣсь — не тягость, а отличіе. Трогательнень видъ этихъ веселыхъ мордашекъ, преисполненныхъ сознанія своей необходимости въ исключительное время. Гимназисты всѣ на общественномъ дѣлѣ, такъ же, какъ ихъ братья-студенты — на военномъ. Въ лучшемъ изъ здѣшнихъ отелей, «Москвѣ», въ громадномъ домѣ, выстроенномъ обществомъ «Россія», еще наканунѣ вовсе не было прислуги. Ее набрали вчера изъ-за Дуная. Только одно кафе этого отеля кипитъ жизнью. Сейчасъ здѣсь весь наличный городъ. Можетъ быть, потому и для его улицъ не осталось народа.

Пустынно, но бодрящій вѣтеръ отваги и рѣшимости вѣетъ въ обезлюдѣвшей столицѣ маленькаго славянскаго королевства. За эти четверо сутокъ сплошной безотходной дороги въ переполненныхъ вагонахъ, гдѣ нельзя было даже вытянуть ногу, я такъ усталъ, что сейчасъ же бросился въ постель.

Синее небо смотрѣло въ окна. Жить бы да жить подь его нѣжною лаской, а палачи довели-таки бѣдное человѣчество до жажды народныхъ битвъ и сплошной смерти за великія заповѣди свободы и независимости. Снилось мнѣ тревожное. Окутанная сырымъ, холоднымъ туманомъ поля, пропитанная кровью земля, и на ней, въ сизой дали, — едва-едва различимые трупы, трупы и трупы... Черныя стаи склублившася въ одну тучу жаднаго воронья надъ ними. Большія, жирныя черныя птицы, впившіяся когтями въ неподвижныя головы, стальные клювы, выхватывающіе изъ нихъ незрячіе глаза. И надъ всѣмъ въ высотѣ на полміра раскрытыя черныя, въ багровыхъ отсвѣтахъ, крылья единственной побѣдительницы — царицы Смерти.

О, какъ прекрасны вы, свобода гражданина и независимость народа, но утлые челны бойцовъ плывутъ къ вашимъ тихимъ и мирнымъ пристанямъ океанами крови!..

VII.

Вся Сербія на боевыхъ позиціяхъ. То же и въ Болгаріи. О комъ ни спросишь, — уѣхалъ или уѣзжаетъ къ своему полку. Жизнь сосредоточена въ кафе «Москва», но и тутъ, если встрѣтишь знакомаго профессора, депутата, писателя, такъ не иначе, какъ заключившаго свою почтенную фигуру въ короткую солдатскую тужурку. Спокойныя ученыя профессіи — въ пѣхотѣ, поэты — въ болѣе соответствующей имъ гверильѣ. Мита Ракичъ уже ушелъ въ четники и въ Старой Сербіи взрываетъ подь носомъ у турокъ мосты, жжетъ ихъ блокгаузы, хозяйничаетъ у нихъ въ тылу, неждан-

ною грозой падаетъ на ихъ отрядцы. Вижу громадную черную съ просѣдью бороду Драгутина Илича. Вотъ фигура, — прямо на любой цоколь въ монументы! Онъ собралъ семьсотъ четниковъ и на-дняхъ удаляется съ ними на громадный просторъ переплетающихся горъ и ущелій отъ Ускопліе до Монастыря. Остановливаемся на станціи отъ Бѣлграда на Нишъ, и вдругъ въ вагонъ входитъ живой и юркій солдатъ. Всмотриваюсь: Боже мой, да вѣдь это сербскій Маркъ Твэнъ, юмористъ Нушичь! Хочу по старой памяти навѣстить Стояновича, бывшаго министра-президента въ кабинетѣ младо-радикаловъ, — и его нѣтъ. И онъ солдатомъ на границѣ. Въ Японіи генераль Ноги со своимъ харакири одинъ. Здѣсь было нѣсколько самоубійствъ людей, почему бы то ни было не попавшихъ на войну. Я не хочу повторять этого синодика. Но самый трогательный, я думаю, — молодая жена учителя. Онъ, жалѣя ее, отказывался идти волонтеромъ на великое народное дѣло. Она сначала убѣждала его не позорить себя, оставаясь позади, когда другіе дерутся. Убѣдившись, что ея усилія безплодны, она повѣсилась, написавъ мужу: «Теперь ты свободенъ. У тебя осталась одна забота — твоя родина. Если уцѣлѣешь, принеси на мою могилу цвѣты Старой Сербіи». Дѣти бѣгутъ на позиціи, и когда ихъ возвращаютъ въ семьи, они, все-таки, хотягь хотя бы послужить въ Бѣлградѣ телеграфистами, почтальонами, курьерами, писцами за ушедшихъ на боевые поля. Вижу въ кафе моего знакомаго. Онъ былъ генеральнымъ консуломъ, теперь козыряетъ мимо проходящимъ офицерамъ. Простой рядовой. Еще одна любопытная черта: здѣсь и въ Болгаріи пер-

вами пошли, какъ говорили когда-то, «подъ красную шапку» — крайніе лѣвые, часто подъ команду своихъ политическихъ противниковъ. Еще въ Сербіи издаются газеты. Въ Софіи, вмѣсто нихъ, листки. Ни наборщиковъ, ни печатниковъ, ни репортеровъ, ни фельетонистовъ. Всѣ въ арміи. Жизнь остановилась. Это, въ полномъ смыслѣ слова, народная война. Ищу я редактора и писателя профессора Божкова («Духовная Пробуда»), переводившаго Толстого, Г. С. Петрова. Ужъ, кажется, ему ли, кроткому проповѣднику любви и мира, братья за ружье. Но и его нѣтъ въ Софіи, и онъ гдѣ-то на аванпостахъ. И здѣсь покончило съ собою нѣсколько «отказанныхъ» по болѣзни... Съ утра отряды волонтеровъ, — фетровый котелокъ и баранья шапка рядомъ, модный вестонъ и оборванная куртка бѣднаго селяка, — направляются за городъ. Цѣлые дни ученье, — нужно изъ нихъ поскорѣе создать солдатъ. И надо видѣть, съ какимъ жаромъ неутомимо работаютъ они, эти вчерашніе инженеры, поэты, чиновники, купцы, земледѣльцы, рабочіе. Богачъ, хозяинъ отеля «Москва», сейчасъ уже дерется гдѣ-то подъ Приштиной. Извѣстный художникъ, картины котораго выставлялись въ Мюнхенѣ, бросилъ тамъ свою студию и, никѣмъ не призываемый, сталъ въ ряды родного войска. И Бѣлградъ и Софія, и Болгарія и Сербія одинаково переживаютъ высочайшій подъемъ. Я помню 76-й годъ, но его и сравнивать нельзя съ тѣмъ, что творится теперь. Тогда подымались рабы, — теперь окрѣпшіе въ свободѣ и независимости граждане добровольно идутъ на крестную смерть за братьевъ. Но у обоихъ народовъ это выражается не одинаково. Сербъ чисто-экспан-

сивень, кипить, какъ шампанское. Ему нужна галерея. Внѣшній порывъ, крикъ восторга, поза, — онъ и на смерть хочетъ идти красиво. Сейчасъ въ Бѣлградѣ это улеглось и смѣнилось спокойною рѣшимостью. Самые впечатлительные люди уже въ войскахъ. Болгаринъ весь ушелъ внутрь себя. Онъ молча раститъ энергію, копить ее для рѣшительнаго удара. У него уста сомкнуты, но глаза сверкаютъ мрачнымъ огнемъ. Въ эти окна смотритъ душа напряженная, жаждущая подвига. Это — до боли натянутая тетива, на которой еще неподвижна стрѣла. Я видѣлъ и болгаръ растроганными подъ сводами Кралевскаго собора два только момента. Первый, когда сверху раздалось вдохновенное «Съ нами Богъ», а потомъ, когда въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ народъ себя помнитъ и поетъ свои пѣсни, въ эктениі, вслѣдъ за царемъ Фердинандомъ, епископъ нарочито громко помянулъ, а хоръ встрѣтилъ многолѣтнемъ всѣхъ православныхъ и союзныхъ государей. Въ этотъ моментъ, казалось, балканскіе народы черезъ вершины своихъ горъ, черезъ еще томящіяся въ турецкой неволѣ долины, надъ ущельями и рѣками, съ сѣвера на югъ и съ запада на востокъ протянули другъ другу сильныя, мужественныя руки, прежде чѣмъ замахнуться боевымъ мечомъ за великую свободу. Народъ одряхлѣвшіе символы поднялъ, какъ изодранныя знамена... Сторожевыми кострами вспыхнулъ прогнившій буреломъ. Въ Сербіи тоже вдохновенный проповѣдникъ обратился не къ алтарю, а въ открытыя окна, въ безконечную святую синеву небесъ и оттуда призывалъ помощь Бога. «Ты Самъ — Свобода, Сила и Любовь. Благослови же изъ недосягаемой выси зна-

мена тѣхъ, кто готовъ сейчасъ лечь искупительной жертвой за торжество этой Твоей Троицы».

VIII.

Уже армія перешла границу. Уже турки отброшены. Аванпосты въ 30 верстахъ отъ Адрианополя, а бытописатели войны поневолѣ сидятъ въ кофейняхъ и ловятъ часто глупые и смѣшные слухи. Боже, чѣмъ можно было бы обогатить коллекцію курьезовъ, если бы нашелся кто-нибудь составлять такую. Наши въ этомъ отношеніи далеко оставили иностранцевъ за флагомъ. Описывались подвиги авіаторшъ, хотя пока здѣсь нѣтъ и авіаторовъ. Трогательна была дочь генерала Попова, но такой генералъ нашелся — въ отставкѣ, и никакой дочери у него не оказалось. Прекрасна княжица Елена, поступившая въ турецкую армію въ «дѣвицы-кавалеристы». Величественъ потомокъ послѣдняго изъ триполійскихъ султановъ Караманлиевъ, котораго юркій враль узналъ въ рядахъ плѣнныхъ солдатъ по... носу!¹

Кто-то уже гостеприимно впустилъ башибузуковъ въ предѣлы Болгаріи. Смѣшина была жалоба одного изъ нашихъ: редакція шлетъ ему упрекъ, почему онъ умолчалъ объ авіаторшѣ, дочери Попова, и башибузукахъ. «Помилуйте, не могу же я

---

¹ Это были только цвѣточки. Оргія вранья разыгралась потомъ. По наглости и безцеремонности его — я не помню ничего равнаго. И вѣдь эти господа — начиная съ фонъ Вагнера — каждый лгалъ въ нѣсколько газетъ, поддѣлывая всю лѣтопись войны, создавая общественное мнѣніе. Выигрывались и проигрывались сраженія, сдавались и брались крѣпости и города — когда арміи еще только перешли границу. Никогда „рыжій“ съ такою наглостью не врвался въ страшную трагедію смерти и разрушенія. И это была не одна гоньба за сенсаціей. Потому тутъ ужъ явилась и клевета

врать!». Тутъ налицо всѣ знаменитости корреспондентскаго мірка. Въ Бѣлградѣ еще нѣкоторыхъ (Рода-Рода изъ «Neue Freue Presse»), явно враждебныхъ славянскому крестовому походу, не пустили. Софія не хочеть раздражать Западъ. Она открыла широко двери и друзьямъ и недругамъ, но держитъ ихъ здѣсь какъ и военныхъ агентовъ. Нѣтъ поѣздовъ для этого легіона, нѣтъ уголка въ Ески-Загрѣ для нихъ. Отправить однихъ и не пустить другихъ значило бы вызвать остервенѣлый лай, съ которымъ въ Триполи пришлось даже считаться Италиі. Такимъ образомъ, первые настоящіе подвиги молодой арміи остались неописанными. Здѣшняя официальная газета «Міръ» даетъ только заголовки событій, но не самыя событія. Такъ гетры и высокіе сапоги и украшаютъ опустѣвшія улицы Софіи. Въ Сербіи отношеніе къ «процѣженнымъ» корреспондентамъ мягче, и имъ больше простора, но всѣ хлынули сюда, потому что именно здѣсь узелъ будущаго. Турки, отступая въ Старой Сербіи, сосредоточиваются противъ Болгаріи, и, повидимому, здѣсь разрѣшится освободительная война между Адрианополемъ и Чаталджею. Одно, что утѣшаетъ корреспондентовъ, — необыкновенная любезность болгаръ. Они охотно дѣлятся свѣдѣніями... которыя и безъ того намъ извѣстны. Кто-то изъ моихъ собратій попробовалъ было двинуться къ Филиппополю и дальше на велосипедѣ, другіе на автомобилѣ, но и тѣхъ и другихъ обратили вспять. Два англичанина забрались въ самый Филиппополь, но сидятъ тамъ подъ арестомъ. Большая часть корреспондентовъ обезножена. Лошадей нѣтъ. Случайно ловятся, и то наперебой. Уѣзжалъ турецкій посоль, съ

нимъ былъ знакомъ маркизь де-Сегонзакъ, извѣстный авторъ прекрасныхъ книгъ о Марокко, французскій офицеръ, прїѣхавшій сюда отъ «Echo de Paris». Онъ купилъ пару. Я привезъ коня (о, Господи, Ты видишь!), самозванно носящаго это почтенное имя, благодаря покровительству сербскаго военнаго министра, а то бы и подобнаго чудища не добыть. Небо смилвалось надъ полковникомъ Дрейеромъ и капитаномъ Мамонтовымъ. Остальные надѣются на будущее и пока ходятъ пѣшкомъ, но съ хлыстами въ рукахъ и въ кавалерійскихъ рейтузахъ. Не только коней, — не добыть и ословъ. Все реквизировано. Ни въ Софїи, ни въ Бѣлградѣ вообще ничего не достать. Ни палатокъ, ни походныхъ кроватей, ни гуттаперчевыхъ мѣшковъ для спанья въ дождь, ни повозокъ. Все расхватано. Правила для корреспондентовъ драконовскія. Но въ нихъ есть смыслъ. Особенно при оборонительной войнѣ, когда по фамиліи упоминаемаго въ газетахъ героя противникъ опредѣляетъ, какой полкъ, дивизія или корпусъ стоитъ передъ нимъ. При побѣдоносной или наступательной войнѣ это неважно. Бѣгущему врагу некогда собирать подобныя свѣдѣнія. Драконовскіе законы не для однихъ насъ только, но и для своихъ солдатъ и офицеровъ. Ихъ семьи не получаютъ писемъ. Не знаютъ, гдѣ находятся братья, мужья, дѣти. Приходитъ ко мнѣ какъ-то одинъ изъ виднѣйшихъ здѣшнихъ писателей и радостно говорить: «Наконецъ я узналъ, гдѣ мой братъ; отсюда случайно прїѣхалъ сюда знакомый». Въ цензурѣ не военные, — военные нужны для войны, — а профессора. Все равно образовательныя учрежденія закрыты, молодежь ушла на рубежи. Оставшіеся

здѣсь писатели, профессора сидятъ въ цензурѣ и вѣдаются съ тучей раздраженныхъ корреспондентовъ. Одинъ англійскій, снабженный хорошо деньгами, отъ нечего дѣлать посылаетъ въ Лондонъ проволочкой тысячи словъ о красотѣ освѣщенного солнцемъ Витоша, о чудныхъ типахъ болгарскихъ женщинъ, о характерной толпѣ на софійскихъ улицахъ. Другіе дѣлятся съ восхищеннымъ міромъ своими стратегическими планами. Третьи... покорно сидятъ у моря и ждутъ погоды, четвертые бѣгаютъ по банкамъ съ роковымъ вопросомъ, не перевела ли имъ редація денегъ, и, получивъ соболѣзную «нема ништо», бѣгутъ съ зловѣщимъ видомъ топиться, но не находятъ подходящей для этого рѣки.

IX.

Свиданіе съ Пашичемъ.

Теперь, когда здѣсь въ Сербіи нѣтъ политическихъ партій, все сплотилось вокругъ этого государственнаго человѣка. Забыты старые счеты, горечь борьбы, затихла острая боль парламентскихъ поражений. Помнятъ только его славное прошлое, цѣнятъ въ немъ едва ли не единственнаго большого государственнаго дѣятеля. Еще вчерашніе политическіе враги теперь вспоминаютъ, какую борьбу онъ вель съ Миланомъ. Его заточеніе, приговоръ къ разстрѣлу и бѣгство въ Болгарію при помощи часового-единомышленника наканунѣ казни. Сейчасъ выступила на передній планъ его энергія въ таможенной войнѣ съ Австріей, дипломатическая ловкость, съ которою онъ открылъ своему маленькому народу отдаленнѣйшіе рынки Египта, Англии и Италіи. Когда Австрія пошла на компромиссы,

Пашичь и тутъ не хотѣлъ ничѣмъ поступиться. Уже заключивъ новую конвенцію съ нею, онъ занялъ по отношенію къ Эренталю еще болѣе твердое положеніе. По договору сербскія свиньи допускались къ перевозу черезъ Дунай только «тушами». Эренталь, пожимая руку Пашичу, обратился съ невинною, повидимому, просьбой:

— Теперь мы опять друзья. Надѣюсь, вы позволите вернуться въ Бѣлградъ Штейнгарду и другимъ высланнымъ вами нашимъ подданнымъ.

Дѣло шло объ эмиссарахъ, шпіонахъ и провокаторахъ Австріи.

— О, разумѣется, графъ... Но, по договору, тоже... тушами!

Сейчасъ старикъ занятъ до такой степени, что нужно его желѣзное здоровье и страшная энергія, чтобы не свалиться отъ безчисленныхъ визитовъ, переговоровъ, сюрпризовъ днемъ, телефоновъ ночью. «Теперь, какъ у васъ подъ Севастополемъ, надо намъ дѣлать въ мѣсяць то, что обыкновенно не окончишь и въ годъ». Я пришелъ къ нему вечеромъ. Въ пріемной со стѣнъ смотрѣли на меня Михаилъ Обреновичъ, король Миланъ и Петръ Карагеоргіевичъ. Ко мнѣ вышелъ зоркій и пристальный старикъ, слегка сгорбившійся подъ игомъ лѣтъ и неустаннаго труда. Большая бѣлая борода. Сухая, нервная рука точно оцупываетъ вашу. Глаза — шарятъ въ душѣ: чего вы стоите, и какъ съ вами считается. Разумѣется, сейчасъ же онъ заговорилъ о Россіи... Чувствовалась внутренняя боль и обида въ его вздрагивавшемъ и прерывавшемся отъ волненія голосѣ, когда онъ передавалъ, какъ къ нему рука-объ-руку явились весь подавленный и разстроенный своимъ позоромъ

нашъ посоль съ торжествующимъ и не умѣвшимъ скрыть этого австрійскимъ, — требовать остановить сербскія войска, уже собравшіяся на рубежѣ. «Воля Европы, молчавшей до сихъ поръ, терпѣвшей вопіющія нарушенія Берлинскаго трактата, не исполненнаго въ доброй половинѣ Турціей. Остановить войска! Сейчасъ народъ какъ у насъ, такъ и въ Болгаріи взялъ въ свои руки великое и страшное дѣло. Попробуй правительство вернуть армию, — она смоетъ его, какъ пѣну, выброшенную на берегъ. Мы долго ждали. Мы истощили все. Стучались смиренными просителями у дверей дипломатическихъ канцелярій. Наши братья истреблялись въ Старой Сербіи, — мы взывали къ Европѣ о заступничествѣ и милосердіи. Но въ милосердіи намъ было отказано, а заступничество даровано Турціи. Пущено было въ ходъ все — и ложь, и клевета, чтобы заглушить наши вопли отсюда, вопли жертвъ подъ ножомъ убійцы. У васъ кто-то говорилъ о томъ, что Россія не должна принимать участія въ этой войнѣ. О, разумѣется, нѣтъ! Наша великая мать слишкомъ много пролила за насъ драгоцѣнной крови. Повѣрьте, нѣтъ въ Сербіи ни одного разумнаго человѣка, который желалъ бы вамъ новыхъ несчастій и утратъ. Мы молимъ не объ этомъ. Пусть у васъ знаютъ, что не мы вызвали войну. Если бы мы остались равнодушными къ тому, что творять турки за рубежомъ, — Сербія задохлась бы. Такъ дальше жить нельзя. Мы надѣемся на побѣду, но если ея не будетъ, почетнѣе умереть славно, чѣмъ влачить приниженное, недостойное существованіе. Мы ждемъ отъ нашей могущественной покровительницы одного: «твердаго и рѣшительнаго слова». Къ войнѣ мо-

гуть привести нерѣшительность и колебаніе ¹. Ихъ принимаютъ за признакъ слабости. Всякій разъ, какъ наша «святая мать» говорила грозно, міръ преклонялся передъ нею. Войны съ нею не хотятъ. Германіи война не нужна и невыгодна. Австрія вовсе не такъ мощна. Иначе она бы не волновалась по поводу ложнаго слуха о мобилизаціи въ Царствѣ Польскомъ вашихъ... двухъ дивизій! Поднятая къ сѣверу отъ Дуная шумиха умолкнетъ, когда Россія заговоритъ достойнымъ ея голосомъ. И это поведетъ не къ войнѣ, а къ миру. Поймите, вы теперь сами здѣсь, развѣ мы могли еще ждать и терпѣть?». Слова сербскаго государственнаго человѣка я дополняю такими же бесѣдами съ здѣшними выдающимися политическими дѣятелями, думающими всѣ заодно. Со страстнымъ любопытствомъ онъ разспрашивалъ о Россіи, и когда онъ вспоминалъ о своемъ пребываніи въ ней, и безъ того молодые глаза этого старца разгорались. Я передавалъ ему о сочувствіи русскаго общества, мирно настроеннаго, но живо и болѣзненно воспріявшаго горе и муки родной страны.

— Да, да... Это все создала ваша великодушная, честная печать. Низкій поклонъ ей, не закрывшей глаза на наши страданія! Смотрите, наблюдайте и передайте тамъ, своимъ, нашу дѣйствительность. Она вся сейчасъ полна слезъ, а скоро и обольется кровью. За нами право. Оно дастъ намъ побѣду, но дорогою цѣной...

И другіе сербы за то же. Никто не рассчитываетъ на то, чтобы Россія объявила войну Турціи. Да

¹ Проницательный старикъ точно издали угадывалъ позорныя и незаслуженныя Россіей пораженія нашей дипломатіи.

и не надо этого. Довольно мобилизовать войска на нашей азіатской границѣ. Получено извѣстіе, что турецкій флотъ появился передъ Варной. Турки сдѣлали то, на что не посмѣли итальянцы въ Адриатикѣ. Но, вѣдь, тамъ только треть береговъ австрійскихъ, а Черное море на двѣ трети наше. Я пишу это уже въ Софіи, и всѣ здѣсь спрашиваютъ, неужели Россія ничѣмъ не отвѣтитъ на эту оскорбительную наглость. Доколѣ простирается сазоновская терпимость? Вотъ ужъ истинѣ настоящій толстовскій непротивленецъ!

X.

Золотистый свѣтъ электрическихъ люстръ въ длинномъ коридорѣ, ведущемъ въ покои наследника сербскаго престола княжича Александра. На стѣнахъ скромныя картины сербскихъ художниковъ. Тишина, только слышны мягкіе шаги дежурнаго адъютанта. Мнѣ пришлось ждать недолго. Тонкій и стройный юноша, съ горячими и нѣжными глазами, то вспыхивающими одушевленіемъ, то меркнувшими въ славянской печали. Гибкій. Характерныя черты Карагеоргиевичей, особенно рѣзко выраженныя у его отца. «Что дѣлается въ Россіи, какъ настроено наше общество, знаетъ ли народъ о томъ, что бросило его южныхъ братьевъ въ этотъ крестовый походъ?» Я самъ, къ сожалѣнію, могъ судить только по газетамъ. Княжичъ Александръ послѣзавтра ѣдетъ въ армію, гдѣ его братъ, Георгій, нетерпѣливый, страстный, неуравновѣшенный, въ лихорадочномъ стремленіи къ слѣпому, часто вовсе ненужному подвигу, за который будутъ расплачиваться другіе, уже на аванпо-

стахъ. Сербы убѣждены, что юношу ждетъ смерть на боевомъ полѣ. Слишкомъ неудержима неразсуждающая кипучая душа. Онъ весь въ порывѣ и, разумѣется, первый бросится въ огонь за родное дѣло. Королевичъ отнесся къ русскому корреспонденту въ высшей степени предупредительно. Мнѣ предлагалась полная свобода посѣщенія позицій, участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, способы отсылки депешъ, и, разумѣется, я съ радостью остался бы въ сербской арміи, но Адрианополь передъ болгарами, и тамъ развяжется война. Адрианополь, обведенный грозными редутами, связавшимися непрерывнымъ рядомъ траншей, съ линіей обороны въ сорокъ пять верстъ, съ громадными орудіями береговой постановки и съ громадною арміей, куда ежедневно еще подходятъ новыя и новыя отряды по пяти и шести тысячъ человѣкъ. Слѣдующая за этой второю Плевной укрѣпленная и грозная позиція Чаталджа, говорятъ, и сейчасъ уже не уступаетъ первой. Тамъ турки сосредоточатъ вторую свою армію. Все у нихъ направлено на этотъ фронтъ. Противъ Сербіи, Черногоріи и Греціи они выставили около ста тысячъ. На лѣвомъ флангѣ они будутъ отступать съ боемъ или безъ боя. Отъ Греціи задвинутся окопами и изъ-за нихъ начнутъ отбиваться отъ эллинскихъ полковъ. Такимъ образомъ, пожертвовавъ ста таборами, они свернулись въ громадный боевой кулакъ здѣсь. Болгарская армія могла бы поставить заслонъ противъ Эдирне (Адрианополя) и идти на востокъ, вызвавъ, такимъ образомъ лисицу изъ норы, — ту-рокъ изъ-за окоповъ. Но на востокъ ихъ ждетъ Чаталджа. Ожидаются кровопролитные бои, и я съ невольной тоскою думаю о великолѣпныхъ сол-

датахъ народныхъ дружинъ. Въ нихъ такъ долго росла и наслаивалась энергія и боевая жажда, что она можетъ ихъ выкинуть впередъ въ такой отважный и рыцарскій разлетъ, который дорого обойдется доблестному отважному народу. Особенно, если имъ придется драться рядомъ съ сербами.

Послѣ недавняго братанья въ Сливинцѣ на могилахъ ихъ отцовъ, брошенныхъ другъ противъ друга швабской ложью и подстрекательствомъ, они могутъ поддаться боевому соперничеству и идти на смерть, какъ на праздникъ. Да, дорого стоятъ челоѣчеству ошибки медлительной своекорыстной дипломатіи, требовательной и наглой у нашихъ враговъ и малодушно уступчивой, какъ камышъ, вѣтромъ колеблемый, у насъ. Когда подумаешь, что на каждого неудачнаго дипломата приходится сотни тысячъ челоѣческихъ жизней и миллиарды народныхъ сбереженій, — страшно за будущее . . .

XI.

Привели моего Россинанта. Погрузили. Сбились мы всѣ плечомъ къ плечу. Въ вагонахъ, рассчитанныхъ на семьдесятъ пять челоѣкъ, наложили точно штабелями, по двѣсти ратниковъ, торопившихся въ Болгарію. Все это, спѣшное, хмурое, сосредоточенное на мысли поскорѣе послужить великому дѣлу свободы. Вѣдь еще на-дняхъ они были на мѣстахъ и на работахъ въ Австріи. Бросили магазины, фабрики, поля по первому набату изъ-за Дуная. Это все охотники, въ большинствѣ македонцы. Смотрѣлъ я на нихъ и точно читалъ кровавыми строками записанную старую, давно забытую героическую легенду. За каждымъ изъ нихъ

длинный путь горной гверильи. Начни они рассказывать, — міръ изумился бы народу, такъ долго и безнадежно отстаивавшему себя. Одинъ изъ нихъ запѣлъ, и мнѣ казалось, что изъ прохладнаго ущелья повѣяло вольнымъ вѣтромъ горъ, пролетѣвшимъ черезъ ихъ потонувшія въ небесахъ утесистыя вершины. Это все сыны Родопа, не желающаго знать надъ собою господина. Я заговорилъ съ однимъ. Какая ненависть натянутою струной дрожала въ каждомъ его словѣ! И вдругъ, когда я совсѣмъ не ждалъ этого, въ мстительѣ сказался человѣкъ: «Мы сами слишкомъ много терпѣли и страдали. Мой отецъ зарѣзанъ турками, а прадѣдъ посаженъ на колъ на площади Сараскеріата. Братья мои въ діарбекирской ссылкѣ. Живы ли, — почемъ я знаю. Оттуда не доходятъ вѣсти къ нашимъ горнымъ лачугамъ. Горе вооруженнымъ палачамъ. Мы всѣ считаемъ себя приговоренными, но каждая наша жизнь дорого обойдется врагу. Но если Богъ даруетъ намъ побѣду, — не будетъ краше жизни, чѣмъ въ нашемъ краю, миломъ, родномъ краю! И туркамъ, и намъ. Мы не тронемъ мирныхъ селяковъ. Вѣдь любовь жила въ человѣкѣ прежде, чѣмъ онъ сталъ мусульманиномъ или повѣрилъ въ Распятаго. Не вѣрьте тому, что рассказываютъ о насъ. Подъ моей овчиной бьется живое сердце. Мы безпощадны съ насильниками, — вѣдь они пятьсотъ лѣтъ пили нашу кровь, — но тѣмъ, кто захочетъ быть съ нами вольными, честь и мѣсто въ будущей великославянской семьѣ. Вѣдь и они когда-то потурчились. Не умѣли умереть, малодушные» . . . Я удивился языку моего случайнаго собесѣдника, на суровомъ лицѣ котораго проступало волненіе, съ которымъ не удалось со-

владать будущему четнику. А знаете, какіе отряды составляются изъ такихъ? У него на груди подъ овчиной схоронятся мѣшочки съ динамитомъ. Онъ будетъ рвать мосты, жечь казармы, сторожить ночью и днемъ турецкій тылъ и фланги, отбивать продовольственные обозы, негаданно врываться въ малые отряды и истреблять ихъ. Его, разумѣется, ждетъ неизбѣжная гибель. Стоитъ ему оступиться на козыхъ тропинкахъ, и отъ него не останется даже пыли. Но, окруженный врагами, онъ погибнетъ вмѣстѣ съ ними. «Милая родина не забудетъ мою семью, а дѣти вырастутъ, будутъ гордиться моей памятью, какъ я горжусь моимъ отцомъ и прадедомъ. Мы дорого заплатили за свою свободу, но такая красавица стоитъ большаго»¹.

XII.

Мирныя тихія поля. Покой благодатью лежитъ на ихъ зеленяхъ. Золотыя осеннія рощи ревниво обступили соломенные кровли, ласково нѣжится на солнцѣ змѣистая рѣчка. И что за богатство кругомъ! По обѣ стороны пути горы свеклы, свезенной сюда для сахарныхъ заводовъ. Прежде Сербія въ этомъ отношеніи бѣгала на австрійской веревочкѣ, но послѣ таможенной войны Пашича съ Эренталемъ въ ней самой возникли сахарные заводы. Сейчасъ, разумѣется, трубы ихъ не курятъ

---

¹ Увы! Великодушныя мысли и святыя обѣты — живо, точно засохшіе листья съ дерева, сорвалъ скоро безпощадный вихрь злобы и ожесточенія. Шли на войну, какъ къ причастью, что было потомъ — другое дѣло. Злая дѣйствительность бросила подъ ноги рыцарямъ свободы трупы замученныхъ женщинъ и дѣтей, окутала народныя арміи дымомъ пожарищъ, и скоро воинъ крестоваго похода самъ обратился въ палача и сую, въ мстителя — око за око и зубъ за зубъ!..

ся, и въ окнахъ не видно людей, — вся рабочая молодежь ушла въ армію. Кому не хватило казенныхъ ружей, тѣ добыли свои или пошли съ ножами. Воодушевленіе маленькаго, но доблестнаго народа таково, что сильному и здоровому человѣку нельзя не идти. Ему стыдно встрѣтить молчаливый укоръ въ глазахъ жены, сестры, даже матери... Мы едва полземъ. На станціяхъ насъ узнаютъ съ моимъ товарищемъ Миланомъ Боіовичемъ, и къ намъ набиваются друзья и знакомые писатели, профессора, — въ солдатскихъ шинеляхъ. Иной въ очкахъ и въ бородѣ, съ фигурой, привыкшей къ креслу у письменнаго стола, на первый взглядъ смѣшонъ даже, но всмотритесь въ эти пылающіе одушевленіемъ глаза, въ радость человѣка, нашедшаго оправданіе своей жизни, — и встрѣченный пріятель растрогаетъ васъ до глубины души. Въ товарныхъ вагонахъ тихо. Тамъ восторги первыхъ дней смѣнились серьезною и сосредоточенною рѣшимостью. Рѣдко-рѣдко услышишь пѣсню. И вотъ еще: съ тѣхъ поръ, какъ началась эта святая страда, ни въ Сербіи, ни въ Болгаріи — ни одного пьянаго. Прекратились преступленія: полиціи, опять-таки добровольческой, потому что настоящая на боевыхъ позиціяхъ, — нечего дѣлать. Правительству незачѣмъ отлагать вексельные и долговые сроки. Сами кредиторы не начинаютъ исковъ: «Мы сочтемся потомъ, послѣ войны!».

Желѣзныя дороги не принимаютъ частной почты, все живетъ для боевыхъ позицій, — и только. Періодическія изданія не доставлялись сюда. Интеллигенты, офицеры, селяки, солдаты бѣгаютъ вдоль вагоновъ и умоляютъ: «Газетъ, газетъ!». Знай мы это въ Бѣлградѣ, — захватили бы ихъ

кипами. Вотъ везутъ сѣрые круги колючей проволоки для загражденій, ящики съ патронами изъ Крагуеваца, гдѣ казенный заводъ и день и ночь работаетъ во-всю. Тамъ народъ остался потому, что его трудъ приравняется къ боевой службѣ. Событія застали Сербію врасплохъ. Она только задумала создать свои пушечные заводы. Случись это заранѣе, изъ предназначенныхъ ей орудій не стали бы стрѣлять турки, захватившіе этотъ военный грузъ въ мирное еще время у выхода въ Босфоръ.

Кукуруза не снята. Некому. Бабы возятся на картофельныхъ поляхъ. Мужскія руки отсутствуютъ. Многіе спрашивали, съ чего это балканскій союзъ объявилъ войну Турціи осенью. Еще бы, — селяки сняли большую часть урожая. Женщины соберутъ остальное, и край обезпеченъ на годъ до будущаго лѣта. А едва ли человѣчество выдержитъ дольше зрѣлище великаго крестоваго похода за свободу и не крикнетъ озвѣрѣлымъ палачамъ: «Руки прочь!». Вѣдь, въ сущности, такихъ сантиментальныхъ туркофиловъ, какъ ловець восточныхъ бабъ передъ Господомъ Пьеръ Лоти, мало. Читали ли вы его воззваніе за бѣдныхъ турокъ? Стремящіеся къ свѣту и независимости народы Балканскаго полуострова онъ назвалъ гіенами, разрывающими трупъ. Да, вѣдь, зачѣмъ же трупы валяются и заражать воздухъ? . . . Это не мое сравненіе, и я его вовсе не нахожу лестнымъ для «бѣдныхъ турокъ».

XIII.

Яркіе цвѣты прекрасной осени. Спокойное зеркало идиллической Моравы. Пѣтъ бы да радовать-

ся людямъ среди чистой красоты. Но балканскіе народы помнятъ великій завѣтъ: святое дѣло надо довести до конца. Они 35 лѣтъ слышали вопли изъ-за турецкаго рубежа. Тамъ въ заревѣ пожаровъ чудились гибнущіе братья. А вѣдь давно ли въ Сальсомаджіоре въ Италіи я встрѣтилъ Гази-Мухтаръ-пашу, командовавшаго въ 1877—78 годахъ турецкою азіатскою арміей. Съ какимъ воодушевленіемъ онъ говорилъ, что молодая Турція соберетъ вокругъ, свободная, свободныя племена. Создается коалиція придунайскихъ королевствъ и Черногоріи, и тогда ни его несчастной, — вѣдь и она несчастна! — родинѣ, ни имъ не будутъ страшны жадные швабы . . . Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ отъ этой маниловщины мусульманскаго генерала не осталось и слѣда. Прекрасные, трезвые, честные турецкіе крестьяне должны умирать за злую старь, они, сами нуждающіеся, — какъ въ чистомъ воздухѣ, — въ свободѣ и просвѣщеніи. И какіе инстинкты пробуждаются при этомъ! Идуцій на смерть македонецъ, мой спутникъ по поѣзду, проповѣдуетъ милосердіе къ побѣжденнымъ и равноправіе для не обнажающихъ оружіе за неправо дѣло, а въ славянствѣ появляются поэты, въ родѣ извѣстнаго Христова, пишущіе звучные призывы: «убивай! . . .» Оглядываясь на вчерашнія обѣтованія младотурокъ, не могу не вспомнить, какой восторгъ вызвала равная и для мусульманъ и для христіанъ воинская повинность. Первыхъ солдатъ болгаръ, армянъ и грековъ турецкіе ихъ товарищи встрѣтили какъ любимыхъ братьевъ, и не прошло года, — положеніе чужихъ въ мусульманской средѣ стало невыносимо. Въ Салоникахъ, гдѣ народъ все-таки просвѣщеннѣе, въ Драмѣ, въ самомъ Константи-

нополѣ случались даже самоубійства новобранцевъ-славянъ и евреевъ . . . Да, по-щучьему велѣнію народы не мѣняются, и самая лучшія сѣмена свободы, правды и любви глохнуть и сохнуть на горячихъ скалахъ.

Теперь ужъ во всемъ чувствуется близость боевыхъ позицій.

Нишъ занять военными караулами. Станція охраняется не добровольцами, а настоящими солдатами. Талантливый художникъ на часахъ только привѣтливо улыбается мнѣ; другой, студентъ парижской Сорбонны, въ солдатской шинели горбомъ на спинѣ, несетъ куда-то ведро съ пищей для товарищей. Мою лошадь хотятъ оставить, но какимъ-то чудомъ позволяютъ ей прослѣдовать дальше, хотя я искренно обрадовался бы столь трагическому исходу. Усталъ я до смерти. Спать хотѣлось такъ, что на ходу глаза слипались, а вытянешь ноги, толкнешь товарища, и онъ то и дѣло нацѣливается каблуками мнѣ въ бороду, и вдругъ за Нишемъ, оказывается, — чудо невиданное. Къ нашему оглашенному поѣзду пристегнули оставшіяся отъ упраздненнаго оріентъ-экспресса спальный вагонъ. Это послѣ недѣли тревогъ и волненій. Я заснулъ какъ убитый, а проснулся . . .

XIV.

Яркое солнце. Чудный синій день. Пустынныя поля, и на югъ — причудливая кайма аметистовыхъ горъ. Мы въ Болгаріи. Скоро будетъ Софія, которую въ послѣдній разъ я видѣлъ такой шумной, веселой, ликующей. Вотъ шоссе, по которому къ незамѣченной нами Плевнѣ подходили шестьдесятъ

таборовъ Османъ-паши. Грозная сила, на семь мѣсяцевъ задержавшая нашу войну. Мы и это проглядѣли тогда, не давая вѣры сообщеніямъ болгаръ. Разъ навсегда рѣшили: у страха глаза велики. И откуда могли бы взяться у непріятеля два новыхъ корпуса, когда, по свѣдѣніямъ Н. П. Игнатъева, достаточно было нашихъ 80 батальоновъ, чтобы разнести Оттоманскую Порту. Сейчасъ болгары далеко не такъ легковѣрны и самонадѣяны. Они отлично изучили силы противника и его средства. Выступая, знаютъ, что дѣло имъ предстоитъ тяжкое, и, разумѣется, не разъ подумали: «Да минетъ насъ чаша сія». Но терпѣть дальше они не могли. Освобожденные, создавшіе у себя прекрасныя учрежденія, воспитавшіе превосходную армію, они не могли колебаться. Надо было всё эти великія блага воли, независимости, покоя, труда и просвѣщенія внести и за рубежь, къ томившимся въ застѣнкѣ пасынкамъ Берлинскаго конгресса. Мой сосѣдъ, корреспондентъ одной изъ виднѣйшихъ вѣнскихъ газетъ, когда я ему сказалъ это, насмѣшливо и презрительно замѣтилъ:

— Какъ могутъ вводить просвѣщеніе безграмотные люди?

Увы! Онъ съ вѣчною проповѣдью швабскаго культуртрегерства на славянскомъ югѣ побилъ себя своимъ же оружіемъ. Еще тридцать пять лѣтъ назадъ Болгарія могла бы заслужить подобный упрекъ. Но этотъ удивительный народъ сейчасъ дошелъ до того, что, напримѣръ, въ Тырновскомъ округѣ у него только 2% безграмотныхъ, т. е. гораздо менѣе, чѣмъ въ просвѣщенной Австріи. И министръ Тодоровъ въ Софіи съ законною и понятною гордостью говорилъ мнѣ: «Еще немного, и

въ Болгаріи не будетъ ни одного неграмотнаго. А потомъ на этой благодарной почвѣ вырастутъ пышными цвѣтами и университеты, и другія высшія учебныя заведенія».

Еще нѣсколько минутъ, и недавняя чуть ли не деревня турецкая (что значитъ четверть вѣка въ жизни народа!) насъ приняла, развернувшись чудесными домами, прекрасными улицами и памятниками, съ сказочною быстротой вырастающая столица молодого королевства!

XV.

Не успѣлъ я дописать прошлую главу, какъ толпа на улицахъ Новой Загоры (поневоля приходитъ забѣгать впередъ!) — подхватила и унесла меня къ комендантскому двору, куда привели первыхъ турецкихъ плѣнныхъ. Толпа — вездѣ толпа. Разумѣется, она изъ сочувствія къ несчастью врага не надѣнетъ на себя траурной маски. Она была весела, шутила и смѣялась, но не зло, а добродушно, какъ радуются люди на праздникѣ. Я помню первыхъ турецкихъ плѣнныхъ въ Горномъ Студнѣ. Надъ ними въ 1877 году издѣвались въ тылу. Военная челядь — денщики, конюхи — точно огненнымъ кругомъ скорпіона, окружала ихъ ненавистью и торжествующей злобой. Я тогда же писалъ объ этомъ, не смягчая красокъ и не скрывая своего негодованія. Совсѣмъ иное приходится заносить въ лѣтопись сегодня. Со мною мой помощникъ — болгаринъ, студентъ берлинскаго университета, но націоналистъ въ нашемъ смыслѣ этого слова. Онъ не скрывалъ летучихъ словъ, слышавшихся въ толпѣ, да я и самъ разобралъ

ихъ. Плѣнныхъ не оскорбляли, не швыряли грязи на желѣзное иго ихъ нынѣшняго горя. Напротивъ, находились даже восклицанія утѣшенія и надежды, и ихъ бросали плѣнникамъ обыкновенно жестокия въ своей ненависти и мщеніи женщины, — матери, сестры и жены солдатъ, оторванныхъ жребіемъ войны отъ родныхъ очаговъ.

Большой комендантскій дворъ. Вечернее солнце (увы! — сегодня его уже нѣтъ, — началась мучительная балканская осень). Въ тѣни, у стѣнъ, по-турецки поджавъ ноги, сѣли плѣнные. Смуглые, горбоносые. Побѣжденные молчатъ, но въ ихъ взглядѣ я не подмѣтилъ вражды. Кисметъ! Судьба, которой подчиняется слѣпо и покорно мусульманинъ. Толпа перебрасывается съ ними бѣглыми фразами, и въ этихъ нѣтъ ни упрека ни угрозы. Это — просто утомленные и голодные странники, пришедшіе на отдыхъ къ чужому народу, встречающему ихъ шумнымъ, но не обиднымъ любопытствомъ. Глаза у плѣнниковъ разгорѣлись жадно, только когда принесли имъ въ корзинахъ хлѣбъ и сыръ. Каждый ѣлъ, сколько хотѣлъ, уже не обращая на насъ никакого вниманія. Мнѣ показалось въ эту минуту неприличнымъ щелканье кодаковъ. Что дѣлать. Служа большой публикѣ, мы, — ея бинокли отсюда сюда, — поневолѣ должны время отъ времени быть не совсѣмъ чутки къ чужому несчастью. Это здѣсь еще съ полгоря. Я помню, какъ въ Китаѣ дамы съ сверкавшими отъ жестокой алчности глазами, торопились поймать на свои чувствительные негативы моментъ, когда на шумной площади желтолица, раскосая голова хунхуза подъ широкимъ мечомъ манчжурскаго палача падала въ желтую пыль, всю ее просачивая алою кровью...

XVI.

Наконецъ, намъ разрѣшили выѣхать изъ Софїи, но еще не въ армію, а только въ Старую Загору, гдѣ стоитъ главная квартира. Я бѣсился на эту задержку, но когда сообразилъ, — понялъ, что много и требовать нельзя отъ маленькаго штаба небольшого войска. Здѣсь все въ обрѣзъ. Стараются не перегружать боевыхъ центровъ, каждая копейка на счету, и во всякомъ расходѣ придется послѣ войны дать отчетъ народнымъ представителямъ. А на корреспондентовъ трата все-таки. Надо держать цѣлый штатъ цензоровъ, завѣдующихъ ими офицеровъ, увеличивать число телеграфистовъ, почтальоновъ. И въ заботѣ о насъ тоже. Не по силамъ она небольшой странѣ, никакъ не ожидавшей такого прилива «биноклей» отъ всей Европы. Вѣдь здѣсь, какъ-никакъ, а ихъ за сто. Размѣстите эту ораву въ крохотныхъ городахъ и селахъ, гдѣ каждая кровля нужна войску или лазарету. Ко мнѣ относятся здѣсь какъ къ родному. Вспоминаютъ, что я на этихъ поляхъ и въ Балканахъ переживалъ тридцать пять лѣтъ назадъ освободительную войну. Можетъ быть, я и не стою этихъ привѣтствій! Болгарія — конституціонное государство, гдѣ всѣ равны передъ закономъ. Русскимъ, можетъ быть, и порадили бы. Но знаете ли, что значитъ сдѣлать исключеніе для одного изъ насъ въ нервной и нетерпѣливой, раздраженной и требовательной толпѣ пословъ отъ иностранной печати при болгарской арміи. Вѣдь вся западная пресса подняла бы вой и вопль, а сейчасъ царство крайне нуждается въ сочувствіи Запада. Послѣ даже и побѣдоносной войны начнется дѣло

дипломатовъ (да минеть балканскій союзъ чаша сія), а тогда общественное мнѣніе Европы сыграеть, можетъ быть, гораздо болѣе важную роль, чѣмъ ея политическіе аптекари со своими для живыхъ народныхъ ранъ гуммоными пластырями. Намъ, близкимъ Болгаріи, первымъ надо безропотно подчиняться правиламъ и избавить гостепріимную страну отъ всякихъ затрудненій и переплетовъ. И потому сейчасъ я сижу въ Старой Загорѣ и жду. Плетью обуха не перешибешь. Всѣ войны я начиналъ на боевыхъ позиціяхъ и только эту пока вижу слишкомъ издали. Но въ этомъ не моя вина. Я не щадилъ себя молодымъ, а въ шестьдесятъ восемь лѣтъ можно позволить себѣ маленькую роскошь не бояться смерти. Проживу ли я двумя или тремя годами больше, — не важное кушанье.

Мы выѣхали изъ Софіи въ одиннадцать часовъ утра. Едва размѣстились въ вагонахъ. Вѣдь съ нами отправились въ главную квартиру и военные агенты. Всюду здѣсь между офицерами находишь воспитанниковъ русскихъ кадетскихъ корпусовъ, и большая часть говоритъ по-русски. Точно и не выѣзжалъ изъ Россіи! Мнѣ они помогали всѣми мѣрами, какъ и моимъ товарищамъ. Сѣли въ вагоны плечо къ плечу. Въ коридорахъ стояли тѣ, которымъ не удалось занять мѣста съ нами. Болгары сейчасъ же уступили свои мѣста иностранцамъ. Всѣ почти здѣшніе сотрудники софійскихъ газетъ съ перевязью корреспондентовъ (краснаго сукна, буквы В. К. и номеромъ; у вашего покорнѣйшаго слуги — восьмой) явились въ солдатскихъ шинеляхъ. Они всѣ записались въ армію, какъ только былъ объявленъ призывъ, волонтерами. Со мной,

напримѣръ, въ одномъ купе былъ богатый собственникъ большой софійской газеты и самъ писатель; онъ пожертвовалъ свой автомобиль на военныя цѣли, а самъ отправился простымъ вольноопредѣляющимся въ воинскомъ поѣздѣ. Уже въ Старой Загорѣ я нашелъ почти весь литературный міръ Болгаріи съ крайняго права до крайняго лѣва, безъ различія и исключенія направленій, съ тѣми же кантами вольноопредѣляющихся на солдатскихъ погонахъ. Изъ нихъ знающихъ иностранныя языки поставили цензорами, а большая часть ждетъ назначеній въ полки на боевое поле или уже дерется съ турками. Освободительная война въ одинъ порывъ пламенной готовности все отдать отечеству слила вчерашнихъ политическихъ враговъ. Вѣдь страна ополчилась не за коммерческія интересы. Ее толкнули въ крестовый походъ не банки и лавки, а свобода, равенство и братство призвали подъ свои священные стяги.

XVII.

Трудно себѣ представить болѣе очаровательный день.

Мы ѣхали тѣми долинами, которыми шла изъ Софіи къ Адрианополю армія Гурко. Какъ много говорили душѣ всѣ эти имена: Ихтиманъ, Сарамбей, значившіяся на стѣнахъ скромныхъ желѣзнодорожныхъ станцій. Палладіумъ нашей боевой славы, послѣднія побѣды, за которыми закатилось солнце суворовской и скобелевской Россіи, сплошная братская могила страстотерпцевъ, удобрившихъ растерзанными тѣлами тучную землю, на которой сейчасъ счастливо живетъ и работаетъ болгаринъ.

Солнце еще подыметя, — не оскудѣль русскій геній, хотя злая старь и сковала ему огненные крылья, — подыметя надъ инымъ творческимъ дѣломъ. Передъ нами на добрый вѣкъ благодарной работы. Насъ ждуть мирные посѣвы просвѣщенія, гражданственности и богатства.

Да, между этими въ аметистовомъ свѣтѣ млѣющими горами шли сѣрые, простые побѣдители, сами не понимавшіе, какому великому дѣлу они служатъ безконечною усталою, неисходною мукою, доблестью, отвагой и раннею смертью. По колдобинамъ, въ отвратительныхъ съ колеса на колесо падавшихъ телѣгахъ, медленно везли раненыхъ съ разбитыми черепами, раздробленными костями, изорванными мускулами. Столько эта роковая земля видѣла нашихъ страданій. На истинной *via dolorosa* мы встрѣчали въ 1877—78 годахъ вѣчный слѣдъ отступавшихъ турокъ — трупы зарѣзанныхъ болгаръ, изнасилованныхъ и выпотрошенныхъ женщинъ, дѣтей, которымъ башибузуки разбивали головы о деревья. А теперь на пепелищѣ спаленныхъ деревень, зарывавшихся въ землю и выставлявшихъ наружу однѣ кровли, изъ этой земли выросли счастливыя села. Надъ ними нѣжно и ласково колышутся раины садовъ въ яркомъ уборѣ великаго колориста — осени. Послѣдніе цвѣты ловятъ прощальные лучи солнца, послѣдніе теплые лучи. Тихо плывутъ въ сказочную даль чистыя рѣки, и мы сквозь порѣдѣвшую листву тополей и сливъ видимъ ихъ лазурные извивы. Поѣздъ стоитъ долго на станціяхъ, — время военное. Мы минуемъ длинные ряды платформъ съ лазаретами. Они двигаются тоже на югъ, и болгары-санитары спокойно спятъ на нихъ, под-

ставивъ и безъ того обугленные лица и черныя пятки солнцу. Вонъ мирные дома. Снаружи деревянные лѣстницы, на нихъ остановились и смотрятъ на насъ красивыя дѣвушки, а рядомъ на стѣнахъ пурпуръ и золото гирляндъ здѣшняго перца, снятаго давно съ полей, и зеленая эмаль еще не тронутаго первыми утренниками дерева. Коегдѣ купола церквей и бѣлыя свѣчки минаретовъ. Коранъ и Евангеліе уживаются рядомъ, и Европа братается съ Азіей. Довольно было дать строгій законъ, порядокъ и справедливость, чтобы турки здѣсь почувствовали себя такъ хорошо, какъ, разумѣется, имъ никогда не будетъ у себя, гдѣ они всѣ въ зажимистомъ и беспощадномъ кулакѣ пашей, — кулакѣ, сквозь который брызжетъ кровь народа. Здѣсь, въ Эски-Загрѣ (Старая Загора), я видѣлъ турокъ. У нихъ свои дома, мечети; у мечетей остались никѣмъ не тронутые вакуфы. Тѣ, которые не послушались фанатической проповѣди софты и остались на мѣстѣ, сейчасъ благословляютъ свою судьбу. «У насъ есть хлѣбъ, мы можемъ спокойно работать и жить. Наши семьи благополучны; имъ ничто не грозитъ». На боевыхъ позиціяхъ иное дѣло! Озелненныхъ солдатъ можетъ быть ненависть и мстительная память когда-нибудь и бросить на злое дѣло. Но я сегодня только что вернулся отъ турецкихъ плѣнныхъ. Отъ чудесной вчерашней погоды не осталось ни одного клочка голубого неба. Дождь льетъ, холодно. Въ казармахъ тепло. Въ теплѣ постланы одѣяла для турокъ. Они сами въ толпѣ болгаръ. Точно нѣтъ войны; добродушно сидятъ, дружески бесѣдуютъ. На лицахъ счастье неожиданнаго отдыха. Отъѣдаются отъ сплошной голодовки. «Намъ хо-

рошо, лучшаго мы не ждали, съ нами ласковы». Смотришь и понять не можешь. Неужели эти самыя рѣзали и мучили райю, дрались подъ Тымрышемъ и Девленомъ и сейчасъ дерутся въ Лозенградѣ. Какъ легко народамъ, нуждающимся только въ трудѣ, свободѣ и покоѣ, столкнуться однимъ съ другими, и что за каторжная судьба бросаетъ ихъ однихъ на другихъ! Точно подъ солнцемъ мало мѣста разобратся и расселиться добрыми сосѣдями, если не братьями. Нѣтъ, глупо еще и зло челоувѣчество!

XVIII.

Огни Филиппополя... Мигающіе огоньки другихъ городовъ и, наконецъ, тусклое пятно скупой освѣщенной Эски-Загры...

Уже ночь.

Мы должны ждать «завтра».

Сейчасъ размѣститъ маленькую армію корреспондентовъ нельзя, — городъ не великъ, и весь онъ спитъ подъ молочнымъ свѣтомъ луны. За станціей мы различаемъ неясныя бѣлыя очертанія. Чуть намѣчены мутно и призрачно невысокія горы. Да вѣдь это именно тамъ совершилось самое ужасное и геройское событіе освободительной войны. Знаменитый бой, гдѣ сплотившіяся вокругъ самарскаго знамени тридцать пять лѣтъ назадъ доблестно и свято умирали болгарскія дружины... Тамъ былъ убитъ великолѣпный туркестанскій офицеръ Калитинъ, мой близкій другъ, весь огонь, отвага и созидательный умъ. Какое, то невозможное соединеніе холода и пламени, боевого расчета и рыцарскаго стремленія къ личному подвигу... Мученица Эски-Загра, вырѣзанная до-

гла сулеймановскими таборами, которую въ дыму и огнѣ видѣли, оглядываясь, нѣсколько уцѣлѣвшихъ израненныхъ ополченцевъ, уносившихъ драгоценный стягъ на высоты далекой Шипки! Когда отрядъ Гурко отступалъ, ополченцы, молодые дружинники воскресавшей Болгаріи, прикрывали его. На нихъ обрушились, чуть не пятьдесятъ на одного, таборы турокъ. . . Остались въ живыхъ только тѣ, которые унесли знамя. Трогательно знать, какъ освобожденная и счастливая теперь Старая Загора чтитъ память скромнаго русскаго офицера, создавшаго ея армію и убитаго при защитѣ ея знамени. Его портреты здѣсь повсюду. Въ офицерскомъ собраніи — картина, изображающая мученическую кончину Калитина подъ турецкими штыками. Въ школахъ и войскахъ поютъ о немъ пѣсни. Это — реликвія города, его святыня. 18 іюля — день его смерти — всѣ колокола старозагорскихъ церквей надъ проснувшимся городомъ бронзовыми языками сзываютъ всѣхъ на поле героической битвы. Тамъ пока небольшой, но скоро соорудится на счетъ горожанъ бронзовый памятникъ, изображающій падающаго съ самарскимъ знаменемъ въ рукахъ нашего богатыря. Послѣдній разъ у мѣста его кончины собралось семнадцать тысячъ чело-вѣкъ, — въ городѣ ихъ всего двадцать шесть. Плачутъ уцѣлѣвшіе старики, и женщины протягиваютъ дѣтей, чтобы они коснулись устами каменной колонны. Панихида совершается митрополитомъ въ сослуженіи со всѣмъ духовенствомъ. Старая Загора въ траурныхъ флагахъ; въ ознаменованіе народной печали заперты лавки, и съ балконовъ спущено все черное, что только есть въ домахъ. Буйная поросьль поднялась на святомъ мѣстѣ. Весною и

лѣтомъ братскую могилу, надъ которой болгарскіе солдаты локоть-о-локоть съ русскими приняли первое боевое крещеніе, сплошь засыпаютъ цвѣты... Сотни вѣнковъ носятъ сюда изъ города умиленные паломники благодарнаго народа.

Когда я былъ здѣсь, стояла тишина, какъ въ пустомъ храмѣ.

Куполь неба лазурный и чистый надо мною. Изъ далекой, далекой теперь были вставали призраки безвѣстныхъ героевъ. Знакомые голоса слышались не ушамъ, а душѣ. И чудилось въ нихъ что-то умиленное, свѣтлое... Они честно донесли крестъ, облитый кровью, прежде чѣмъ поставили его надъ зеленымъ холмомъ, подъ которымъ покоятся ихъ останки. Эту кровью кажутся поднявшіяся кругомъ розы... И въ ихъ благовонномъ дыханіи привѣтъ и надежда.

Ничто доброе не умираетъ на землѣ.

Въ этомъ мученичествѣ и героизмѣ — наша вѣчная связь съ освобожденной нами страной... Такой связи не разорветъ ничто, — ни горькая мелочность нашихъ братскихъ ссоръ, ни подлая интрига ползучей, подкольной задунайской сосѣдки, ни преступная, трусливая глупость протитуированной дипломатіи. Въ ту минуту, когда исторія, какъ вѣрный часовой, кликнетъ:

— Кто идетъ?

И съ сѣвера, отъ Москвы и Волги, и съ юга, изъ Бѣлграда, Софіи и Цетинье, грянетъ грозное и громкое:

— Мы, братья, связанные кровью общихъ нашихъ мучениковъ.

XIX.

Гдѣ найти мѣсто въ городѣ, занятомъ главною квартирою и штабами? Вопросъ трудный, но только не для русскаго или француза. Не успѣлъ я показаться сюда, какъ ко мнѣ подошелъ старозагорскій гражданинъ Харлампій Недѣлковъ и показалъ мнѣ два великолѣпныхъ для этого болгарскаго городка дома, — свой и своей тещи. Я, къ удивленію, попалъ въ чистыя комнаты, съ такими постелями, которыя даже вредны человѣку, собиравшемуся подъ дождь и въ холодъ, на боевыя поля. Надо загодя приучаться къ боевымъ лишениямъ и суровому порядку. Милая, точно родная семья, трогательное вниманіе, ласка въ каждой встрѣчѣ. Когда я намекнулъ о вознагражденіи, — чуть не откусилъ себѣ языкъ, — такая боль обиды показалась на лицахъ моихъ хозяевъ. Прекрасно воспитанный, мой хозяинъ отдалъ себя въ полное мое распоряженіе. Онъ адвокатъ съ большою практикой, директоръ банка, а сейчасъ, можно думать, у него только и есть дѣла, что возиться съ корреспондентомъ русской газеты. Всѣ мои желанія предупреждены. Онъ за меня ходитъ къ властямъ, ищетъ мнѣ лошадей и болгарина, который возился бы съ ними. Какое сравненіе съ нѣмцемъ, хозяиномъ отеля «Болгарія», слупившимъ съ меня пятьсотъ франковъ въ четыре дня за одну комнату!

Нѣтъ! Съ прошлой войны прошло тридцать пять лѣтъ, а сейчасъ встрѣча русскому здѣсь еще теплѣе и радостнѣе, чѣмъ прежде. Ничего изъ совершеннаго нами не забыто. Напротивъ, въ благодарной памяти народа стерлась вся горечь нашихъ ошибокъ и острая боль немалыхъ обидъ.

Осталось яркое солнце добра, и золотой свѣтъ его ложится на каждого нашего соотечественника, котораго судьба заноситъ въ такія патріархальныя гнѣзда, какъ Старая Загора. Память Калитина открываетъ намъ широкую дорогу къ болгарскому сердцу здѣсь. Въ каждомъ русскомъ они видятъ, прежде всего, соотечественника Калитина, и въ первомъ чтутъ свои воспоминанія о второмъ. Тутъ есть улицы Калитина, школы Калитина. Вся Старая Загора — неугасимая лампада передъ его иконой... Русскимъ здѣсь легко. Насъ любятъ до такой степени, что едва ли горечь испытанныхъ нами поражений гдѣ-нибудь чувствовалась такъ въ Россіи, какъ въ этомъ уголкѣ родной намъ страны. То же было и въ остальныхъ ея городахъ и селахъ, но наиболѣе остро это выразалось здѣсь. Въ томъ гостепріимномъ домѣ, гдѣ я сейчасъ такъ хорошо устроился до отъѣзда въ армію, умеръ богатый и видный Атанасъ Начевъ отъ разрыва сердца, когда онъ узналъ о паденіи Портъ-Артура.

Старая Загора!

Я взобрался на гору, гдѣ здѣшній митрополитъ развелъ хвойный лѣсъ. Городъ гдѣсь былъ подо мною. Идиллическіе бѣлые дома въ осенней зелени, выросшія за двадцать пять лѣтъ церкви и стройные минареты мечетей. Далеко-далеко въ лазурную даль, повитая сизою дымкой, стелется плодоноснѣйшая земля въ Болгаріи, вся въ счастливомъ уборѣ чудесныхъ рощъ, съ красивыми чифтликками (усадебными), съ медлительно текущими на югъ рѣчонками... А къ сѣверу хмуря горы, куда съ отчаяніемъ въ сердца и тоской по покинутыхъ, довѣрившихся намъ женщинахъ и дѣтяхъ, вы когда-то уходили отъ пылавшаго, какъ одинъ костеръ,

города... На каждомъ шагу встрѣча. То ополченецъ, давно живущій на покоѣ. Съ нимъ вмѣстѣ мы лежали въ ложементахъ на Шипкѣ. То четникъ, который велъ скобелевскій отрядъ черезъ Балканы. То префектъ теперь, нѣкогда сидѣвшій шестнадцать мѣсяцевъ въ стамбуловской тюрьмѣ и чуть не разстрѣлянный. Вотъ старикъ-докторъ, — первый явившійся юноша въ первую формирующуюся здѣсь дружину. Точно вчера — это было... Но взглянешь въ зеркало на отвратительную печать старости — сѣдины, и поймешь, что цѣлая жизнь легла между героическими былями прошлаго и моимъ «сегодня».

Эски-Загра была турецкой почти деревней, — Старая Загора дѣлается европейскимъ городомъ. Растутъ большіе дома, строится театръ, — хоть въ крупный русскій университетскій городъ, — созидаются просторныя школы. И рядомъ — старая, милая идиллія поэтического Востока, — кафе, гдѣ сидятъ, поджавъ ноги, въ созерцательной неподвижности турки, уличныя жаровни съ катушками кебаба на горящихъ угляхъ, маленькіе, робко прячущіеся отъ посторонняго взгляда домики, посреди люднаго и лучшаго квартала — тяжелые, сѣрые купола турецкой бани, вокругъ которой суживается темною щелью старая улица... И толпа!.. Вонъ болгары, мѣстные хозяева, въ своихъ курткахъ и широчайшихъ штанахъ, суживающихся къ колѣну, въ опанкахъ и бараньихъ шапкахъ. Такихъ мы встрѣчали въ Тырновѣ, Систовѣ и по всему простору прежней Болгаріи. Такъ одѣвался знаменитый боецъ за независимость и свободу своей страны поэтъ Петко Славейковъ. А теперь ранняя смерть унесла въ могилу и его сына Пенчо, тоже

поэта, но съ размахомъ настоящаго генія, создавшаго прекрасный литературный языкъ своему отечеству. Трибунъ права и правды, послѣ котораго осиротѣла эта страна. Вдали крики «ура». Народъ бѣжитъ куда-то. Мы слѣдуемъ за нимъ. Новый полкъ идетъ на боевыя позиціи. Въ петличкахъ у солдатъ цвѣты, брошенные имъ въ послѣдній разъ женщинами. Можетъ быть, такіе же расцвѣтутъ на братскихъ могилахъ, куда, бодрые, смѣлые, юные, лягутъ они дорогою платою за счастье своихъ южныхъ братій...

Сегодня настоящая болгарская осень.

Недаромъ луна вчера смотрѣлась на спящую Старую Загору сквозь такъ красиво сіявшій туманъ.

Холодно, льетъ дождь. Раскисаетъ земля... Бѣдные солдаты!..

XX.

Въ Старой Загорѣ я въ первый разъ увидѣлъ болгарскую боевую среду. Потомъ я въ другихъ мѣстахъ провѣрилъ свои впечатлѣнія, и всѣ они оказались одинаковы. Демократическая страна, какой она была, такой осталась и въ военное время. Трогательно видѣть отношенія офицеровъ къ солдатамъ, генераловъ къ подчиненнымъ. Боевая семья въ полномъ смыслѣ слова. Между родными нѣтъ такой связи. Солдатъ, кажушійся такимъ замкнутымъ и несообщительнымъ, со всякимъ своимъ горемъ идетъ къ командиру, дѣлится съ нимъ радостью. Я не говорю о вольноопредѣляющихся изъ профессоровъ, писателей, депутатовъ народнаго собранія, судей. Нѣтъ, взятый отъ сохи дружинникъ говоритъ съ начальникомъ смѣло и сво-

бодно. Нѣтъ дисциплины, деревянной, слѣпой, обезличивающей солдата, той, при которой онъ теряетъ способность соображать, думать, ориентироваться и только глазами ѣсть начальство и ждать его приказаній. Въ этой народной войнѣ дисциплина умная, глубоко залегшая въ душу. Офицеръ не Зевсъ-громовержець, а старшій товарищъ. Онъ впереди. Онъ такой же боець, какъ и послѣдній изъ его рядовыхъ. Это — первая война, гдѣ я ничего не могу сказать о такъ скрашивающихъ боевые письма личныхъ подвигахъ. Тутъ армія вся въ личномъ подвигѣ, нѣтъ особенно отличившихся, потому что всѣ впереди, ни одного отсталаго. Съ первыхъ дней правительство было застигнуто врасплохъ, ибо отпускные и резервисты за четыре дня раньше срока, назначеннаго приказомъ о мобилизаціи, явились на свои мѣста. Добровольцевъ приходитъ на восемьдесятъ процентовъ больше. Огородники изъ Россіи и Румыніи (болгары занимаются этимъ отхожимъ промысломъ), поденщики изъ Австріи и хлѣбопашцы-наймиты изъ Венгріи бросили выгодный заработокъ и стали на рубежахъ маленькой, но воспитанной свободою въ великихъ доблестяхъ страны. Вчера была мутная лунная ночь. Въ ея сыромъ сумракѣ слышу издали меланхолическій напѣвъ гайде и тихую-тихую, словно подъ сурдинку, пѣсню, припадающую къ родной землѣ, плачущую надъ нею, какъ мать надъ обиженнымъ ребенкомъ. Тороплюсь узнать, что это, и вижу ополченцевъ, идущихъ на боевые позиціи пополнять боевые части. Герои завтрашняго дня, штыковымъ ударомъ съ разлета выхватывающіе у оторопѣлаго врага грозные, подъ нѣмецкимъ присмотромъ выведенные

редуты, форты, брустверы, сегодня полны нѣжной славянской печали. Старая слава изъ-за пяти вѣковъ говоритъ вдохновенными строками о великой Болгаріи Симеона и Крума. Раскрываются братскія могилы первыхъ мучениковъ, павшихъ, защищая стрѣлами свою волю противъ копыеносцевъ, всадниковъ азіатскихъ ордъ. Богъ знаетъ откуда, съ придунайской планины, съ гордыхъ балканскихъ вершинъ, со скалъ угрюмаго Родопа, съ тихихъ береговъ Марицы, Тунджи, Арды, звучитъ горе женъ и сестеръ, рыдаютъ невѣсты, плачеть осиротѣвшее дитя. И когда пробилъ, наконецъ, боевой набать, зовущій этихъ рыцарей свободы на смерть, родная легенда вдругъ вылилась изъ молчаливыхъ дотолѣ устъ. Она всю жизнь здѣшняго селяка обвила, какъ нѣжная лоза накрывшійся зеленою шапкою и безлиственный по остальному стволу тополь. Во влажную холодную ночь мимо меня шли ряды за рядами этихъ крестonosцевъ воскресающей свободы, и тысячи ихъ голосовъ тихо струились за печальною темою горной волынки. Сегодня цѣлый день они мимо. Я съ удивленіемъ вижу настоящій строй хорошо обученныхъ солдатъ, его увѣренный, согласный маршъ. Это уже селяки въ своемъ мужицкомъ обрядѣ, которымъ дали ружья. Вотъ и все. Въ дулахъ — цвѣты оставленныхъ, можетъ быть, навсегда, родныхъ полей, цвѣты въ бараньихъ шапкахъ, въ петличкахъ. Мать ли послала имъ это благоуханное «прощай», или жена съ послѣднимъ поцѣлуемъ, обнимая завтрашняго героя, украсила его свѣтлою памятью о родномъ очагѣ? Спрашиваю одного. «Невѣста бросила мнѣ ихъ за околицей села». Завянуть цвѣты, будетъ убитъ юнакъ. Цвѣты воскреснутъ че-

резь годъ, изъ крови юнака вырастетъ независимость замученныхъ племень, ради которой, наконецъ, небо явило великое чудо: соединились враждовавшіе родные, забыли старые счеты и пьютъ теперь, празднуя свое побратимство, кровавую, но побѣдную чашу. Ратники рота за ротой, батальонъ за батальономъ. Скобелевъ по лицамъ драгомировскихъ солдатъ угадалъ ихъ торжество. Если бы вы были здѣсь и, какъ я, видѣли эти суровыя, спаленныя солнцемъ, обвѣянныя вѣтромъ славянскія черты! Сколько въ нихъ сейчасъ вдохновеннаго порыва впередъ, мрачной рѣшимости уничтожить врага, увѣренности въ побѣдѣ. Въ ополченіе являются отцы съ дѣтьми, говоря: «Это — все, что я могу отдать Болгаріи». Ветераны войны 1877 и 1878 годовъ, уцѣлѣвшіе герои Эски-Загры, августовской Шипки, шейновскаго боя простыми солдатами становятся въ ряды тѣхъ ротъ, которыми командуютъ вышедшіе изъ военныхъ училищъ ихъ сыновья. Я повторяю: это — одна семья. Точно въ сотняхъ тысячъ бьется одно сердце. Узнавъ, что я русскій, какой-то молодой ратникъ снялъ съ шапки скромные полевые цвѣты, протянулъ ихъ мнѣ. «Вы — наши учителя. Эти цвѣты цѣловала моя сестра. Они — все, чѣмъ я, болгаринъ, могу отблагодарить русскаго». Удивительная страна. Единственная, гдѣ чувствуешь себя въ родной семьѣ, гдѣ вамъ не надо никакого другого языка. Большинство генераловъ отъ главнокомандующаго Савова, военнаго министра Никифорова, болгарскаго Скобелева—Радко Димитріева, командира второй арміи Иванова, дивизионнаго Киркова, его начальника штаба Руссева, бригадные, весь генеральный штабъ, — воспитанники русскихъ акаде-

мій, корпусовъ, военныхъ училищъ. И они во всѣхъ встрѣчахъ съ турками бьютъ изъ вождей, вышедшихъ изъ берлинской академіи, воспитанныхъ Гольцъ-пашой и нѣмецкими инструкторами. Что это случилось съ турецкими войсками, кто подмѣнилъ нашихъ отважныхъ противниковъ Гази-Османа, Гази-Мухтара, Сулеймана и Вейсиль-пашей? Неужели это тѣ же, что отбивали наши атаки на Плевну, обходили Шипку, заставили отступить Гурко? Теперь совершается нѣчто въ высшей степени странное, необъяснимое. Сегодня всего двѣнадцатый день по объявленіи войны, и уже боемъ взяты Мустафа-паша, Тымрошъ, Девленъ, Кадыкой, Юрушъ, одна изъ сильнѣйшихъ турецкихъ крѣпостей, Лозенградъ, Люле-Бургасъ, Демотика Караагачъ, Баба-Эски, которою такъ хвастался нѣмецъ, ученикъ Гольцъ-паша. Сейчасъ разнесся слухъ о паденіи Люле-Бургаса. Позвольте, да вѣдь это выходить: ударъ разъ, ударъ два, но вѣдь нельзя же до безчувствія. Мнѣ больно за страну, еще такъ недавно обѣщавшую такой пышный расцвѣтъ. Въ Константинополѣ я слышался не мало громкихъ словъ и имѣлъ, — старый воробей, — наивность имъ вѣрить. Въ Солуни видѣлъ медовый мѣсяцъ братства всѣхъ подвластныхъ Турціи народовъ, солдатъ, которыхъ ихъ мусульманскіе товарищи встрѣчали какъ братьевъ. И вдругъ опять повтореніе забытыхъ ужасовъ: истребленіе македонцевъ, погромы въ Старой Сербіи, пылающія села, замученныя, изнасилованныя дѣвушки и зарѣзанныя дѣти, издѣвательство надъ ранеными, — вся злая быль передъ русско-турецкою войною...

XXI.

Да, быстрота небывалая. Въ меньшихъ размѣрахъ, но вѣдь и соотношеніе силъ другое. Не напоминаетъ ли это вамъ франко-прусской войны: 6 августа — Вертъ, 18 — Гравелотъ, 1 сентября — Седанъ? Всего удивительнѣе то, что болгаръ это вовсе не поражаетъ. Рѣшившаяся умереть или побѣдить нація ничего иного и не ждала. Посмотрите здѣшній тылъ. Въ девять часовъ все спитъ, въ пять утра подымается. Ни пьянства, ни кутежа, ни разврата. На улицахъ — проходящіе въ свои части отряды. Офицеры, интенданты — заняты до одури. Ни хриплыхъ, распущенныхъ дѣвокъ особаго сорта, выступающихъ въ военное время въ заплеванныхъ кафешантанахъ, ни утреннихъ переводовъ бѣшенныхъ денегъ домой отъ щедротъ обкрадывающихъ армію Ухачъ-Огоровичей, ни самихъ Ухачъ-Огоровичей, ни подлыхъ пьяныхъ воплей торжествующаго свинства, ни ночныхъ разстрѣловъ мирныхъ прохожихъ удирающей отъ своихъ полковъ сволочью... Ни одинъ корреспондентъ, даже австрійскій, сдавшій Филиппополь Турціи и угрожающій какимъ-то Эффенди-пашой Софіи, не позволитъ занести въ свою лѣтопись даже единичнаго примѣра подобной тыльной оргіи. Вся Болгарія въ подвигѣ, на крестномъ пути къ побѣдѣ или смерти. Наивные турки въ послѣднихъ бояхъ, думая обмануть болгаръ, играли имъ болгарскіе же сигналы отступленія. Болгары отвѣтили на это штыковымъ ударомъ. Офицеръ, сообщавшій это, прибавляетъ:

— Мы знали, что отступленія быть не можетъ.

Наши въ бою не послушались бы даже такого сигнала, при всей ихъ дисциплинѣ.

Есть одно великое неудобство для скромной средствами и съ насколько возможно урѣзанными штабами и тыломъ болгарской арміи. Представьте себѣ цѣлую тучу корреспондентовъ. Въ Мустафа-пашу они наѣхали сегодня. Тутъ и для начальниковъ частей нѣтъ мѣста. Извольте отводить намъ помѣщенія! Это бы еще туда-сюда. Но боевому составу команды недостаетъ припасовъ, а въ штабную столовую вваливается толпа голодныхъ австрійцевъ, нѣмцевъ, итальянцевъ, французовъ, англичанъ. Надо отдать справедливость русскимъ: они ухитряются не отягощать своими аппетитами здѣшняго офицерства. Сто пять голодныхъ бытописателей войны — на двадцать пять человѣкъ штаба второй арміи. Есть отъ чего прійти въ ужасъ, — не правда ли? Изъ города бѣжали греки, евреи, армяне. Въ Мустафа-пашѣ ни одной лавки; купить нечего, кромѣ хлѣба. Все рассчитано на небольшой масштабъ. Крохотные, хорошо обслуживающіе воинскія надобности почта и телеграфъ. И вдругъ ежедневно по нѣсколько разъ туда сходятся сто пять корреспондентовъ, съ длинными, какъ мои, напимѣръ, телеграммами. Понятно, что здѣшнему телеграфу не осилить такой работы. Я отъ редакціи получаю запросы, почему мои сообщенія по проволоку приходятъ такъ поздно, на третій день¹, но, вѣдь, иного быть не можетъ. Телеграфъ запруженъ депешами корреспондентовъ. Сейчасъ я ѣду на боевыя позиціи (наконецъ, разрѣшили). Тамъ весь штабъ дивизіи помѣщает-

¹ Увы, потомъ доползли на... двѣнадцатый!

ся въ дереvушкѣ изъ сорока домовъ (лачугъ). Придется въ сырые холода балканской осени спать у костра и радоваться палаткѣ, какъ дворцу. Что буду ѣсть, — Аллахъ вѣдаетъ. Позавидуешь лошадямъ, для которыхъ всегда найдутся ячмень и сѣно, а нѣтъ такихъ, — онѣ обойдутся и соломой. Сравнивать наше положеніе съ такимъ же въ манчжурскую войну нельзя. Тамъ громадныя города и села, на каждой верстѣ китайскія большія фанзы сотнями. Телеграфныя конторы были оборудованы широко и переводились на другіе аппараты только въ Иркутскѣ. Самый манчжурскій часъ чуть не на двѣнадцать часовъ позднѣе московскаго, и потому мои депеши получались, случалось, по видимости раньше, чѣмъ я ихъ посылалъ. Корреспондентовъ было всего двадцать пять.

Теперь на маленькую Болгарію ихъ впятеро. Условія жизни корреспондентовъ очень тяжелыя. ѣсть нечего, — не у солдата же и офицера отнимать ихъ казенный паекъ. Сейчасъ, по переходѣ болгарами границы въ оставленныя турками села, я питаюсь случайно. Болгарскіе солдаты и кони на бивакахъ и дневкахъ ѣдятъ великолѣпно на турецкій счетъ. Вслѣдствіе стремительнаго движенія захвачено все, что было въ турецкой арміи. Это было совершено такъ быстро, что, на примѣръ, въ Кадыкіюѣ и Мустафа-пашѣ готовилось истребленіе всего болгарскаго населенія. Не удалось только потому, что туркамъ пришлось самимъ спасать животишки, удирая куда попало отъ внезапно показавшихся болгарскихъ войскъ. Изъ подвижныхъ печей солдатъ пока получаетъ свѣжій хлѣбъ и мясо, насколько хватить котла, — мясо даже не вѣсятъ. Поэтому болгарская армія от-

лично выносить зимніе, сейчасъ ночные, холода. У нихъ ватные кафтанчики подъ мундиромъ, народный красный поясъ для живота! Лошадей мнѣ пришлось взять первыхъ попавшихся, — другихъ не было, — и на первомъ же перевалѣ онѣ завязли въ грязи. Я сдѣлалъ всю эту дорогу пѣшкомъ. Экипажъ, нанятый мною для вещей, застрялъ въ топи турецкой дороги, засосанный ея липкой и вязкой грязью. Особенно тяжело безъ палатки. Села здѣсь по сорока, по сорока пяти дворовъ. Они заняты подъ больныхъ и подъ штабы. Хорошая половина этихъ лачугъ принадлежитъ туркамъ, развалившимся ихъ передъ уходомъ отсюда. Еще въ солнечные дни ничего, но въ морозныя ночи или въ осенній дождь, — могу увѣрить, — весьма скверно. Я долженъ былъ ѣхать изъ-за границы. Все теплое осталось въ Петербургѣ. Внезапный отъѣздъ мой не позволилъ мнѣ выписать хотя бы шубу отсюда. Здѣсь хотъ шаромъ покати. Я не знаю, что бы здѣсь пришлось дѣлать безъ трогательнаго радушія болгарскихъ офицеровъ, помнящихъ нашу освободительную войну.

XXII.

Опять за ледяною ночью яркій солнечный день. Дрожалъ до утра, тщетно кутаясь во все, что нашлось въ болгарскомъ домѣ Мустафа-паши. Ни на одну минуту не могъ сомкнуть глазъ отъ насквозь пронизывающей стужи. Каждая косточка жаловалась и ныла, все тѣло обращалось въ одинъ больной зубъ. И вдругъ брызнуло животворящимъ огнемъ, ласковое небо голубою эмалевою чашей опрокинулось надъ осеннимъ уборомъ тихо плыву-

цей къ теплому морю Марицы. Нѣжатся громадныя бресты. Безлистые, но подъ зелеными шапками тополи рвутся изъ тѣсныхъ объятій разгорѣвшагося радужными осенними огнями мелколѣся. На сѣверѣ въ аметистовыхъ тонахъ мерещатся мягко окраенныя горы. Мы миновали великолѣпныя турецкія казармы. Въ послѣдніе годы Константинополь тратилъ бѣшенныя деньги на оборудованіе своей арміи. На первыхъ порахъ мы видѣли оборванныхъ плѣнныхъ, теперь оказалось, что турецкіе солдаты, особенно низама, хорошо одѣты. Въ этомъ отношеніи министерство Оттоманской Порты сдѣлало громадный шагъ впередъ. Отличныя шинели, крѣпкіе сапоги, новые хаки. Сейчасъ народныя ополченія Болгаріи должны быть благодарны врагамъ. Именно они позаботились о нихъ, оставивъ въ своихъ складахъ безчисленные запасы войскового снаряженія, хотя турецкіе солдаты чуть не умирали съ голода. И не только этого, но и тысячи пудовъ кофе, сахару, овса. Нельзя придумать, чего нѣтъ въ этихъ доставшихся побѣдителю сокровищницахъ Турціи. И все лучшаго качества, не напоминающаго, на примѣръ, нашу интендантскую заготовку. Такъ же оборудованы и казармы Мустафа-паши, откуда поспѣшно уходили аскеры, оставляя стремительно двигающимся впередъ болгарамъ чуть ли не мясо въ котлахъ. Садись и ѣшь. Для гостей приготовлено все, включительно съ превосходнымъ мѣстнымъ виномъ, котораго мусульмане не пьютъ.

Зная, что длинныхъ здѣшнихъ разстояній верхомъ не осилишь, я въ Старой Загорѣ купилъ фэзтонъ, увлекшись примѣромъ англійскихъ корреспондентовъ, которые обзавелись автомобилями. Но

не успѣлъ одолѣть и половины пути до Кадыкіоя, какъ попалъ въ такія топи турецкаго «шоссе», о какихъ даже въ 1877—1878 годахъ не имѣлъ никакого понятія. Черноземъ раскисъ на метръ, по крайней мѣрѣ. Липкій, скользкій, онъ точно тысячами цѣпкихъ лапъ задерживалъ колеса. Легче изъ чистилища попасть въ рай, чѣмъ изъ этихъ трясинъ на болѣе или менѣе твердую почву. Ни одинъ проселокъ въ Россіи не даетъ понятія объ этомъ сплошномъ ужасѣ. Осилывая его, я никакъ не могъ понять изумительной силы болгарскаго солдата, который по такимъ дорогамъ ухитряется дѣлать отъ тридцати до сорока пяти верстъ въ день. Я думаю, это — самая подвижная и неутомимая армія въ мірѣ. Когда я печаталъ свои статьи о здѣшней военной силѣ за полтора мѣсяца до блистательныхъ побѣдъ славянскаго Давида надъ турецкимъ Голіаѳомъ, мнѣ, привелось слышать не мало упрековъ. Я, будто бы, слишкомъ преувеличилъ боевыя достоинства родного намъ народа. Живая дѣйствительность первыхъ семнадцати дней зойны, въ которые онъ ухитрился одержать десять малыхъ побѣдъ и выиграть два генеральныхъ сраженія (Лозенградъ и послѣднее — на линіи Люле-Бургаса и Бунаръ-Гиссара), отвѣтила за меня. Прибавьте, что, утопая въ турецкихъ трясилахъ, болгары проводятъ налегкѣ ледяныя ночи въ ложе-ментахъ, часто послѣ дождей до половины залитыхъ водою, и до сегодня между ними никакихъ простудъ. На западномъ фронтѣ Адрианополя, я попалъ къ нимъ въ такія траншеи. На что ужъ я человекъ выносливый, но еще никогда мнѣ не казались такъ близки небесныя обѣтованія. Невольно самъ себя спрашивалъ, доживу ли до утра, —

и что же? Кругомъ веселый смѣхъ, тихая, плачущая о милой родинѣ пѣсня и часто меланхолическая, какъ вѣтеръ горныхъ ущелій, «гайда». Ни разу я не слышалъ жалобы солдата, не видѣлъ его утомленнымъ, подавленнымъ, недовольнымъ. Это—непобѣдимая сила, и, разумѣется, балканскій союзъ можетъ теперь смѣло смотрѣть въ свое таинственное будущее. Изъ кровавой купели они выйдутъ сильнѣе и увѣреннѣе, доказавъ еще разъ міру, что на войнѣ духъ — все. А тамъ, гдѣ люди стоятъ за свободу и право, ихъ нравственному подъему нѣтъ концовъ и предѣловъ.

Мой дурацкій экипажъ на этой дорогѣ пришлось бросить. Отпрягли лошадей и кое-какъ выбрались изъ турецкой трясины. Я думаю, онъ и до сихъ поръ торчитъ тамъ печальнымъ указателемъ корреспондентскаго легкомыслія. Не успѣлъ я добраться до Червена съ его бѣлою, красивою мечетью на горѣ, какъ вдали послышались глухіе удары. Знакомая музыка! Несомнѣнно, говорили дальнобойныя орудія съ западнаго фронта Адрианополя. Вотъ въ отвѣтъ имъ грянуло ближе и ярче. Отвѣтили болгарскія пушки, и не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ стальныя жадныя пасти слились въ одинъ торжествующій ревъ кровожаднаго чудовища войны. Казалось, отъ ужаса гудѣли и стонали самыя нѣдра земли. Начинался бой, первый, свидѣтелемъ котораго мнѣ привелось быть въ эту войну.

XXIII.

Дымный, подъ соломенными кровлями согбенный Кадыкій остался позади. Налѣво холмы за холмами, — самую природою созданныя велико-

свое дѣло. Но какъ только сюда донесся сухой трескъ ружейныхъ залповъ, болгары не выдержали роли въ спокойномъ маневрѣ. Они, не ожидая команды, обернулись лицомъ къ туркамъ и ударили въ нихъ съ такою силою, что тѣ, оставивъ на мѣстѣ множество раненыхъ, стремительно побѣжали подъ защиту слѣдующей линіи своихъ укрѣпленій. Натискъ болгаръ былъ таковъ, что многіе изъ нихъ ранѣе, чѣмъ турки, вскочили въ эти ихъ траншеи, и непріятелю пришлось уже бѣжать къ Адрианополю. И преслѣдующіе и преслѣдуемые склубились вмѣстѣ. Весь бой перешелъ въ единоборство. Не было отдѣльныхъ подвиговъ, потому что весь онъ былъ общимъ коллективнымъ подвигомъ болгарскихъ полковъ. Торжествующее «ура!», какъ полымя въ вѣтеръ по соломеннымъ кровлямъ, носилось съ конца въ конецъ по холмамъ и лощинамъ. Гдѣ туркамъ случалось опомниться и они строились для отпора, тамъ грозныя болгарскія роты немедленно трижды повторяли:

«На ножъ, на ножъ, на ножъ!» (Въ штыки, въ штыки, въ штыки!) и такимъ ураганомъ налетали на непріятеля, что тотъ, опрокинутый, разбивался на отдѣльныя звенья, бросалъ все: ранцы, ружья, шинели, и опрометью бѣжалъ назадъ.

Тутъ тихая, привольно струящаяся по зеленымъ Марица сливается съ прелестною идиллической Ардой, окутавшей въ веселія, даже въ осеннемъ уборѣ своемъ, роши. Спокойная улыбка почіетъ на этомъ сказочномъ уголкѣ. Природа точно въ сліяніи двухъ сестеръ создала уголокъ истиннаго рая. Здѣсь, въ самой ихъ встрѣчѣ, раскинулось ревниво закутанное садами, большое, красивое село

Марашъ. Бѣгушіе турки не могли даже остановиться ни на минуту, потому что на ихъ плечахъ сюда ворвались болгары. Задачи этого дѣла, такимъ образомъ, были исполнены. Турки изъ ихъ выдвинувшихся впередъ позицій отброшены назадъ, но и остаются болгарамъ на языкѣ, въ вершинѣ угла двухъ рѣкъ нельзя было. Это ихъ слишкомъ подставляло подъ удары адрианопольскихъ батарей и нарушало правильную дугу обложенія крѣпости. Они поэтому держались до ночи и ночью отошли на отвоеванную позицію Юроша. Слѣдующіе дни шла сплошная работа. На отбитые у турокъ холмы ставились батареи, впереди рылись ложементы. Каждая рота, вооруженная шанцевымъ инструментомъ, дѣлалась живою крѣпостью. Позади выбирались мѣста для резервовъ и прикрытій. Когда все это было кончено, на позиціяхъ наступило временное спокойствіе. Оно продолжалось до дня, когда я оставилъ, добывъ себѣ, наконецъ, открытый листъ на посѣщеніе всѣхъ боевыхъ позицій, грязное турецкое гнѣздо Мустафа-пашу и поѣхалъ на западный фронтъ Адрианополя и издали различилъ зловѣщій зовъ его стальныхъ пастей.

XXIV.

Тутъ въ первый разъ я увидѣлъ народную болгарскую армію въ дѣлѣ. Издали — рядъ пустынныхъ пологихъ высотъ. Въ ложбинахъ прикрыты батареи. Безлюдные ложементы, откуда выбили турокъ, зигзагомъ очерчиваютъ всѣ вершины, коегдѣ связываясь въ четырехугольники маленькихъ люнетовъ. На подступахъ къ нимъ еще не засохшія кровавыя пятна и оставленные неприятелемъ лох-

мотья. Минуемъ раскинувшіеся резервы и артиллерійскія прикрытія. Смотришь отсюда, — точно въ безпорядкѣ брошены лицомъ къ Адрианополу короткія строчки. Именно короткія, а вѣдь онѣ рѣшаютъ успѣхъ или неуспѣхъ боя. Кажется, какъ ихъ мало на этомъ громадномъ просторѣ холмовъ и долинъ, сливающихся за Ардой въ одну заманчивую таинственную синь! Въ лощинахъ кони. Мирно пожевываютъ солому или стоятъ, опустивъ голову, а вверху уже съ пронзительнымъ металлическимъ стономъ лопаются шрапнели, и, оглушительно визжа, точно отъ наполняющаго ихъ ужаса, проносятся взрывающіе бурю тучу бризантные снаряды. Бѣлыя облачка шрапнелей то и дѣло вскидываются надъ головами. Кажется, все кругомъ должно лечь отъ ихъ истребительнаго разрыва. Нѣтъ! Пули сыплются въ стороны, и, глупо кувыркаясь, падаетъ около пустой стаканъ. Еще одна гряда. Послѣдняя батарея, — тутъ уже передовая позиція, схватка, единоборство враговъ. Вонъ въ дефиле, точно въ рамѣ каменныхъ уступовъ, весь освѣщенный солнцемъ, стомечетный Адрианополь. Минареты за минаретами. Одни выше другихъ. Купола за куполами, миражи причудливыхъ кровель, и надъ всѣмъ царственный вѣнецъ едва ли не величественнѣйшей во всемъ мусульманскомъ мірѣ джаміи Селима съ ея четырьмя свѣчками-минаретами. Точно бронзовыя руки, подняли ихъ подъ самое небо. Кто разъ видѣлъ эту картину, тотъ ея никогда не забудетъ. Живая сказка Шехерезады, такая, какою я любовался тридцать четыре года назадъ, подъѣзжая сюда со Скобелевымъ послѣ славнаго шейновскаго боя, нашей — увы! — послѣдней побѣды. Живая сказка Шехере-

зады, но ея только не передашь перомъ. Слишкомъ ярки и нѣжны и измѣнчивы краски этого, удивительнаго издали, города. Въ своемъ августѣйшемъ спокойствіи стоялъ онъ, точно любуясь издали, какъ нѣкогда Цезарь, тысячами гладиаторовъ, шедшихъ за него умирать на роковую арену боя.

Канонада яростиѣ. Казалось, эти горы кругомъ ревѣли намъ навстрѣчу. То глухой и торжественный ревъ орудій тонулъ въ оглушительномъ сухомъ трескѣ ружейнаго огня, то стрѣльба пачками смолкала, и тогда особенно рѣзко, мѣрно и назойливо, точно согласные ритмическіе молоты, грохотали пулеметы. Отъ адрианопольскихъ фортовъ спускались внизъ темными тучами войска. Шла въ атаку на западный болгарскій фронтъ десятая дивизія низама, подкрѣпленная двумя полками одиннадцатой, — лучшіе солдаты осажденной, я бы сказалъ, приговоренной крѣпости. Тучи ползли все ниже и ниже. Съ бѣшенствомъ рвались въ нихъ гранаты, вскидывались и осыпали свинцовымъ дождемъ шрапнели. И когда эта музыка разгорѣвшагося боя стихала, — точно другой оркестръ, слышались на сѣверо-западномъ фронтѣ громы такого же турецкаго наступленія. Очевидно, турки, во что бы то ни стало, хотѣли смять болгаръ и отбросить ихъ назадъ, на ихъ прежнія позиціи. Адрианопольскія войска задыхались въ тѣсной петлѣ непріятельской осады.

Тучи уже въ лощинахъ. Отъ тучъ отдѣляются черточки за черточками. Густыя цѣпи сначала бодро идутъ вверхъ на ложементы, занятые болгарами. Однѣ за другими. Вотъ уже и тучъ нѣтъ. Онѣ всѣ разбились на эти длинные, колеблющіяся, ломающіяся линіи. Слышится оттуда:

«Алла, Алла!» Какія-то точки выбѣгаютъ впередъ и остаются на мѣстѣ, когда звенья цѣпи уже оставляютъ ихъ позади. Въ бинокль видны онѣ, неподвижныя. Какъ ихъ много! Изъ болгарскихъ ложементовъ уже не залпы, а оглушительная сплошь убійственного, мѣткого огня. Начинается тотъ стихійный актъ боя, когда ничто не въ силахъ остановить бѣшеннаго торжества кроваваго бога. Стучать пулеметы, выходятъ изъ себя жерла озвѣрѣвшихъ орудій, слышатся изъ болгарскихъ ложементовъ бодрые крики. Видны люди, поднимающіеся тамъ, это — офицеры. Вонъ одинъ: онъ взялъ ружье и самъ бьетъ по врагу. Звенья ближе... Но ближе и рѣже. Между ними промежутки удлинняются. Весь скатъ усѣянъ теперь черными неподвижными точками. Нѣтъ, не все неподвижными. Нѣкоторыя ползутъ назадъ. То припадетъ къ землѣ, то двинется опять, но медленно, медленно двинется и остановится, и больше ни съ мѣста. Послѣднія звенья разсѣянной тучи уже на полгорѣ. Вотъ-вотъ добѣгутъ до болгарскихъ ложементовъ. И въ нихъ уже слышится зловѣщее и страшное туркамъ: «На ножъ, на ножъ!». И вдругъ, что это? Куда дѣлась сила удара? Видно, какъ передняя линія звеньевъ сломалась, на лѣвомъ флангѣ подалась дугою назадъ и прорвалась въ серединѣ. Одинъ правый флангъ ея еще наступаетъ, но уже медленно и медленно. Линіи и позади колеблются волнообразно, — то подаются назадъ, то будто чья-то невидимая рука швыряетъ ихъ впередъ, но уже нѣтъ прежней упорной мощи въ ударѣ, и, пробѣжавъ нѣсколько шаговъ, онѣ смываются прочь. Задніе подпираютъ ихъ, впитываютъ ихъ въ себя, густѣютъ. Линія атаки снова близится къ ложе-

ментамъ... Изъ нихъ нѣсколько болгаръ, не осиливъ боевого воодушевленія, выбѣгаютъ имъ навстрѣчу. Вспыхиваетъ «ура» и опять: «на ножъ, на ножъ, на ножъ!» Офицеры изъ себя выходятъ, стараясь сдержать ратниковъ свободы отъ ненужнаго удара... Еще немного, — и точно не было передовыхъ цѣпей непріятельскаго наступленія. Вмѣсто нихъ на землѣ лежатъ изломанныя линіи убитыхъ... А тѣ, позади, что еще недавно шли такъ бодро и одушевленно?.. Что съ ними? Стремглавъ бѣгутъ, сѣя своихъ по склонамъ, по лощинамъ, по холмамъ.

Теперь — смерть уже во всемъ ужасномъ величіи. Нѣтъ пощады побѣжденнымъ. Она еще бережетъ отважныхъ, идущихъ впередъ, но тѣмъ, которые обернулись тыломъ къ торжествующему врагу, — ни спасенія, ни отсрочки. Звенья точно спотыкаются, катятся внизъ, будто не могутъ осилить крутизны, и на противоположную сторону рѣдко кому удается всползти... Еще недавно желтая отъ осенняго покоса лощина теперь кажется черной, и въ этомъ черномъ едва отличишь движеніе... Смолкають ружья, — имъ нечего дѣлать, — зато еще громче орутъ орудія, нащупывая и сбивая прочь батареи непріятеля. Тамъ, на той злополучной сторонѣ, то и дѣло клубами взрывается земля... Бой собственно конченъ... Пятый актъ его — артиллерійскіе аккорды, послѣдніе раскаты уходящей бури... И солнце сейчасъ садится, и подъ его розовымъ прощальнымъ свѣтомъ еще прекраснѣе выдвигаются и золотятся вѣнецъ мечети Селима и сотни тонкихъ минаретовъ обреченнаго города... А направо — далеко, далеко равнина тихой Арды уходитъ вся въ

вечерній туманъ . . . Въ сумеркахъ выступаютъ изъ нея огни пожаровъ . . . Багровѣютъ ихъ дымы . . .

Надъ турецкими позиціями ужъ въ сизыхъ облачкахъ шрапнелей загораются мгновенно и гаснутъ огоньки разрывовъ . . .

XXV.

Послѣдствія этого боя подъ Адрианополемъ были очень важны.

Турки уже не могли держаться даже на позиціяхъ, куда ихъ отбросили болгары. Въ боевой встрѣчѣ надломилась сила непріятели. Онъ уже новое разстояніе отъ него считалъ для себя опаснымъ. Утромъ занялъ брошенный болгарами Марашъ, вечеромъ приступилъ къ его очисткѣ, но по-своему. Марашъ — болгарское село. Отсюда въ Адрианополь были уведены молодые люди и силою записаны въ армію. Ихъ обучали три дня и потомъ привели на ближайшія къ непріятелю позиціи, подъ огонь ихъ сородичей. Туркамъ мало было этой безжалостной казни ни въ чемъ не повинныхъ селяковъ. Каждого изъ христіанъ, служащихъ у нихъ, они неизмѣнно разстрѣливаютъ при первомъ подозрѣніи въ небрежной стрѣльбѣ по своимъ. Позади офицеры нагайками гонятъ въ бой. Передовыя цѣпи, первыя шеренги всюду составлены изъ болгаръ, грековъ, евреевъ. Потому именно ихъ такъ много перебито болгарскими войсками. Въ промежуткахъ между битвами и на ночь ихъ неизбѣжно заключаютъ въ кольцо турецкихъ конвойныхъ, и по одному подозрѣнію въ желаніи выйти за цѣпь «солдата» разстрѣливаютъ. Изъ Эспетли, Семенли, Самана было такимъ обра-

зомъ уведено, какъ и изъ Мараша, болѣе трехъ тысячъ человѣкъ. Перебѣжчикъ потомъ сообщилъ, что они были въ Адрианополѣ недолго. Утромъ рано, когда минареты мечети султана Селима еще тонули въ предразсвѣтномъ туманѣ, этихъ болгаръ подъ сильной стражей доставили къ южнымъ фортамъ. Больше ни свои, ни чужіе ихъ не видѣли. Не случилось же съ ними того же, что съ христіанами и евреями, которыхъ на глазахъ у сидѣвшихъ въ ложементяхъ болгарскихъ солдатъ доставили на передовую площадку западнаго сектора и одного за другимъ разстрѣляли. . . Участъ цвѣтущаго Мараша была еще ужаснѣе. Оставляя его, турки, вѣроятно, по приказанію коменданта крѣпости (не могъ же онъ не знать объ этомъ!), поголовно истребили тамъ все живое. Говорятъ, цѣлый день вѣшали стариковъ, насилывали дѣвочекъ, рѣзали женщинъ, издѣвались надъ ними и выпарывали дѣтей изъ материнскихъ утробъ. Ужасно писать объ этомъ непроходимомъ варварствѣ. И дѣлали все это не башибузуки, а регулярная армія, лучшіе солдаты султана — его низамъ! Вечеромъ Марашъ запылалъ. Всю ночь багровое зарево стояло тамъ, и красные отсвѣты играли на бѣлыхъ минаретахъ Адрианополя. Турки потомъ хвалились: «Тамъ не залаетъ теперь даже собака».

Линія адрианопольской защиты сильно сузилась. Теперь въ этомъ четырехугольникѣ стоитъ около 60,000 войска, достаточно уже утратившаго высокія боевыя качества. Вѣдь, не растутъ такія въ вѣчномъ разбойничествѣ и дикихъ разгромахъ? Доблестная плевненская армія Османъ-паши тоже убивала и замучивала русскихъ солдатъ, но она въ

осажденномъ нами городѣ не трогала женщинъ и дѣтей. Этихъ и мы нашли, занявъ его, живыми и сохранными. Совсѣмъ иное здѣсь. Несомнѣнно, «больной человѣкъ» европейской дипломатіи умираетъ, и маленькая Болгарія наноситъ ему coup de grâce... Въ документахъ, взятыхъ побѣдителями въ Лозенградѣ, есть письма турецкихъ пашей домой, въ Константинополь. Надо сказать, это были удивительные генералы. Они не выѣзжали на боевыя позиціи, оставаясь спокойно въ удобномъ городѣ, на теплыхъ квартирахъ. Ворвашіеся болгары нашли не только готовую офицерскую столовую, съ кушаньями въ кастрюляхъ и на тарелкахъ, но и генеральскія спальни, гдѣ постели были съ отогнутыми одѣялами и ночными рубахами. Ихъ превосходительства выскочили въ чемъ попало, оставивъ свой гардеробъ — одинъ даже осыпанную драгоценными камнями саблю — болгарамъ. Бросились въ вокзалъ, сѣли въ вагонъ и укатили въ пространство, отнюдь не заботясь о своей отступающей арміи. Вся она оказалась на попеченіи молодыхъ офицеровъ. Изъ писемъ, о которыхъ я упоминалъ, видно, въ какомъ ужасномъ нравственномъ хаосѣ были эти недавно еще грозныя полчища. Свидѣтельствуется невозможность защищаться противъ побившаго всѣ рекорды быстроты, отваги и натиска непріятеля, паденіе духа у лучшихъ батальоновъ низама, окончательное разстройство всей оттоманской арміи, еще вчера представлявшей грозную и неодолимую силу. Абдуллахъ-паша называетъ своихъ солдатъ «сволочью», которую неотразимо влечетъ къ себѣ запахъ константинопольскихъ кухонь. Понятно поэтому, какъ должны были возрасти обычныя фа-

натизированному, прирожденному истребителю-турку жестокость и злоба противъ селяковъ, за которыхъ вступился балканскій союзъ, и вотъ по всему пути моему, отъ западнаго фронта Адрианополя сначала на югъ, а потомъ назадъ и на востокъ, я и слышалъ отъ другихъ о невѣроятныхъ ужасахъ, совершаемыхъ уже не башибузуками, а регулярными солдатами, и видѣлъ собственными глазами подобные слѣды «льва въ пустынѣ», — такъ еще недавно называла свою орду Турція. Сантиментальному французу Пьеру Лоти слѣдовало бы приѣхать сюда и воочію убѣдиться въ приемахъ защиты побѣжденной «великодушной» націи, съ которою, какъ говорятъ, связаны нѣкоторые его чисто-карманные интересы. Вѣдь у нашихъ добрыхъ союзниковъ плачутъ въ Турціи миллиарды, и, разумѣется, Франція на будущемъ конгрессѣ будетъ отстаивать ихъ всѣми силами. Поэтому балканскому союзу придется принять эти астрономическія цифры республики бухгалтеровъ на себя. Этимъ сразу зальются, зашипятъ и погаснутъ пламенные чувства западныхъ кредиторовъ къ ихъ вѣчной и неоплатной должницѣ. Вѣдь, благородные рыцари крестовыхъ походовъ — здѣсь. И у балканскаго союза съ народами, у которыхъ все à vendre и à louer, — ничего общаго.

XXVI.

Я говорилъ, что послѣ боя подъ Марашемъ поѣхалъ на югъ.

Адринополь, отрѣзанный осадною арміею со всѣхъ сторонъ, потерялъ пока значеніе. Преимущества поставленной на его позиціяхъ дальню-

бойной артиллеріи береговой установки сведены на-нѣтъ новыми болгарскими батареями изъ крѣпостныхъ орудій. Надо было видѣть, какъ по невозможнымъ трясинамъ ихъ доставляли сюда. Болгарія мобилизовала не только своихъ людей, но и коней, воловъ и буйволовъ. Все здѣсь, на боевыхъ поляхъ. Въ странѣ не осталось ничего. Это самоотверженное усиліе народа, отдавашаго все, что у него было, на великое дѣло свободы и права, ускорило необычайно и безъ того до сказочнаго быстрый темпъ войны. По неодолимымъ трясинамъ и на рукахъ, и на буйволахъ сюда доставлены, взвезены на горы и вдвинуты въ грозныя позиціи стальные чудовища, жерламъ которыхъ сейчасъ открытъ весь Адрианополь. Въ то время, какъ турки на бѣгу, хотя бы подъ Лозенградомъ и Люле-Бургасомъ, бросаютъ даже легкія горныя пушки, которыя унести ничего не стоитъ, — болгары окружили приговоренный городъ, второй въ Турціи послѣ Константинополя, настоящими крѣпостями. Его агонія ужъ ничего не прибавитъ войнѣ. Онъ долженъ пасть, и дни его сочтены. Онъ, разумѣется, на нѣсколько мѣсяцевъ удержитъ осадную армію Балканскаго союза. Все значеніе предстоящихъ разгромовъ Оттоманской Порты — на востокъ, гдѣ болгарскій Скобелевъ, генераль Радко Димитріевъ, выигралъ на протяженіи одной недѣли два генеральныхъ сраженія. Попадать туда съ сѣверо-запада очень долго и трудно. Я поэтому рѣшилъ сдѣлать этотъ, надо сказать правду, мучительный осеннюю распутицею путь верхомъ по южнымъ дорогамъ, т. е. на Демотику и оттуда на позиціи третьей арміи.

Красивая, большая болгарская деревня Эспетли.

Идиллія въ военную грозу. Тихій шелестъ садовъ, смѣхъ веселыхъ дѣтей, улыбки женщинъ. Всего — полная чаша. Чистые дома. Еще недавно здѣсь все зарывалось въ землю. Болгарія выросла изъ нея только двадцать пять лѣтъ назадъ. Кровли ея сель, припадавшія къ полямъ, поднялись надъ ними. За Эспетли — броды черезъ тихую Арду и мусульманская Семенли, гдѣ мы провели ночь въ отличной школѣ. Это — одно изъ двухъ селеній, не брошенныхъ турками. И именно отсюда каждую ночь загораются сигнальные огни, дающіе знать крѣпости о передвиженіяхъ болгарскихъ войскъ. «Провели ночь». Правильнѣе сказать: продрожали ночь, потому что здѣсь какъ только закатывается солнце, сейчасъ же начинаются такіе холода, о которыхъ не даетъ понятія и суровый сѣверъ. Послѣ дня въ сѣдлѣ, измученному, голодному приходится леденѣть до утра. Когда ужъ тутъ заснуть, когда зубъ не попадаетъ на зубъ. Мѣстные дома построены такъ, что тамъ и очага не зажжешь. Во-первыхъ, нѣтъ дровъ, а во-вторыхъ, что же за радость топить улицу? Окна выбиты, а то и въ полахъ дыры съ ладонь, въ которыя, лежа на животѣ, вы можете любоваться на все, что дѣлается у васъ во дворѣ.

За Семенли — выжженный край оставленныхъ деревень. Мусульмане ушли, христіане бѣжали. Что это за рай земной! Безъ конца тутовая плантаціи. Вѣдь это — страна шелководства и такихъ садовъ, съ которыми не сравниться и французскимъ, если бы она не брызгала живою кровью изъ зажавшаго ее турецкаго кулака. Печальны обгорѣлыя трубы въ золотомъ уборѣ осенней листвы, пепелища посреди мирныхъ и тихихъ полей. Черные про-

фили Богъ вѣсть за что казненныхъ деревень и снїя дали, въ которыхъ мерещатся другіе такіе же. Испуганно и сторожко сторонится конь и похрапываетъ, косясь на трупы, брошенные на пути, часто поперекъ дороги. Вонь женщина, точно она заснула во рву. Только черное пятно у шеи съ чернымъ обрѣзомъ говоритъ вамъ о томъ, что, можетъ быть еще только вчера, совершилось здѣсь. Обѣдешь — и опять кротко шелестятъ деревья. Звонко бѣгутъ куда-то ручьи, и весело прыгаютъ по засохшимъ глубокимъ колеямъ этой подлой дороги сѣренькія птички съ смѣшными хохолками. Позади нѣтъ-нѣтъ да и послышатся глухіе удары. Это издали подають голоса адрианопольскія батареи, и торжественнымъ громомъ отвѣчаютъ имъ новыя болгарскія позиціи. Отъ войны не уйдешь. Здѣсь повсюду ея царство. Я не стану описывать этого пути. Онъ былъ слишкомъ дологъ и труденъ. Въ Мустафа-пашѣ мнѣ дали «стражара», и только потому я могъ сдѣлать мучительную дорогу. Не знаю, какъ бы я обошелся одинъ. Особенно въ ночлегахъ по безлюднымъ селамъ, гдѣ только вой голодныхъ собакъ напоминаетъ вамъ о жизни. Я, вслѣдствіе усиленнаго темпа этой удивительной войны, и то отсталъ отъ ея событій, впрочемъ, другіе, кромѣ гг. Дрейера и Мамонтова, и вовсе на нее не попали. Приходится бросать записавшіяся въ памяти страницы необычайныхъ впечатлѣній. До нихъ ли, когда въ безсонныя ледяныя ночи мучаешься невозможностью исполнить свой долгъ передъ ожидающимъ отъ тебя свѣдѣній и свѣдѣній читателемъ. Вѣдь это не манчжурская война съ цѣлыми недѣлями промежутковъ между боями, съ богатыми перевозочными сред-

ствами, великолѣпно оборудованнымъ телеграфомъ, желѣзною дорогой и большими китайскими городами и деревнями, гдѣ въ любой фанзѣ можно и согрѣться, и работать. Немногое напишешь за костенѣвшими отъ стужи руками. А написанное не пошлешь, потому что нѣтъ почты. Вчера въ Лозенградѣ я приношу телеграмму на станцію.

— Мы примемъ, но какъ она пойдетъ, — не знаемъ.

— Почему?

— Вонъ видите, лежатъ большія депеши другихъ корреспондентовъ. У насъ одинъ аппаратъ и одна проволока. Они служатъ исключительно военнымъ дѣлямъ, переговорамъ съ царемъ, съ главною квартирой, съ другими арміями.

— А все-таки, когда вы отправите мою?

— Въ Ямболь на волахъ. Туда она придетъ послѣзавтра. Изъ Ямболя почтою на Старую Загору и оттуда на Софію...

Въ такихъ условіяхъ лучше ужъ совсѣмъ отказаться отъ посылки депешъ. Вѣдь онѣ не придутъ раньше моихъ писемъ, а обходятся отсюда, вслѣдствіе скаредности русскаго телеграфнаго вѣдомства, безбожно дорого ¹.

XXVII.

Милая Демотика! Послѣ разоренныхъ селъ и сожженныхъ деревень греческій городокъ производитъ почти волшебное впечатлѣніе. Въ другое вре-

¹ Болгарскіе и сербскіе телеграфы предложили всѣмъ европейскимъ телеграфамъ понизить взаимно тарифъ для большихъ депешъ отсюда. Всѣ согласились, кромѣ Россіи. Такъ мы, русскіе, только одни остались при этомъ архангелскомъ тарифѣ. У насъ вѣдь во главѣ и почтъ и телеграфовъ сидятъ какія-то допотопныя поимѣнныя-Коробочки.

мя на немъ бы и не остановился. Мало ли на востокъ гнѣздъ, гдѣ надъ грязными улицами стоятъ красивые, точно сплошь изъ оконъ дома. Какъ будто не окна прорубаются въ жильѣ, а оно пристраивается къ окнамъ. И всѣ они весело смотрятъ на солнце, каждое стекло въ нихъ блещетъ и играетъ. Живая, шумная толпа на улицахъ. Красивыя дѣти, очаровательныя женщины, картинныя старики. Настежь открыты магазины, — можно быть сытымъ. Я, еще не приискавъ уголка, гдѣ бы вздохнуть, сѣлъ коробку сардинокъ безъ хлѣба, — хлѣба не было. А потомъ у уличной жаровни нѣсколько *кебабчиковъ*, не раздумывая, изъ какого мяса они приготовлены. Хорошо еще, если изъ палаго коня. Могло быть и хуже! Не успѣлъ я сдѣлать нѣсколько шаговъ отсюда, какъ ко мнѣ подошелъ мѣстный учитель, заговорилъ по-болгарски. Узналъ во мнѣ русскаго и пригласилъ къ себѣ. Какой восторгъ — теплая комната и жесткій диванъ, на которомъ можно выспаться. Особенно послѣ этихъ ледяныхъ ночей и отвратительнаго коня, все время пытавшагося сбить меня съ сѣдла, а когда ему это не удавалось, прыгавшаго отъ отчаянія на мѣстѣ. Своеобразный индійскій танецъ. Чортъ ее знаетъ, гдѣ эта лошадь-балерина ему обучилась. Но главное — тепло... И вытопилъ же свою комнату мой хозяинъ. Точно предвидѣлъ, что въ ней будетъ отогрѣваться замерзшій комокъ человѣческаго тѣла. Я, впрочемъ, недолго лежалъ. Вдругъ зазвонили, на улицѣ слышались громкіе радостные крики. Бѣгу къ окну, — въ чемъ дѣло? Сплошная рѣка головъ стремится куда-то. Хоть ходи по ней. Что-нибудь случилось необычайное. Отечество спасено, что ли?

Люди поздравляютъ другъ друга. Обнимаются. Женщины машутъ пестрыми широкими шелковыми рукавами, дѣти орутъ весело и счастливо. Оборачиваюсь къ моему хозяину, — его ужъ нѣтъ. Вонъ какая-то черная камилавка съ расширяющимся въ гарелочку верхомъ мелькаетъ въ толпѣ и рядомъ онъ. Пришлось и мнѣ наскоро одѣться. Съ балконовъ, изъ оконъ лица женщинъ, оставшихся дома, и всѣ смотрятъ вправо. Всѣ точно ждуть отсюда пришествія Мессіи. Взбѣсилась Демотика, что ли? Спрашиваю у сосѣда, тотъ наскоро кидаетъ мнѣ: «Болгары, болгары!» Ничего не понимаю. Живая человѣческая рѣчка уноситъ меня все дальше, и изъ боковыхъ улочекъ въ нее вливаются такія же рѣчки размахавшихся, возбужденныхъ, что-то выкрикивающихъ людей. Нахожу, наконецъ, одного поспокойнѣе.

— Да скажите мнѣ, пожалуйста, въ чемъ дѣло?

Говоритъ по-французски. Слава Зевсу, — добился языка.

— Болгарская кавалерія входитъ въ городъ. Мы ее ждали вчера еще.

— Вы такъ любите болгаръ?

— Теперь это наши союзники и друзья. Но тутъ иное дѣло. Вчера около были турки; всю ночь вокругъ города шатались шайки башибузуковъ. Да и турецкіе регулярные солдаты не лучше ихъ. Въ чифтликахъ пропасть зарѣзанныхъ. Демотика ожидала такой же участи, когда два болгарскихъ кавалериста въѣхали утромъ рано къ намъ и сказали, что за ними слѣдуетъ полуэскадронъ . . .

И дѣйствительно!

Всѣ эти дни Демотика переходила отъ отчая-

нія къ взрываюмъ сумасшедшей радости и опять падала въ мучительное ожиданіе неизбѣжной гибели. Семьи то прятались въ погреба, то выбѣгали наверхъ. Пробовали выбраться изъ города на сѣверъ, гдѣ болгары, но перехватывали по пути разбойничьи шайки турецкой гверильи или солдаты султана. Трупы бѣженцевъ теперь по всему этому простору гніють подъ солнцемъ. Съ населеніемъ милаго и красиваго греческаго городка, утопающаго въ счастливыхъ садахъ, повторялись все время эти переходы отъ одного чувства къ другому. Покажутся болгарскіе разъѣзды, — восторгъ, бѣшено торжествуетъ свое спасеніе толпа, звонятъ колокола, священники встрѣчаютъ ихъ благословеніемъ, народъ на колѣняхъ служитъ благодарственные молебны. Уйдетъ разъѣздъ, — и дѣтей, и женщинъ прячутъ въ погреба, а мужчины или живы, ни мертвы ожидаютъ поносной смерти. Потому что турки не только убиваютъ, — они ругаются надъ своими жертвами, замучиваютъ ихъ. Жизнь здѣсь складывалась ранѣе по-восточному благополучно. Хорошіе дома и большія семьи, и вдругъ первые запылаютъ, а вторыя будутъ отданы озверѣлой шайкѣ на правезъ. И на какой правезѣ! Передъ нимъ даже опричина, злая собачья стая Иоанна Грознаго — сплошная идиллія.

И все-таки даже въ этомъ измученномъ городкѣ ни одной жалобы на войну! Надо, — что дѣлать? Разъ навсегда покончить съ этимъ гнуснымъ существованіемъ подъ вѣчно занесеннымъ нежелезомъ. Въдѣ турки и въ мирное время не давали иноплеменникамъ вздохнуть свободно.

Когда вдали показался болгарскій разъѣздъ, — что за delirium счастья разразился въ городѣ. От-

куда взяли демотинки столько скромныхъ осеннихъ цвѣтовъ, и какъ эти позднія октябрьскія улыбки полей выдержали ночи ледяной стужи? На всадниковъ сыпались отовсюду изъ оконъ, съ балконовъ полузавядшіе вѣнчики; женщины, у которыхъ такихъ не было, бросали ленты. Гдѣ-то вспыхнулъ и полымемъ по всей улицѣ разнесся народный гимнъ «Шуми Марица». Смѣлымъ напѣвомъ расходился по переулкамъ. Скоро мнѣ показалось, что самые камни этого осчастливленнаго мгновенною безопасностью города повторяютъ вдохновенный гимнъ. Но пожаръ народного восторга какъ вспыхнулъ, такъ и погасъ. Болгарскій разъѣздъ проѣхалъ городъ и исчезъ въ синей дали за смутными очерками садовъ и рощъ. Точно и не было радости. Погасли крики. Мрачное отчаяніе легло на лица. Матери опять прятали дѣтей въ погреба и сами хоронились тамъ. Улицы разомъ опустѣли, и только растрепанные цвѣты да обрывки лентъ лежали въ грязи, никогда здѣсь не просыхающей. Одни окна радостно, всѣми своими стеклами, блистали на солнцѣ, да эмалево-синяя чаша безоблачнаго неба опрокидывалась надъ несчастною странюю.

XXVIII.

Тутъ рѣшилась и моя судьба.

Я говорилъ съ разъѣздомъ.

Дальше по южному фронту адрианопольскихъ позицій пути не было. Тутъ только болгарскіе кавалеристы, и тѣ съ мѣста на мѣсто объѣзжаютъ различные пункты, а между ними бродятъ повсюду шайки башибузуковъ. Часто одной стороною рѣки идетъ болгарскій, а другою, напротивъ, — ту-

рецкій разъѣздъ. На какой попадешь. Я бы не посмотрѣлъ на это. Жизнь приучила меня встрѣчать чертей вовсе не такими страшными, какъ ихъ малевали, но за городомъ я наткнулся на болгарскаго солдата. У него были вырваны глаза, обрѣзаны носъ и уши. Въ ротъ ему вставлена тоже одна изъ частей тѣла. Все зіяло кровавыми пятнами. Умирать въ бою — славная смерть, но быть замученнымъ башибузуками — иное дѣло! Не успѣлъ вернуться въ городъ, — другое предостереженіе. Греки принесли еще живого болгарскаго кавалериста. Онъ уже умиралъ, но весь былъ изсѣченъ и замученъ. У него тоже вырваны глаза, обрѣзаны уши, отрубленъ носъ. Надъ нимъ повторены также и другія гадости турецкаго ритуала издѣвательствъ надъ доставшейся въ ихъ руки жертвой. Онъ успѣлъ только сказать, что все это продѣлано не башибузуками, а регулярнымъ турецкимъ полузскадромъ, захватившимъ его, сбившагося съ пути, въ рощицѣ около Демотики. Ни одинъ проводникъ со мною не рѣшался ѣхать, и хоть выиграть почти три дня, чтобы попасть въ доблестную армію генерала Радко Димитріева, и было очень соблазнительно, но по трехверстной картѣ, снятой еще тридцать пять лѣтъ назадъ нашимъ генеральнымъ штабомъ, сдѣлать это нельзя было. Тамъ много не ошибокъ, нѣтъ, — но она, превосходно составленная, слишкомъ отстала отъ сегодняшняго дня.

— И вы насъ покидаете? — печально спрашивалъ меня старый священникъ.

Точно моя скромная особа могла быть защитою этому выхваченному изъ ласковой дѣтской сказки городу!

— Да, поневоля. Я тороплюсь на востокъ. Тамъ рѣшается судьба Турціи.

— Всѣ, всѣ уходятъ.

На мое счастье вдругъ является «фаэтонджи» съ экипажемъ, запряженнымъ парюю лошадей.

— Вы ѣдете въ Кадыкюй?

— Да.

— Если сейчасъ, я васъ довезу. Мнѣ надо скорѣе . . . скорѣе.

И на лицѣ ужась.

Очевидно, хотѣлъ тоже удрать отъ возможнаго налета турокъ.

Самъ Господь заботится о своихъ младенцахъ!

Напослѣдокъ къ учителю пришло нѣсколько юношей. Спрашиваю ихъ:

— Васъ много въ городѣ?

— Очень много. Наша Демотика людна.

— У васъ есть оружіе?

— Да.

— Чего же вы боитесь турокъ? Возьмите все, что у васъ есть: револьверы, ножи, сабли, выступите имъ навстрѣчу.

Испуганно оглядываются, точно турки здѣсь уже, въ этой теплой, покойной комнатѣ. Нѣтъ, это не болгары! Они и не ожидали бы отъ меня такого совѣта, если бы чувствовали себя въ достаточныхъ силахъ. Слишкомъ запугана христіанская райя. Вѣка сплошныхъ ужасовъ не прошли даромъ для народа. Онъ весь, какъ могильнымъ камнемъ, придавленъ ими!

— Вѣдь вы, все равно, говорите, будете перерѣзаны?

— О, да. Турки не дадутъ пощады

— Значить, и такъ умирать, и иначе тоже Такъ лучше защищаясь, съ надеждою на побѣду.

Тѣ же оторопѣлые взгляды, пожиманіе плечъ, точно имъ въ этой жарѣ стало холодно. Одинъ за другимъ разошлись.

Я пожалъ руку хозяину.

Еще полчаса — и въ осіянной лазурной дали уходилъ въ мрачное царство безвѣстной судьбы несчастный милый городъ, съ старинною величавою византійскою крѣпостью надъ нимъ!

Прощай, Демотика!

Уцѣлѣла ли ты въ своихъ заколдованныхъ садахъ и рощахъ? Мы въ отдѣльныхъ арміяхъ не знаемъ ничего, что дѣлается рядомъ. Можетъ быть, ея ужъ нѣтъ, и она вся стоитъ чернымъ пожарищемъ съ обгорѣлыми трупами въ сказочномъ и радостномъ уголкѣ балканскаго рая.

XXIX.

По сѣверному фронту Адрианополя къ Лозенграду — сплошная трясина. Это сравнительно короткое разстояніе я сдѣлалъ верхомъ въ четыре дня, выѣзжая въ тусклый разсвѣтъ, часовъ около семи, и поневолѣ останавливаясь въ пять вечера. Позже нельзя было двигаться. Шоссе, обошедшее Турціи въ сто семь милліоновъ франковъ, существуетъ только на картѣ и въ отчетахъ оттоманскаго министерства путей сообщенія. Вся эта крупная сумма, на которую можно было великолѣпно оборудовать стодвадцативерстный путь, разошлась по карманамъ, и въ дѣйствительности остались прежніе воловьи зигзаги по раскисшимъ хлябямъ. Лошадь иногда уходила въ нихъ по брю-

хо и, съ невѣроятными усиліями выбравшись изъ такой грязевой, вонючей ванны, оглядывалась на меня, вѣроятно, мысленно посылая своего всадника ко всѣмъ чертямъ. Какъ по этимъ сообщеніямъ двигались доблестныя первая и третья арміи, везли пушки и влачили за собою обозъ, — нельзя себѣ и представить. Гдѣ не хватило погонщиковъ, тамъ арбами управляютъ женщины, подростки, дѣти. Медлительно ползутъ онѣ по вчерашней Туречинѣ, отъ одной сожженной отступавшимъ непріателемъ деревни до другой. Раза три, не больше, на этомъ ужасномъ пути я встрѣтилъ брошенную телѣгу. Все остальное терпѣливо, шагъ за шагомъ шло къ полямъ сказочныхъ битвъ, которыми въ послѣдніе дни, — подчеркните: не мѣсяцы, а дни, — такъ высоко подняла свою военную и народную славу маленькая Болгарія. По сторонамъ пути, по комьямъ топкаго чернозема бредутъ войска. Повторяю: истинная народная армія, въ опанкахъ, кое-какъ одѣвшаяся, — страна вѣдь небогата, — но, глядя на сумрачныя, рѣшительныя лица, встрѣчая горячіе внутреннимъ пламенемъ глаза, наблюдая, какъ эта живая масса движется сплошною лавиною съ малыми отдыхами, громадными, непонятными намъ переходами, я читалъ въ каждомъ ея движеніи будущія побѣды славянскаго Пьемонта. У насъ въ послѣднюю нашу турецкую войну только два раза сдѣланы были такіе удивительные переходы: отъ Елены на шипкинскія позиціи драгомировскою дивизіей и по Софійскому шоссе Гуркой. Здѣсь это совершается ежедневно, и никто этому не удивляется, отъ командующихъ до самихъ солдатъ. Идетъ народъ! Весь, отъ его верховъ, отъ сплотившейся въ одинъ ударный кулакъ

интеллигенціи, безъ различія партій, направлений, состояній, до хмураго и озабоченнаго труженика полей — селяка, отдавшаго все свободѣ и независимости зарубежныхъ братьевъ. Идетъ народъ съ тѣмъ, что ему принадлежало, не оставляя себѣ ничего, все смывая на крестномъ пути къ смерти и торжеству. Катится горный обвалъ, и боевыя арміи Турціи, бившія насъ подъ Плевной, сейчасъ умирающія безнадежно и безславно, не могутъ остановить напора отъ мала до велика поднявшихся болгаръ. Идетъ народъ, именно народъ . . . Войска впереди, за ними онъ, сейчасъ же заполняющій порѣдѣвшія шеренги, подпирающій, какъ стѣной, усталыхъ бойцовъ, подбирающій на арбы раненыхъ, хоронящій убитыхъ . . . Идетъ народъ суровый, молчаливый, самоотверженный до того, что онъ даже не считаетъ свою легендарную, сплошную, безмѣрную жертву самоотверженіемъ. . . Идетъ народъ, бросившій родныя поля; онъ, больше жизни любящій эти поля, вѣчную страду, питающую его дѣтей, кыштъ подъ безлистнымъ тополемъ, вечернее молчаніе синихъ далей, дымки его сосѣдей, тихій благовѣстъ бѣдной церкви. Идетъ народъ весь, весь, весь . . . Вся Болгарія, этотъ прекрасный край, облитый и утучненный когда-то нашей кровью . . . Въ пившихъ ее долинахъ выросли настоящіе богатыри. Точно въ ихъ жилы съ знаками полей, съ плодами садовъ влилась доблесть нашихъ безвѣстныхъ и безыменныхъ героев. Идетъ народъ! Идетъ днемъ, идетъ ночью. . . Идетъ, неся въ душѣ неугасимое пламя любви къ свободѣ, къ новому Иерусалиму племень — независимости. Идетъ съ вѣчнымъ очагомъ въ груди, согрѣвающимъ ему морозныя, ледяныя горныя ночи, — ему, одѣтому

и обутому скудно, тогда какъ мы, со своими мѣхами и пледами, дрожимъ и не знаемъ, какъ дожидаться животворящаго луча поздняго осенняго солнца. Идетъ народъ, безмолвный въ желѣзной рѣшимости, скромный въ неодолимой отвагѣ, неотразимый въ быстромъ, сокрушающемъ ударѣ . . . Идетъ народъ, какъ движутся тучи, — тая въ сырыхъ непроглядныхъ нѣдрахъ громадныя запасы убійственнаго электричества. Ползутъ надъ вчерашней Туречиной и, внезапно разверзаясь пылающей бездной, бросаютъ тысячи молній, народныхъ молній, передъ которыми безсильно все . . . Идетъ народъ простой, сѣрый, какъ эти осеннія поля, сплошной, какъ они, и навстрѣчу ему, благовѣствующему волю и жизнь, подымается все, до сихъ поръ прибитое къ землѣ, измученное, умиравшее въ желѣзныхъ тискахъ сумѣвшей обмануть Европу проклятой тираніи . . . Подымается и впитывается въ его ряды, живить ихъ, бѣжить впередъ и по сторонамъ размывами бѣлой пѣны — предвѣстниками грядущихъ за нею грозныхъ валовъ чуть не до небесъ поднявшагося моря, ревущаго свой гордый и всепобѣдный вызовъ униженію, рабству и смерти . . . Въ народныхъ толпахъ еще разъ сошедшій съ креста Христосъ сходитъ во адъ и божественною силою свободы побораеть его черныхъ демоновъ.

Идетъ народъ!

Даже тѣ, которые его вели за собою, не ожидали отъ него такихъ сокрушающихъ ударовъ. И чѣмъ сильно болгарское войско? Вѣдь въ немъ все отъ здѣшняго Скобелева — Радко Димитріева, до послѣдняго субалтерна, отъ начальниковъ штабовъ до интендантскихъ офицеровъ, -- все, все вышло изъ народа, служить ему, живетъ его мыслью, его

духомъ, его надеждами, сильно его сплошною, сосредоточивающеюся въ этихъ верхахъ волей. Я въ слѣдующихъ главахъ расскажу вамъ о Радко Димитріевѣ и его офицерахъ, — вѣдь, пока въ своихъ письмахъ я, задержанный подъ Адраіанополемъ, не доѣхалъ до нихъ, но то, что я здѣсь видѣлъ по пути движущихся, отнынѣ славныхъ, полковъ свободной, прекрасной страны, мнѣ говорило именно объ изумительномъ въ нашъ вѣкъ подъемѣ всего, всего народа. Я говорилъ съ солдатами, бесѣдовалъ съ генералами, — въ нихъ, — и сердца, и души, и умы, — полно одною великою задачей. Ни одного шага врозь, ни одного стремленія и помысла въ сторону, — все острѣмъ угломъ копыеносно направлено въ ударъ, въ побѣду, въ торжество. Этотъ демократическій край, безъ дворянства, безъ крупныхъ капиталовъ, живетъ одними общими интересами, и когда роковая труба исторіи кличетъ ему грозный зовъ къ смерти и побѣдѣ, онъ подымается весь, какъ одинъ человекъ. Впервые, я думаю, за всю нашу родную былъ въ русскія лѣтописи можетъ быть вписана чудесная страница, что нами здѣсь сдѣлано, и какъ насъ до сихъ поръ здѣсь помнятъ, знаютъ и любить. Вчера я проѣзжалъ къ Визѣ. По пути нагоняю болгарскій полкъ. Всадникъ скачетъ мнѣ навстрѣчу, спрашиваетъ, кто я. Называюсь. Онъ возвращается къ офицеру, и вдругъ, нѣсколько мгновений спустя, весь этотъ отрядъ крикнулъ мнѣ, скромному русскому писателю, «ура!». О, ради всего святого не принимайте этого за похвальбу съ моей стороны. Вѣдь во мнѣ чествовали здѣсь не мои личныя скромныя дѣла въ прошлую войну 1877—1878 года, а всю русскую печать, за малыми

исключеніями, свято и смѣло послужившую великой свободѣ. И она не ошиблась тогда въ одушевленной пламенной проповѣди крестоваго похода. Сегоднешняя Болгарія — вотъ ея прекрасное и незабвенное дѣло. Тронутый до слезъ и смущенный, я ѣхалъ дальше мимо этой народной арміи если не крестоносцевъ, то свободоносцевъ. Не забывайте, не забывайте, что, вѣдь, въ ранцѣ болгарскаго солдата не завоеванія, не хищничество, какими благородными именами его ни прикрывай, а великая свобода униженнымъ, независимость скованнымъ въ темницахъ современной Турціи, счастье обреченнымъ гибели, благополучіе вольнаго труда замученной на благословенныхъ небомъ поляхъ райѣ. Солдатъ французской революціи, несшій *contrat social* реакціонной Европѣ, остался позади болгарскаго солдата. У того все-таки было личное «я»... Изъ его рядовъ вышелъ Наполеонъ, а тутъ — чистыя души и благородные помыслы, и если война дастъ этому народу великую страну отъ Дуная до Эгейскаго моря, — ничей подлый ротъ не осмѣлится сказать, что это не заслужено имъ на кровавыхъ поляхъ битвъ. На поляхъ, къ которымъ шелъ весь народъ, и куда онъ несъ, какъ жертву, свою жизнь и все свое достояніе!

XXX.

Издали торжествующее карканье... Подъ сѣрымъ сегодня небомъ — черныя стаи. Тучами подымаются съ голыхъ полей, дѣлаютъ большіе круги чуть не надъ самой землей и садятся, точно посылая мнѣ вызовъ. Точатъ стальные клювы объ отвердѣвшіе комья и провожаютъ меня жадными,

острыми взглядами. А направо, за тѣми вонъ сливающимися въ одну сизую муть холмами, — глухіе удары пушекъ. Заговорили только что доставленныя сюда крѣпостныя орудія. Агонія Адрианополя началась, и когда вчера, напрімѣръ, разнесся ложный слухъ о сдачѣ этой первоклассной позиціи на семнадцатый день войны, никто изъ насъ не удивился. Болгары, стремительные въ своемъ орлиномъ полетѣ, отучили насъ изумляться. Все, что повсюду исполнило бы насъ недовѣріемъ, тутъ кажется просто, ясно и естественно.

И опять зарево пожаровъ ночью, красное полымя въ сѣрыхъ клубахъ дыма днемъ. Турки, уходя, жгутъ все за собою. Трупы и пепелища... Мы этого ожидали, зная, что такое народная война. Она нигдѣ не достается дешево побѣдителю. Какіе бы благородные девизы ни были написаны на его знаменахъ, онъ долженъ быть всегда готовъ къ такимъ картинамъ... Отсюда то и дѣло намъ показываетъ свой многоминаретный профиль обреченный Адрианополь, но тутъ онъ весь ужъ въ скупыхъ тонахъ туманнаго дня, точно въ мутіи какой-то. Болгарскіе отряды остались позади. Ёдемъ сплошнымъ безлюдьемъ. Этакая чудесная земля! Она должна бы кормить десятки милліоновъ людей, а тутъ на десятки верстъ одна деревня отошла отъ другой, и часами одолѣваешь возвышенность за возвышенностью, голая, печальная, безлюдная, прежде чѣмъ вдали покажется, точно затерявшееся въ пустынѣ, въ зеленой съ золотомъ, нѣсколько полинявшей парчѣ сельбище. Вглядываешься, — остались ли тамъ живые? Чаще надъ нимъ стоитъ шапкою дымъ, и въ дыму тускло мерещатся огни пожара. Я ночевалъ въ Кадыкіюфъ,

Семюнѣ, Ортачки, Селиджѣ, измученный невозможною дорогой... Тянется она безъ конца по степи, то взбѣгая на холмы, то спускаясь въ сырыя лощины... Встрѣтишь болгарина: «Сколько осталось?» — «Два часа». Проѣдешь эти два часа, — опять встрѣча. Думаешь, вотъ сейчасъ отдохнѣ, отогрѣешься у костра, найдешь, что перекусить.

— Далеко ли до деревни?

Вѣрно прячется съ своими садами въ какомъ-нибудь провалѣ.

— Има два саатъ и полъ.

Еще два съ половиной часа.

Сначала злишься, приходишь въ отчаяніе, а потомъ нѣмѣешь и костенѣешь. Дѣлается все равно. Пусть болятъ колѣни, ноютъ ревматически ноги, въ голову бьютъ какіе-то молотки, — покачиваешься въ сѣдлѣ въ тактъ усталому шагу измученнаго коня.

На третій день пошли мѣста недавнихъ боевъ.

Они были такъ неожиданны, что ни одинъ корреспондентъ не попалъ на нихъ. Жаль. Многія прекрасныя и ужасныя въ одно и то же время картины утрачены для болгарской военной исторіи. Въ трясинѣ завязли и торчатъ со всѣхъ сторонъ сотни зарядныхъ ящиковъ. Грудами валяются по пути шрапнели, вывалившіяся изъ нихъ; ихъ красныя и желтыя черточки вездѣ, куда только хватается глазъ, по этимъ сырымъ, раскисшимъ, полямъ. Вотъ по сторонамъ уже не прерывающаяся гряда ихъ. Тутъ десятки тысячъ брошенныхъ отступающей арміей снарядовъ. Какъ великолѣпно она была снабжена этими издѣліями нѣмецкихъ военныхъ заводовъ. На что пошли турецкіе займы, и какъ глупо человѣчество, тратящееся на эти ни-

кому ненужные стальные орѣхи съ неизбѣжною смертью въ видѣ зерна. Стаканы отъ разорвавшихся шрапнелей валяются очень рѣдко; чаще — самыя шрапнели цѣликомъ. Ихъ пока никто не подбираетъ, — не до того побѣдной арміи. Ея задачи уже далеко впереди!.. Турки опрастывали на дорогу снарядные ящики, а сами садились вмѣсто ихъ содержимаго и со слѣпу бѣжали впередъ и впередъ!

То и дѣло палые кони, есть съ оторванными головами; шея — точно красная чаша, пролившаяся на землю; вырванные животы съ отброшенными въ сторону внутренностями. А то и просто истерзанные куски почернѣвшаго мяса. Ихъ такъ раскидало, что сложи, — не соберешь цѣлаго коня. Вспухшіе трупы; ткни въ него, — газы вырвутся оттуда, и тѣло съежится и ляжетъ плашмя... Въ какихъ только положеніяхъ нѣтъ здѣсь этихъ безвинныхъ жертвъ людской ненависти и злобы. Вонь одна ухитрилась, какъ скорчившійся мертвый паукъ, подвернуть подъ себя шею, голову и ноги. Другая точно наизнанку выпятилась. Третья четыремя копытами торчитъ вверхъ... Скверно!.. Стараешься проѣхать мимо, не оглядываясь на отвратительное зрѣлище падали. Отворачиваешься, чтобы не чувствовать отравленнаго вокругъ нея воздуха. Точно кругомъ дышать разрытыя могилы. А вонь и разметавшіеся во всѣ стороны людскіе трупы... Нельзя себѣ представить зрѣлища болѣе жалкаго и печальнаго. Животное не производитъ своей смертью и ужасомъ разложенія такого впечатлѣнія. Но эти застывшіе въ послѣдней агоніи остатки бывшихъ людей! Одинъ закостенѣлъ, приподнявъ надъ лицомъ руку, точно

защищаясь отъ удара. Другой будто разсматриваетъ ее, а на ея пальцахъ запеклась кровь, и одинъ изъ нихъ оторванъ. Третій почему-то свернулся весь, неестественно выгнувъ спину, и съ головы его при нашемъ приближеніи нехотя сорвался черный большой воронъ съ круглымъ чѣмъ-то въ своемъ стальномъ клювѣ . . . Круглое мы угадали. Во впадинѣ оскаленнаго лица не было глаза . . . Нѣкоторые трупы разстегнуты. Болгары, не имѣвшіе времени убрать трупы, — вѣдь впереди ждалъ ихъ отнынѣ славный лозенградскій бой, — хоронили своихъ все-таки. Надо было убѣдиться, турокъ передъ ними распластался или христіанинъ. Это поле недавняго боя было еще печальнѣе, потому что отъ него удалилось все, что давало блескъ самому бою. Не было одушевленія восторженной отваги, сплоши ружейнаго огня, кровожаднаго рокота барабановъ, пронзительнаго пѣнія сигнальныхъ трубъ, вспыхивающихъ кликовъ торжества, грознаго «ура», рева орудій, — всей этой оглушающей и отупляющей музыки войны. Осталась передъ вами только обратная ея сторона — рвань и дрянь скверной изнанки . . . Вонъ этотъ трупъ съ оторванной частью черепа, выливаго на мокрую землю мозгъ, какъ опрокинутая чаша, можетъ быть, въ кипени сраженія былъ картинень и великъ неудержимымъ порывомъ впередъ, экстазомъ обрешаго себя на смерть бойца . . . А вонъ другой, съ изуродованнымъ ртомъ, выбитыми пулей зубами и черной лужей спекшейся крови подъ затылкомъ. Этою кровавою дырою, съ выкрошенными сейчасъ челюстями, онъ кричалъ что-то грозное, безумное и въ безуміи смѣло прекрасное, вдохновлявшее сосѣдей, шедшихъ съ нимъ локоть

къ локтю... Узнаешь ли въ выпотрошенномъ осколкомъ гранаты солдатѣ выбѣжавшаго впередъ на смерть для примѣра и показа своимъ товарищамъ героя!.. Да, лохмотья и неприглядь изнанки ужасны. Ея не угадаешь во время боя, и только сейчасъ вотъ, медленно двигаясь по слѣдамъ его, познакомишься съ настоящей дѣйствительностью войны... Всегда отвратительной. Хищническая ли она, завоевательная, служащая честолюбію великихъ разбойниковъ, или вдохновенный, освободительный, прекрасный, какъ Божій гнѣвъ, крестовый походъ болгаръ, идущихъ на Голгову за братьевъ своихъ.

XXXI.

Только по дорогѣ къ Лозенграду мы узнали поразительныя подробности этого боя. Взятіе Киркилиссе и затѣмъ генеральное пятидневное сраженіе между Бунаръ-Гиссаромъ и Люле-Бургасомъ почти рѣшили судьбу этой кампаніи. Я говорю: почти, оцѣнивая, съ одной стороны, воодушевление болгаръ, съ другой — упадокъ духа въ бѣгущей турецкой арміи. Будь у первыхъ больше кавалеріи, и зайди она въ тылъ безпорядочно отступающему непріятелю, ему оставалось бы только положить оружіе. Но теперь, усѣявъ всѣ дороги своими мертвыми, забросивъ эти зловѣщіе всплески даже на улицы вѣнчающей сѣдловину горы Визы, они, разумѣется, доберутся до Чаталджи и засядутъ на ея грозныхъ позиціяхъ. Война идетъ такимъ быстрымъ темпомъ, что очень скоро должно уже выясниться, удержатся ли на нихъ турки. Въдь изъ Малой Азіи туда все время посылаются свѣжія войска, и болгарамъ подъ огнемъ тридцати двухъ

фортовъ Чаталджи, цѣпью загораживающихъ дорогу къ Константинополю, придется имѣть дѣло съ новымъ непріателемъ. Ему, кстати, есть на что опереться. Отъ Карабуруна на Черномъ морѣ до Чекмедже на Эгейскомъ, поперекъ этого полуострова, созданныя самою природою страшныя позиціи еще укрѣплены этою непрерывною цѣпью редутовъ, соединительныхъ траншей, волчьихъ ямъ, минированныхъ подступовъ, проволочныхъ колючихъ эспланадъ. Все это будто паутиною связано телефонами и телеграфами. Константинополь за эту стѣною считаетъ себя въ полной безопасности. Болгарской арміи здѣсь предстоитъ наиболѣе трудная за всю войну задача. Обойти этотъ сплошной фронтъ нельзя безъ большого и могучаго флота, который могъ бы въ тылъ ему перебросить достаточное количество войскъ. Брать въ лобъ — обойдется не дешево, и на тернистомъ пути освободительной войны народную армію сейчасъ ожидаетъ лобное мѣсто. Я, видя эти бодрые, сильные и смѣлые полки, вѣрю въ ихъ побѣду, но у меня сжимается сердце, зная, какихъ жертвъ она потребуеть.

Войскъ тутъ и въ мирное время довольно. Блиндированныя казармы для нихъ могутъ укрыть болѣе чѣмъ стотысячную армію. Можетъ быть, потому и было такъ поспѣшно отступленіе турокъ подъ защиту давно подготовленныхъ твердынь. Ими еще Византія хорошо укрывалась отъ всякой попытки захватить ее съ запада. Эти позиціи указаны были исторіей. Вѣдь еще императоры встрѣчали здѣсь враговъ, тѣмъ болѣе, что, помимо всего, чѣмъ такъ богата современная фортификація, сама природа позаботилась сдѣлать эту небольшую ли-

нію недоступной. Она нагородила на нее всевозможные узлы, провалы, гребни, перекидывающіеся одни черезъ другіе, дефіле, черезъ которыя надо во что бы то ни стало пройти подъ продольнымъ и фланговымъ огнемъ. Если бы нарочно возможно было построить природу для обороны, противъ сильнѣйшаго врага, геніальный инженеръ не могъ бы начертать лучше плана пересѣченной мѣстности. Зная уже нынѣшнюю болгарскую военную силу, я не сомнѣваюсь въ ея торжествѣ, но думаю, что богатырямъ крестоваго похода придется на тризнѣ умирающей Турціи до дна выпить горькую чашу . . .

XXXII.

Ночь застала меня въ дорогѣ.

Руки мерзли, держа повода. Конь то и дѣло спотыкался въ темени непроглядной. То я попадалъ въ омуты, гдѣ долго и мучительно бился онъ, прежде чѣмъ, задыхаясь, выбирался на болѣе плотную ладонь, то копыта его скользили въ незамѣтные прорывы проклятой дороги, и всадникъ рисковалъ на нихъ сломать шею . . . Гдѣ-то въ сторонѣ тускло мигали кровавые глаза пожарищъ; собаки ворчливо встрѣчали меня, отбѣгая отъ едва мерещившихся на этой трясинѣ пятень. По вони ихъ я угадалъ тамъ трупы, и лошадь, сторожко храпя, подавалась прочь. Надо было твердо держаться въ сѣдлѣ, чтобы въ ту же разлагающуюся мерзость не шлепнуться невзначай. Цѣлый день по пустырямъ, когда-то славившимся своими лѣсами и рощами. Тутъ, вѣдь, до османовъ былъ рай земной, но, какъ и вездѣ, куда они вторгались съ огненнымъ мечомъ истребленія, за ними осталась

одна пустыня. Воображеніе работало поневолю. Вѣдь, по брошенному турками простору могли бродить ихъ разсѣяныя шайки. Да и дѣйствительно въ зловѣщей тишинѣ порою слышался то шорохъ нѣсколькихъ ногъ, то вдругъ раздавался пронзительный, полный неописуемой муки крикъ... Случалось, надъ головою проносились большія невидимыя крылья. Я уже потерялъ всякую надежду добраться до какого бы то ни было пріюта въ эту отвратительную ночь, но вдали замелькали огоньки, послышалось ржанье лошадей, и еще немного спустя мы были уже если не въ теплой, то, во всякомъ случаѣ, укрытой соломенною кровлей лачугѣ... Во всю свою жизнь (ея осталось не такъ много) я не забуду, какъ меня здѣсь встрѣчали болгары. Со мною дѣлились послѣднимъ кускомъ хлѣба, уступали нагрѣтое простое ложе, отдавали одѣяла, чтобы усталому путнику можно было согрѣться подъ ними. На другой день я, наконецъ, добрался до Ениджи и, еще переночевавъ тамъ, утромъ доѣхалъ до бѣлаго, красиваго, взобравшагося на высоту Лозенграда (Киркилиссе)...

XXXIII.

Въ нашей бродячей жизни неудобно то, что падается гнѣздо, гдѣ можно отдохнуть подъ кровлей, въ теплѣ: нужно во что бы то ни стало, не упуская ни одного часа, ѣхать все дальше и дальше, чтобы не отстать отъ наступающей арміи, которая отъ тебя въ вѣсколькихъ переходахъ. Меня манили, какъ и въ Демотикѣ, красивые дома Лозенграда, спокойныя и чистыя комнаты, — выбирай любую. Военное время, — и не спрашиваешь обыкновенно

позволенія хозяевъ. Да на востокѣ, впрочемъ, это легко улаживается однимъ или двумя золотыми на прощанье. Не ожидавшій ничего грекосъ въ восторгѣ прощается съ вами какъ съ роднымъ и жаждетъ вашего вторичнаго пришествія подъ ту же гостепріимную сѣнь. Но на позиціи Лозенграда мнѣ все-таки пришлось съѣздить, чтобы понять всю схему перваго большого боя, выиграннаго болгарами.

Фонъ-дерь-Гольцъ-паша, осмотрѣвъ окрестности Киркилиссе, нашель, что здѣсь турецкая армія можетъ защищаться долго отъ какого бы то ни было врага. Онъ даже произнесъ крылатое слово: «Киркилиссе — одна изъ лучшихъ крѣпостей въ мірѣ. Она даже не нуждалась бы въ фортификаціонныхъ работахъ, потому что это — самою природою созданный Гибралтаръ. Взять его мыслимо только при двухъ условіяхъ: послѣ трехмѣсячной осады, и то прусскою арміей». Болгары, очевидно, съ нимъ не согласились. Они вырвали его, да еще защищенный пруссаками, изъ рукъ непріятели двухдневнымъ боемъ и своей арміей. Въ числѣ убитыхъ здѣсь нашли нѣсколько германскихъ офицеровъ. Между прочимъ, на одномъ изъ труповъ были документы барона фонъ-Биберштейна. Полковникъ фонъ-Вейссъ пребываль тамъ у главнокомандующаго Абдулахъ-паши. Другой нѣмецъ, майоръ, былъ взятъ въ плѣнъ; нѣсколько, которыхъ видѣли въ бою, бѣжали съ побѣжденною арміей. Вообще эта война имѣетъ для насъ особое значеніе. Мы вѣрили въ высокую мощь Оттоманской Порты, пока она не разбилась о народное ополченіе Болгаріи. Офицеры турецкіе вышли изъ берлинской академіи генеральнаго штаба или были

воспитанниками Гольцъ-паши и его нѣмцевъ. Въ Болгаріи, напротивъ, генеральный штабъ почти весь изъ нашей академіи, частью изъ итальянской, какъ генераль Фитчевъ, и двое-трое изъ французской; офицеры изъ русскихъ корпусовъ и военныхъ училищъ. И вотъ, къ крайнему удивленію нѣмецкой, особенно вѣнской печати, на всѣхъ этихъ самимъ Богомъ созданныхъ для упорной обороны, позиціяхъ русскіе ученики бьютъ нѣмецкихъ. Вѣнскія газеты передъ самую войною собакъ вѣшали на русскую школу. Я вовсе не говорю, чтобы была она безъ страха и упрека. Наша академія — далеко не рыцарь Баярдъ въ этомъ отношеніи, но сейчасъ на практикѣ балканской войны Михель помѣрялся съ Іwanuschk'ой, какъ насъ прозвалъ вѣнскій юмористъ. Юмористъ только ожидалъ, что Михель «прогонитъ Иванушку пасти свиной», столь драгоценныхъ для вѣнскихъ колбасныхъ. Оказалось наоборотъ. Повторяю: это вовсе не переполняетъ меня патриотической гордостью. По манчжурской войнѣ и послѣдовавшимъ затѣмъ признаніямъ нашихъ офицеровъ генеральнаго штаба я знаю, какіе крупные и опасные недостатки подчеркнуты въ работахъ нашей академіи, но все-таки судьба жестоко подшутила надъ заносчивой Вѣной, Вѣной военной, всегда идущей за хвостомъ Берлина. Въ Лозенградѣ мнѣ передавали, что между турецкими офицерами было немало нѣмецкихъ. Ихъ слышали и видѣли мѣстные жители, отмѣчали ихъ надменное обращеніе съ солдатами и высокомеріе съ своими товарищами-мусульманами, которыхъ германцы называли кратко и выразительно «упрямыми ослиами». Все время эти господа считали себя спасителями Турціи и за хорошее содер-

жаніе столь усердно въ своихъ военныхъ журналахъ и ежедневной печати воспѣвали неотразимыя преимущества турецкой арміи, что Европа имъ легко повѣрила. Увы! Первый же экзаменъ, который пришлось держать этой арміи, въ лицѣ лучшихъ солдатъ низама, передъ нелицепріятнымъ судіей — исторіей, доказалъ всю несостоятельность ея. А плохіе ученики обнаруживаютъ, прежде всего, невысокое качество профессоровъ. И особенно это выступило чернымъ по бѣлому въ лозенградскомъ боѣ, гдѣ нѣмецкая техника ничего сдѣлать не могла противъ отважнаго до безумія наступленія болгарскихъ боевыхъ колоннъ генерала Радко Димитріева.

XXXIV.

Болгары шли съ сѣвера, бросивъ одинъ обходный отрядъ въ Селіолу.

Надо самому видѣть позиціи, чтобы понять, что это такое! Я бы назвалъ эти горные кряжи бѣшенствомъ природы. Отвѣсы, крутизны, утесы, утопающіе въ небѣ. И ихъ всѣ надо одолѣть, чтобы подойти къ непріятелю подъ его сплошнымъ огнемъ. Снизу страшно взглянуть на стѣны, нагроможденныя однѣ надъ другими, съ площадками въ ладонь и осыпями, на которыхъ не удержаться и козѣ. Даже на картѣ нашего генеральнаго штаба видно, что это за путаница хребтовъ, кряжей, взрывовъ бунтующей земли въ недосыгаемыя выси, скаль, обрывающихся въ бездны, безднѣ, заключающихъ горныя тѣснины. Издали на лазури рисуются величаво и грозно зубцы первосозданныхъ твердынь, на которыхъ стали турки

Надъ ними были только взлеты каменныхъ иголь, казавшихся жертвенниками невѣдомаго бога. Дорогъ нѣтъ, — однѣ тропки, да и то по карнизамъ надъ пропастью. Если на свѣтѣ существуетъ нѣчто неодолимое, такъ это именно — на подступахъ къ Киркилиссе. На главныя позиціи турокъ надо было добраться, побѣждая сначала мертвую природу, а потомъ схватываясь съ стоящими надъ вами лучшими войсками низама. Турція бросила сюда все, что у нея было самага надежнаго. Тутъ былъ и батальонъ, великолѣпно оборудованный наслѣдникомъ турецкаго престола за свой счетъ, и такъ называемый унтеръ-офицерскій учебный, которымъ особенно тщеславились константинопольскіе нѣмецкіе профессора. На нихъ почему-то Махмудъ-Мухтаръ-паша возлагалъ лучшія надежды. По всѣмъ вышкамъ и орлинымъ гнѣздамъ турки разбросали зоркіе и стойкіе пикеты; въ заслонахъ и западняхъ стояли, выжидая непріятели, ихъ боевыя роты. Одна мысль не осаждать, а атаковать такія позиціи могла прійти въ голову только самымъ смѣлымъ людямъ. Человѣкъ, выросшій въ этихъ горахъ, говорилъ мнѣ: «Я всегда думалъ, что эти вышки доступны только птицамъ». Любуясь издали грозною картиной горъ, я поневолѣ вспоминалъ суворовскіе походы черезъ Швейцарію, скобелевскій переваль зимою черезъ недоступную и лѣтомъ Куруджу. То, что оказалось возможнымъ старымъ арміямъ, съ большимъ боевымъ прошлымъ, здѣсь исполнила молодая болгарская армія, побѣждая въ одно и то же время двухъ враговъ, — природу и живую силу ненавистной ей Турціи.

XXXV.

Болгары шли на Лозенградъ нѣсколькими колоннами. Они брали его, если позволено такъ выразиться, двумя вилами, и между ними наготовѣ двигался отрядъ, способный поддержать или западную, или восточную боевую линію. Лѣвая двигалась къ Эски-Полосъ (Скупель), правая — на Чечмекію, Селиолу. И въ той, и въ другой было по дивизіи. Мнѣ очень жаль, что условія болгарской цензуры не допускаютъ называть дѣйствующія части, покрывшія себя въ этомъ большомъ, кровавомъ и рѣшительномъ бою вѣчною военною славою. Третья, — не по имени, а по счету участвовавшихъ въ этой битвѣ, — дивизія направилась прямо къ Лозенграду, между Эски-Полосомъ и Эреклеромъ... Часть отряда пошла на Кадыкію, между рѣками Айръ и Кукурданъ (туть, вѣдь, этихъ Кадыкіюевъ безъ числа).

Первая вступила въ бой дивизія, имѣвшая цѣлью Селиолу.

Она встрѣтила турецкій отрядъ на превосходной позиціи и, не давъ ему опомниться, смѣлымъ ударомъ сбила противника у Кереметли. Характерная особенность болгарскихъ войскъ заключается въ томъ, что они никогда не довольствуются выиграннымъ моментомъ, а безъ передышки кидаются дальше. Иначе, разумѣется, и пораженный противникъ имѣлъ бы возможность оправиться и опять собраться локоть къ локтю навстрѣчу новой атаки. Преслѣдуя бѣгущихъ турокъ, болгары у Селиолы наткнулись на большой непріятельскій корпусъ, значительно превосходившій

ихъ силами. Болгары, не останавливаясь, атаковали его, но, какъ первый валъ смятеннаго моря, разбились о нежданная плотины и отошли. Замѣтивъ это, шедшая рядомъ бригада бросилась на врага во флангъ, смяла его, свалаясь съ нимъ въ одинъ чудовищный комъ и выкинула турокъ назадъ. Въ то же самое время направлявшаяся въ обходъ на Эски-Полось бригада тоже замѣтила опасное положеніе наткнувшейся на значительныя непріятельскія силы болгарской колонны. Такъ какъ въ Эски-Полосѣ дѣла шли хорошо, то она мгновенно измѣнила свое направленіе и сама, сообразуясь съ обстоятельствами, поддержала своихъ направо.

Турки отсюда бѣжали, кидая оружіе и сбрасывая съ себя все . . .

Эски-Полось — старая римская крѣпость. Она чрезвычайно живописна на своей высотѣ. Стоявшій тутъ турецкій отрядъ считалъ себя недосягаемымъ. Взятые отсюда въ плѣнъ солдаты сами не понимаютъ, какъ болгары могли добраться до нихъ по крутизнѣ подъ такимъ сосредоточеннымъ огнемъ, который заранѣе осуждалъ на смерть все, осмѣлившееся приблизиться къ великолѣпной твердынѣ. Одна изъ характерныхъ особенностей болгарской арміи: она не любитъ тратить времени на ружейную перестрѣлку. Наши братья вездѣ, гдѣ можно, кидаются «на ножъ, на ножъ, на ножъ!», т. е. въ штыки, и ими сбрасываютъ съ дороги даже сильнѣйшіе ихъ отряды. Разумѣется, это на первыхъ порахъ, пока армія молода и вся кипитъ излишкомъ неудержимой энергіи. Потомъ ей придется оставить драгомировскую манеру по-суворовски называть пулю дурую, а штыкъ — молод-

цомъ. Штыкъ-то, положимъ, молодець, но и пуля за послѣдній вѣкъ тоже очень поумнѣла и давно вышла изъ дурь. Балканскому Пьемонту еще не разъ придется схватиться, можетъ быть, съ сильнѣйшимъ врагомъ на своемъ пути къ освобожденію всего южнаго славянства. И тутъ-то доблестной арміи придется съ нѣскольکو бѣльшимъ уваженіемъ относиться къ поумнѣвшей пулѣ. Съ европейскими арміями ей надо будетъ измѣнить свою тактику. Но на Эски-Полосѣ штыкъ, дѣйствительно, превосходно сдѣлалъ свое. Суворовскіе чудо-богатыри не исполнили бы этого лучше, а скобелевцы 1877 и 1878 годовъ, разумѣется, въ своихъ ученикахъ признали бы равныхъ себѣ бойцовъ. Души римлянъ, витающія надъ старою крѣпостью, если повѣрить мѣстному преданію, — любясь этимъ боемъ, пожалуй, могли бы обмануться, принявъ болгарскія боевыя колонны за свои воскресшіе желѣзные легіоны.

XXXVI.

Турки не выдерживаютъ ночного боя и штыкового удара. Болгары именно такимъ образомъ били ихъ подъ Лозенградомъ. Эти отвѣсы и осыпи болгарская армія брала въ дождь и слякоть, въ предразсвѣтномъ туманѣ и полномъ полумракѣ. Турки, отступая, удержались было на высотахъ Петры. Тамъ у нихъ стояло двадцать орудій. Болгары не только опрокинули врага съ недоступныхъ позицій, но и отняли у него пушки. Мнѣ рассказывали много эпизодовъ этого двухдневнаго сраженія. Я уже говорилъ о добровольцахъ, на свой счетъ снаряженныхъ въ образцовый таборъ на-

слѣдникомъ турецкаго престола. Это были великолѣпно одѣтые красавцы на подборъ; въ числѣ ихъ командировъ оказывались нѣмцы. Въ батальонъ принимались дѣти хорошихъ фамилій, и Константинополь наивно на эту горсточку возлагалъ самыя преувеличенныя надежды, какъ и на унтеръ-офицерскій маленькій, едва ли не трехротный, отрядъ. Болгары на лучшихъ воиновъ набросились съ такою быстротою, натискъ народной арміи былъ такъ неодолимъ и упоренъ, что и тѣ, и другіе избранники молодой Турціи вслѣдъ за своими войсками обратились въ поспѣшное бѣгство на вторую позицію, ближе къ Лозенграду. Другіе турецкіе таборы приняли бой и, останавливаясь на каждомъ шагу, медленно уступали роковые скаты этихъ зубчатыхъ горъ. Ихъ утесы грозною стѣной стояли надъ вторымъ турецкимъ фронтомъ, ущелья и выступы дикаго камня представляли великолѣпныя условія для защиты. Занять эти высоты казалось безуміемъ. Къ тому же ясное съ утра небо затянуло тучами, и скоро пошелъ дождь, сразу сдѣлавшій подступы сюда невѣроятно скользкими. Люди падали, царапаясь въ высоту, подъ горячими залпами опамятовавшихся таборовъ. Но болгары и тутъ почти не стрѣляли. На турокъ производила ошеломляющее впечатлѣніе масса людей, смѣло бросавшаяся снизу на неприступныя выси съ криками: «На ножъ, на ножъ, на ножъ!». Со стороны болгаръ дрались на правомъ и лѣвомъ флангахъ по одной бригадѣ, а въ центрѣ лобовою атакой шла третья. Зная, какъ трудны эти осыпи и скаты, начальникъ арміи бросилъ еще одну бригаду въ обходъ праваго непріятельскаго фланга, черезъ восточный Кадыкійой, прямо на Лозенградъ

(Киркилиссе). Послѣ сплошной битвы перваго дня, 9 октября, турки, съ боемъ отошедшіе на слѣдующую позицію, 10-го все-таки, какъ ни были для нихъ ужасны атаки упорнаго непріятели, удержались здѣсь. Даже подозрѣвая обходъ, они считали его неисполнимымъ. Съ этой стѣны казалось, дорогу болгарамъ преграждали мрачныя вершины Каракая (черные камни), лабиринты утесовъ, каменныхъ грядъ и стѣнъ, воздвигнутыхъ природой. Дѣло народной арміи представлялось настолько потеряннымъ, что командующіе турецкими дивизіями и бригадами преспокойно сидѣли въ прекрасныхъ комнатахъ лозенградскаго офицерскаго собранія. Собирались приступить къ жирному и вкусному пилаву, а потомъ уснуть въ хорошихъ постеляхъ, заранѣе празднующь разгромъ болгарскаго наступленія. Вечеромъ генераль Радко Димитріевъ приказалъ заночевать солдатамъ въ пятистахъ шагахъ отъ непріятели, удерживая ихъ отъ рѣшительнаго штурма. Надо было обходу дать время исполнить задачу. Но мы здѣсь имѣемъ дѣло съ арміей народной, арміей освободительнаго крестоваго похода, арміей, тридцать лѣтъ жившей надеждами на него. Въ ея ложементы доносились голоса турокъ, вся она трепетала и горѣла, — попробуйте остановить стрѣлу въ полетѣ. Это была жажда подвига для той высокой цѣли, которая глубоко понятна уму и дорога сердцу каждаго болгарскаго солдата. Врага — рукой достать. Онъ, исконный тиранъ и мучитель, впереди, и терпѣть его присутствіе на горныхъ вышкахъ надъ собою было почти страданіемъ. Да еще такого врага, ни разу не сумѣвшаго разбить одушевленные батальоны и только оплачивавшаго за позоръ величай-

шими звѣрствами, гнуснѣйшими насиліями, пожарами мирныхъ деревень, истребленіемъ селяковъ, которыхъ онъ сначала заставляетъ рыть рвы, а потомъ разстрѣливаетъ надъ ними. Я думаю, въ этотъ сырой, дождливый вечеръ ни одинъ солдатъ не находилъ себѣ мѣста на непрошенномъ бивакѣ. Хотѣлось добить палача братьевъ, сосчитаться, наконецъ, съ звѣриной силой, съ злодѣями, насилующими дѣтей и тутъ же прирѣзывающими ихъ... Солдаты еще удерживались до пяти утра. Но тутъ уже у нихъ не хватило терпѣнія. Какая-то рота поднялась разомъ, какъ одинъ человекъ, крикнула «урѣ»... Можетъ быть, это бы такъ и погасло, но откуда-то появился турецкій развѣздъ, и по немъ начали въ сторонѣ огонь. И вотъ случилось нѣчто совсѣмъ непредвидѣнное. Вся бригада вдругъ оказалась на ногахъ, по змѣистой линіи ложементовъ прокатился торжествующій, мстительный крикъ. Сами ударили барабанчики атаку. Кровожадный ревъ ея оглушилъ и поднялъ спокойныхъ. Послышались пронзительные сигналы трубъ, и то, чего больше всего боятся турки: «на ножъ, на ножъ, на ножъ!» — грозно, какъ небесные громы, прокатилось по всему этому краю скалъ и безднъ, отвѣсовъ и ущелій, козыхъ тропинокъ, рововъ и острыхъ гребней... «На ножъ, на ножъ, на ножъ!». — Вихремъ охватило турокъ. Они не выдержали перваго удара. Страшныя позиціи были отданы, непріятель съ высотъ опрокинутъ... Обходъ, такимъ образомъ, не исполнилъ своей задачи. Онъ успѣлъ дойти только до развалинъ Демерджи. Не поторопись болгарская атака, пожалуй, мало кому изъ турокъ удалось бы отступить на линію между Бунаръ-Гиссаромъ и Люле-

Бургасомъ. Да и великолѣпнымъ пашамъ не выпало бы на долю счастье зацѣпить на станціи невѣдомо какъ застрявшій тамъ поѣздъ и удрать на немъ по направленію къ Люле-Бургасу, оставляя своихъ солдатъ на произволъ судьбы.

Пока турки искали спасенія въ стремительномъ бѣгствѣ, двѣ роты болгарскія ворвались въ городъ съ юга, нашли обильный складъ турецкаго снаряженія и переодѣлись въ прекрасныя шинели и хаки. Увидѣли оставшійся еще здѣсь турецкій гарнизонъ и открыли по немъ стрѣльбу. Было еще темно. Можно было ожидать слишкомъ большихъ силъ, и эта горсточка солдатъ отодвинулась. Непріятель воспользовался этимъ и добѣжалъ до Кавакли.

11-го ожидали, что турки займутъ южные форты. На этихъ фортахъ можно было еще удержаться и тѣмъ хоть отчасти оправдать аттестацію, выданную Лозенграду Гольцъ-пашой. Но охотники и передовыя линіи болгаръ уже спустились въ виноградники, отъ которыхъ этотъ городъ и получилъ свое названіе. Мало-по-малу подобрались къ высотамъ съ укрѣпленіями. Онѣ молчатъ. Оттуда ни одного голоса. Неужели турки могли оставить эту линію даромъ? Въ первый моментъ думали, что это — хитрость врага. Радко Димитріевъ остановился, но подѣхавшій начальникъ дивизіи объявилъ:

— Я былъ около фортовъ, они заняты очень слабо . . .

Началось опять наступленіе.

Такъ какъ подступы сюда предполагались минированы фугасами, въ атаку бросили цѣпи съ большими интервалами. Шли, шли и остановились

у самыхъ фортовъ. Молчаніе грозныхъ твердынь вовсе не было обманчиво. За ихъ валами — ни души. Турки въ поспѣшномъ бѣгствѣ на Бунаръ-Гиссаръ и Кавакли сюда даже и не заглянули...

XXXVII.

Громадный шестидневный бой и побѣда между Бунаръ-Гиссаромъ и Люле-Бургасомъ, хотя онъ и развернулся на большое пространство, въ смыслѣ маневра далеко не имѣетъ такого значенія, какъ славная побѣда подъ Лозенградомъ. Изумительный походъ болгарскихъ войскъ черезъ невозможные горные валы и кряжи, по сорока и сорока пяти верстъ чуть ли не въ теченіе десяти дней, безъ отдыха и дневокъ, также какъ и весь планъ этого пятидесятичасового сраженія останутся навсегда въ новой военной исторіи одною изъ блестящихъ ея страницъ. Здѣсь болгарская армія помѣрялась съ старшими товарищами въ Европѣ и выдвинулась въ ихъ первый рядъ. Отнынѣ великія могущества должны будутъ считаться за нею. На что уже прерзительная Вѣна, и та быстро перемѣнила фронтъ, заявивъ устами военныхъ писателей и великолѣпныхъ оцѣнщиковъ мѣняющагося положенія, — газетныхъ политическихъ обозрѣвателей, — что съ Болгаріей всего лучше быть въ союзѣ, чѣмъ имѣть этотъ желѣзный кулакъ противъ себя. И, разумѣется, если сазоновская политика у насъ одержитъ верхъ и на пути родного народа мы вздумаемъ ставить рогатки и опускать передъ нимъ шлагбаумы, то Австрія сейчасъ же воспользуется нашей угодливостью передъ Западомъ. Кончится тѣмъ, что балканскій союзъ, извѣрившись въ поддержкѣ вѣч-

но колеблющейся Россіи, бросится въ объятія Вѣны. Та, по крайней мѣрѣ, знаетъ, чего она хочетъ, и умѣетъ добиваться своихъ цѣлей. Обидно здѣсь за наше отечество, обидно потому, что въ вѣчномъ дипломатическомъ менуэтѣ оно раскланивается во всѣ стороны, думая плѣнить міръ своими грасами и улыбками. Нельзя же вѣчно дѣлать ошибки за ошибками. Вѣдь за нихъ платится народъ не только своимъ достоинствомъ, но и всею будущностью. Истинное чудо новѣйшей исторіи, балканскій союзъ, — такая величина, которою пренебрегать не только преступно (политики десятию заповѣдями не стѣсняются), но и глупо. И если нашей дипломатіи похвалы Берлина и Вѣны дороже настоящаго, складывающагося за Дунаемъ могущества, то очень скоро намъ придется раскаиваться въ этомъ.

XXXVIII.

Весь путь отъ Лозенграда — страница, которую написать долженъ былъ бы Данте. Только его мрачный геній могъ бы изобразить этотъ ужасъ, сплошной ужасъ холодныхъ трясинъ, засасывающихъ изуродованные трупы. Какія-то странная выпуклины въ липкой грязи. Вглядитесь въ нихъ, — и вы различите подъ нею черты искаженныхъ лицъ, разбитые черепа, застывшія въ мучительной судорогѣ руки, оскаленные зубы, ноги, подвернувшіяся такъ, точно подъ ихъ посинѣвшей кожей нѣтъ костей, а одна вата. Или вонъ пятно изъ трясины. Проѣзжаете мимо, — и вдругъ въ немъ обрисовывается глядящее на васъ остановившимися глазами зеленое лицо. Собака, поджимая хвостъ, пугливо и подло отбѣгаетъ прочь. Голод-

ный песь изъ сожженныхъ деревень только что рвалъ человѣчину, лакомился ею. И опять чернымъ демономъ мерещится воронъ, сѣвшій и впившійся желѣзными когтями въ выпяченную грудь и всматривающійся въ мертвые глаза прежде, чѣмъ вырвать ихъ ударами безошаднаго клюва. И палыя, и убитыя лошади, и по обѣ стороны пути десятки тысячъ шрапнелей съ мѣтками «Дюссельдорфъ», «Эссенъ»... Вонъ посреди этого пути прямо въ васъ смотритъ стальною пастью пулеметь. Онъ брошень съ сотнями снарядныхъ ящичковъ. А вдали, подѣ-стать этому введенію въ царство отчаянія и злобы, горять села и города, и воображеніе невольно подсказываетъ ужасныя сцены, совершающіяся въ дыму, въ багровыхъ пятнахъ огня. Да, бѣгущіе трусы ужасны въ мстительной жестокости. Они свое малодушіе вымещаютъ на неповинныхъ безоружныхъ работникахъ этихъ полей, на вѣчномъ отвѣтчикѣ за все и про все, — несчастной райѣ. Не понимаю одного: что это за непонятное превращеніе? Возьмите турокъ въ Болгаріи, они — преданные подданные, безотвѣтные исполнители ея законовъ. Еще недавно шумлинскіе и другіе турки здѣсь были очень обижены предупредительными мѣрами, которыя, въ виду войны, хотѣло принять правительство. «Развѣ мы заслужили такое недовѣріе? Въ чемъ власть и сосѣди-христіане могутъ упрекнуть насъ?». И вдругъ тѣ же селяки, только молящіеся въ мечетяхъ, оказываются шакалами и гіенами. Нѣтъ, хуже шакаловъ и гіенъ! Тѣ кормятся падалью и разрываютъ могилы, а эти сами обращаютъ въ сплошное кладбище прекрасную страну, которой небо все дало для счастья, а азіатская орда обратила ее въ

мѣсто отчаянія и скорби. И какая ненависть вдругъ просыпается въ мягкомъ еще вчера сердцѣ этого номада, выброшеннаго въ дунайскую равнину и балканскіе райскіе уголки далекими пустынями старой Азіи. Вѣдь, случай съ докторомъ — не исключительный. Болгарскій хирургъ оставилъ раненыхъ и прежде всего подошелъ къ турку. Промылъ ему раны, забинтовалъ ихъ, мягко и ласково утѣшалъ его. Говорилъ: «Еще немного, и ты вернешься въ родную семью. Тебѣ у насъ будетъ хорошо. Мы бережемъ, не обижаемъ плѣнныхъ, чтимъ ихъ несчастье и, чисто уже по-мусульмански: «приговоръ судьбы» — кысметъ, и только что отошелъ къ слѣдующему, какъ перевязанный схватилъ ружье и убилъ врача наповалъ. Вѣдь, они не могутъ признать во врагѣ иныхъ чувствъ, кромѣ ненависти. Двоихъ плѣнныхъ офицеровъ привели въ ресторанъ въ Старой Загорѣ. Напоили ихъ, накормили. Болгары, привѣчавшіе ихъ, заговорили между собою. И что же слышитъ рядомъ сосѣдъ, знавшій турецкій языкъ? Думая, что ихъ никто не понимаетъ, одинъ плѣнный говоритъ другому:

— Вотъ какія это свиньи (донгузь!). Сейчасъ они насъ кормятъ... А смеркнется, и когда мы останемся одни, ихъ стража придетъ и перерѣжетъ насъ...

XXXIX.

Въ этомъ бою было много удивительныхъ подвиговъ, рисующихъ болгарскаго солдата настоящимъ витяземъ. Вѣдь и наши кievскіе богатыри ходили въ лаптяхъ, а это стоитъ болгарскихъ опанокъ. Тутъ всѣ другъ за друга. Офицеровъ заслоняютъ своей грудью. «Ты нужнѣ!». Идетъ

бой... Обозники варятъ пищу и играютъ печальныя пѣсни на горной волынкѣ. Вдругъ показываются раненые. Это такъ дѣйствуетъ на пѣвцовъ, что они хватаются за оглобли, за все, что у нихъ оказалось подъ руками, и бѣгомъ въ гору на турокъ. Солдатъ одного полка (назвать полкъ не позволяетъ болгарская военная цензура) идетъ, едва-едва переступая, раненый. Навстрѣчу полковникъ. Солдатъ къ нему:

— Гдѣ *** полкъ?

— Зачѣмъ тебѣ?

— Это — мой... Я *** роты.

— Тамъ-то. Только зачѣмъ ты идешь туда? Ты раненъ. Ступай на перевязочный пунктъ.

— Нѣтъ, я долженъ догнать своихъ. Я самъ себя ранилъ въ руку. Хотѣлъ перепрыгнуть ровъ, опираясь на ружье. Задѣлъ его, оно выстрѣлило, и вотъ... Доктора говорятъ: тебя надо эвакуировать... А мнѣ слѣдуетъ умереть... быть убитымъ. Вѣдь, никто не повѣритъ, что я это сдѣлалъ нечаянно.

— Куда ты? — останавливалъ докторъ уже перевязаннаго.

— Въ роту.

— Зачѣмъ?

— Она еще въ бою. Руки у меня цѣлы. Могу стрѣлять. А сейчасъ у насъ каждое ружье на' счету.

Хотятъ поднять солдата въ ложементахъ. Ему пуля пробила грудь навзлетъ... Онъ отбивается всѣми силами.

— Лежать могу. А тутъ, вѣдь, стрѣляютъ лежа, и я, значить, нуженъ.

Другого несутъ на перевязочный пунктъ.

— Братья, милые! — молить онъ. — У меня

никого близкаго. Ни матери, ни жены. Я одинъ. Мнѣ легко умереть. Бросьте меня здѣсь. Вѣдь, изъ-за меня у роты отнято два такихъ, какъ вы, солдата. Идите скорѣе назадъ. Ишь, слышите наше «ура!»; сейчасъ будетъ «на ножъ!», а вы не тамъ, а здѣсь, никому не нужны . . .

Трогательна любовь болгарскихъ солдатъ къ пушкамъ. Она напоминаетъ инья времена у насъ, — нашихъ кавказскихъ героевъ. Здѣсь солдаты считаютъ пушку за что-то живое, глядятъ ее, ласкаютъ, цѣлуютъ, даютъ ей нѣжныя имена.

— Отчего вы идете непременно «на ножъ»?

— Турецкія ружья бьютъ дальше. Такъ мы лучше непріятеля штыкомъ возьмемъ.

Дѣйствительно, турецкія пули на 800 шаговъ летятъ прямо, безъ траекторіи, а болгарскія съ 400 шаговъ дѣлаютъ уже ее. И настильность маузеровъ куда выше такой же Манлихера.

И, вѣдь, отъ селяка-воина подымайтесь вверхъ этой простой, но прочно и здорово складывающейся жизни, — вы вездѣ и во всемъ здѣсь увидите одно и то же. Депутатъ болгарскаго народнаго собранія Ченковъ, человекъ далеко не богатый, явился не только самъ въ армію, — вѣдь, какъ выборный, онъ свободенъ отъ всякой воинской повинности, — но собралъ и привелъ съ собою двѣ тысячи повозокъ съ лошадьми. Организовалъ онъ это превосходно. Гдѣ не хватало, онъ обозныхъ замѣнилъ женщинами. Вмѣстѣ съ нимъ въ качествѣ добровольцевъ двѣсти студентовъ. До боевыхъ позицій они завѣдывали транспортомъ; дойдя до нихъ, пошли въ бой. Бывшіе и будущіе министры здѣсь въ солдатскихъ шинеляхъ. Взводный одного изъ полковъ — профессоръ Молловъ,

сынъ министра и самъ министръ. У генерала Кутинцева ординарцемъ Геннадіевъ, послѣ войны министръ-президентъ, а его братъ явился со своимъ автомобилемъ и его, и себя, какъ шоффера, отдалъ въ распоряженіе арміи.

XL.

Вездѣ и во всемъ то же. Когда нѣтъ приказаній, люди на свой страхъ дѣлаютъ все, что могутъ. Я думаю, нигдѣ инициатива не развита такъ, какъ здѣсь. Одинъ ѣдетъ и захватываетъ турецкія пушки, другой снимаетъ съ позиціи цѣлыя роты непріятеля, озадаченного смѣлымъ и неожиданнымъ появленіемъ болгарскаго разъѣзда. Третій съ такимъ же разъѣздомъ беретъ городъ (Мидія, Демотика), и встрѣченный турецкій отрядъ, подымая руки вверхъ, кричитъ: «теслимъ!» — сдаемъ. Послѣ Лозенграда, двѣнадцатаго, утромъ, отличился ротмистръ Кабачіевъ, — лихой малый, типъ нашихъ казачковъ-партизановъ Отечественной войны. Ему дали порученіе увезти турецкія орудія, которыя, по слухамъ, находились въ трехъ или четырехъ верстахъ отъ аванпостовъ впереди. Они оказались за 36 километровъ, тамъ, гдѣ рѣчонка Монастырь-Дере пересѣкаетъ шоссе. Положеніе этотъ молодецъ нашель такимъ: у орудій турецкій постъ съ офицеромъ. Онъ ихъ сейчасъ же снялъ. Вдали, верстахъ въ пяти, турецкая пѣхота довольно значительнаго отряда. Кабачіевъ говоритъ: «пускай турецкая, а я не вѣрю». Орудія запрягъ, послалъ въ свою часть, а самъ съ своими всадниками, — горсточкою, — приблизился къ непріятелю, слѣшилъ, залегъ на хорошо выбранной высотѣ и

открылъ огонь. Турки были озадачены. Такой отваги никто не ожидалъ. Цѣпи охраненія, стоявшія передъ Іенно, отступали. За ними собранные для наступленія на Лозенградъ полки, видя своихъ бѣгущими, подались назадъ, свернулись въ походныя колонны и тоже направились прочь отсюда. Турки и представить себѣ не могли, что имѣютъ дѣло съ кавалерійскимъ разъѣздомъ, а не съ авангардомъ значительнаго отряда. Поручикъ Бильдеровъ, воспитанникъ русскаго кадетскаго корпуса и потомъ елисаветградскаго военнаго училища, самостоятельно предпринялъ разъѣздъ изъ Селіолу въ Баба-Эски. Смѣлымъ рейдомъ подошелъ къ станціи желѣзной дороги. Тамъ творилось нѣчто до-нельзя суматошное. Весь персоналъ служащихъ, отъ начальника станціи до стрѣлочника, заперся, угрожаемый тридцатью ранеными турками, сумѣвшими терроризовать этихъ храбрыхъ малыхъ. Къ тому времени, какъ Бильдеровъ явился съ своими всадниками къ станціи, подошелъ большой поѣздъ съ взрывчатыми снарядами взять этихъ служащихъ. Разумѣется, въ вагонахъ и на платформахъ было прикрытіе. Болгарскій офицеръ, долго не думая, поставилъ своего всадника съ карабиномъ на машину и направилъ этотъ поѣздъ во взятое уже Киркилиссе (Лозенградъ), а самъ бросился съ разъѣздомъ дальше оканчивать задуманную имъ рекогносцировку. По пути беретъ еще поѣздъ съ хлѣбомъ («кстати, мы были очень голодны!») и его туда же.

Армія сознательная, всосавшая въ себя всю интеллигенцію своего народа и сама ставшая наравнѣ съ нею. Армія, гдѣ всѣ думаютъ и обдумываютъ, гдѣ не ждутъ приказаній, а умѣютъ использовать

каждое обстоятельство, всякую минуту, которая объщаетъ успѣхъ надъ непріателемъ. Вотъ, на примѣръ, батальонъ, потерявшій офицеровъ.

— Дѣти, какъ же вы обойдетесь? — спрашиваетъ ихъ Радко Димитріевъ.

— Найдемся.

И нашлись. Дрались превосходно, гнали непріателя по всему пути, не давая ему опомниться. Умѣли учесть всѣ выгоды пересѣченной мѣстности, направляли его на бѣгу туда, гдѣ онъ долженъ былъ понести... Вообще справились отлично съ тактической задачей собственными силами.

XLI.

Простотѣ превосходной арміи соотвѣтствуетъ удивительная простота команды, штабовъ. Я думаю, въ побѣдоносныхъ войскахъ Жижки было все такъ же, какъ и здѣсь. Мнѣ на каждомъ шагу вспоминался этотъ великій чешскій полководецъ съ его несокрушимыми солдатами изъ народа или, лучше, съ его народомъ, вышедшимъ на боевыя поля... Вотъ, на примѣръ, генераль Радко Димитріевъ, уже одержавшій двѣ большія побѣды. Я его встрѣтилъ на бивакѣ въ Іенно. Ранѣе я слышалъ, что болгары находятъ въ этомъ своемъ любимцѣ большое наружное сходство съ Наполеономъ. И дѣйствительно, передо мною была та же фигура — прочная, крѣпкая, малорослая, тѣ же рѣшительныя движенія, только изъ-подъ нависшихъ черныхъ бровей ярко сверкали молодые пронизывающіе глаза. Болгарскій Скобелевъ производитъ сильное впечатлѣніе своей простотой. Ни-

какого расчета на эффектъ, на боевую позу, на показъ для моментальнаго снимка. Онъ весь въ заботѣ, въ тяжкихъ, выпавшихъ ему на долю, задачахъ. Менѣе всего онъ желаетъ быть картиненъ, и въ этомъ его несходство съ нашимъ легендарнымъ богатыремъ. Онъ такъ же спокоенъ, простъ и ровенъ въ огнѣ, куда часто идетъ, забывая, что на немъ лежитъ судьба арміи. Я бы сказалъ: пламенный духъ Скобелева, его умѣніе видѣть и угадывать бой по ничтожнымъ признакамъ, его неутомимость и вдумчивость — въ скромной оболочкѣ Радецкаго. Это чисто болгарскій типъ, демократическій, какъ его штабъ и какъ его офицеры и солдаты. Повторяю, никогда мнѣ такъ настойчиво не приходило въ голову сравненіе генерала и его солдатъ съ Жижкой и его полчищами. Только болгарская армія, бѣдная, обходящаяся ничтожными средствами, отказывающая ради побѣды себѣ во всемъ, иногда голодающая, умѣетъ пользоваться всей техникой сегодняшнихъ открытій, всѣмъ, что даютъ ея офицерамъ наука и военное искусство. Какъ Радко Димитріевъ, такъ и большинство его офицеровъ — воспитанники нашихъ корпусовъ, военныхъ училищъ, академій... Отчего у насъ они выходятъ иными и мало напоминаютъ суровый, простой и строгій обликъ болгарской арміи? Дѣло въ томъ, что они здѣсь возвращаются въ строй простыми работниками, а не бѣлой костью, не преторіанцами, дальнѣйшая карьера которыхъ опредѣляется не личными способностями и заслугами, а единственнымъ только присутствіемъ бѣлой птицы на правой сторонѣ груди.

Какъ простъ генералъ, такъ же простъ и демократиченъ его штабъ. Отъ начальника полков-

ника Жостова — изъ Вѣнской академіи, и его помощниковъ, отъ командующаго артиллеріей Гангилова до младшихъ. Вотъ настоящіе работники, дѣлящіе съ солдатомъ скудость и простоту его обстановки. Та же сплошная страда, ночевки въ турецкихъ лачугахъ, при чемъ мы, напримѣръ, еще спимъ, а они вѣчно въ кипяткѣ рапортовъ, донесеній, распоряженій. Я ихъ сравнивалъ съ нашими блестящими штабами, — какая разница и, — увы! — далеко не въ нашу пользу! Одна проволока соединяетъ ихъ съ другими арміями и главною квартирой. Служитъ она исключительно военнымъ цѣлямъ, поэтому намъ и не приходится вовсе посылать своихъ телеграммъ. Зато воображаю, какіе громы и молніи сыплются на наши головы въ Петербургѣ и Москвѣ. Вѣдь, застрявшіе въ Старой Загорѣ и Мустафа-пашѣ корреспонденты ежедневно даютъ и принимаютъ бои, сообщая о нихъ своимъ редакціямъ и по проволокамъ, и по почтѣ. Мы пишемъ о томъ, что было дѣйствительно, и всякія фантастическія, хотя и красочныя, сказки считали бы преступленіемъ въ эту великую народную войну, гдѣ славянскій югъ вышелъ Давидомъ въ поле на своего шестисотлѣтняго великана-палача Голиаѳа. На другой день по паденіи Лозенграда въ «*Matin*» появилась уже громадная, тысячи въ двѣ словъ, телеграмма, посланная, якобы, со словъ «македонскаго (!?) офицера, пріѣхавшаго изъ Лозенграда». Не напоминаетъ ли вамъ это «*une andalouse*» на улицахъ Барселоны Мюссе? Какъ македонецъ попалъ туда? Но еще интереснѣе, на какомъ аэропланѣ или коврѣ-самолетѣ онъ сдѣлалъ этотъ путь, требующій отъ хорошаго всадника пяти дней, по крайней мѣрѣ?

Насъ въ третьей арміи генерала Радко Димитріева трое: полковникъ Дрейеръ («Новое Время»), капитанъ Мамонтовъ («Утро Россіи») и я. Мы каждый день мѣняемъ дневки. Приходимъ, одолѣвъ турецкія трясины, въ мусульманскія оставленныя деревни и садимся за работу усталые, измученные. Слава Богу и болгарамъ, не голодные, потому что офицерская столовая насъ кормить, просто, какъ кормится и вся армія. Солдатскій столъ, съ чашкою турецкаго кофе въ видѣ роскоши. Отъ командующаго арміи до послѣдняго обознаго всѣ ѣдятъ одно и то же. И дешево. Мы платимъ въ офицерскую столовую по три франка въ день. Но вѣдь кончить работу — не значитъ еще отправить ее. Это не Старая Загора и не Мустафа-паша съ ежедневной почтой и желѣзными дорогами. Письма и телеграммы посылаютъ съ оказіей. Маленькая Болгарія, все принеся въ жертву великой войнѣ, не могла да и не должна была заботиться о корреспондентахъ. У нея, прежде всего, нѣтъ средствъ на это. На-дняхъ, потерявъ надежду отправить депеши, мы наняли и отослали съ ними курьера въ Бургасъ, гдѣ онъ найдетъ, наконецъ, почту и телеграфъ. На это ему понадобится четыре дня. И вотъ до слѣдующей оказіи мы опять сидимъ и ждемъ у моря погоды. Впрочемъ, не сидимъ, а несемъ тоже настоящую службу обществу. Въ пять-шесть часовъ надо подняться, уложить все свое для обоза, наскоро съѣсть хлѣбъ и затѣмъ въ сѣдло, — и мѣси до вечера копытами коней холодную и подъ дождемъ раскисшую турецкую трясину. Доберешься до деревни или городка. Путаешься въ его грязныхъ рвахъ, играющихъ роль улицъ, падаешь въ воню-

чье мѣсиво изъ отбросовъ падали и труповъ и, наконецъ, добираешься до какого-нибудь крова. Большаго требовать нельзя. Тутъ, по крайней мѣрѣ, сухо. Сядешь и простуженными, окоченѣвшими пальцами скорѣе за карандашъ...

Свое дѣло сдѣлали, но когда его увидить читатель? Машаллахъ! Богъ великъ, — все въ Его волѣ. Можетъ быть, и никогда!..

А изъ главной квартиры сыплются, какъ изъ рога изобилія, картины неслучавшихся никогда боевыхъ эпизодовъ, самыхъ битвъ, походовъ... Они каждый день преподносятся редакціямъ какъ вкусныя сенсаціонныя блюда. Наши телеграммы, какъ, на примѣръ, изъ Лозенграда, часто отправлялись на волахъ, а почта за нѣсколько дней оставалась въ собственныхъ карманахъ. Пую изъ «Temps», правдивый и талантливый корреспондентъ, говорилъ мнѣ:

— Не вините моего коллегу изъ «Matin». Я пишу о томъ, что вижу. Это — мое право, и я отъ него не отступлю. Ему же, бѣднягѣ, редакція поставила въ условіе или посылать большія депеши въ нѣсколько тысячъ словъ, или убираться на всѣ четыре стороны.

Мы хотѣли было даже отправить въ Мидію, куда заходятъ, случается, и русскіе пароходы, нашего «стражара» съ телеграммами и статьями, но вслѣдствіе военного времени въ этотъ только что взятый болгарами турецкій приморскій городъ ни одно судно не явится. Значить, и тутъ кругомъ вода!

Зубами кочерги не перегрызешь. Сиди терпѣливо и обнаруживай твердость въ бѣдствіяхъ.

XLII.

Приходится то и дѣло забѣгать впередъ и возвращаться къ прерванному разсказу. Въ одной изъ слѣдующихъ главъ я опишу самый бунаръ-гиссарскій бой со всѣми его поразительными подробностями. Бой, гдѣ Турціи нанесенъ второй смертельный ударъ. Бой, изъ котораго расстрепанной безпорядочной арміей она израненнымъ звѣремъ бѣжала на форты грозной Чаталджи, оставляя по всему пути кровавый слѣдъ. Я только вчера сдѣлалъ эту ужасную дорогу и боюсь, чтобы новыя событія не стерли ее изъ моей памяти съ истинно-кинематографической быстротой. Не услѣдишь за ними и даже не зарѣсешь всѣ въ свою памятную книгу. Изъ Визы въ Серай мы выѣхали утромъ. Накрапывалъ дождь, небо въ сѣрыхъ тонахъ, топь внизу, и изрѣдка легкой вѣтерокъ, уже вѣющей въ ноябрѣ тепломъ и нѣжною лаской Босфора. Вѣдь, мы теперь отъ южныхъ береговъ Чернаго моря недалеко. Двадцать дней войны картины этого военного кинематографа смѣнялись такъ быстро, что мы всю Болгарію сдѣлали въ сдѣлѣ, и, оглядываясь сейчасъ, я даже не понимаю, какъ случилась эта сказка изумительнѣйшаго боевого похода... А вчера, дѣйствительно, на пути, по которому опрометью бѣжала турецкая армія, мы видѣли такой, воплотившійся въ опредѣленные образы, кошмаръ, до котораго не додуматься даже самому «поэту ужаса» Эверсу. Я помню Плевну. Только тамъ, въ подступахъ къ турецкимъ редутамъ, мы встрѣчали нѣчто подобное.

Отъ Визы пока до Серая. Дальше идетъ то же,

и мы проѣдемъ завтра мимо новыхъ картинъ изнанки войны, съ которой безпощадная дѣйствительность смыла всѣ ея яркія краски. Сплошное море слякоти, и въ ней, засосанные ею и кажушіеся выльпленными изъ грязи, трупы. Изрѣдка торчитъ наружу рука, сжатая точно для угрозы, или безсильно выпятилась голая грудь, точно у нея нѣтъ ничего больше, — ни шеи, ни головы, ни ногъ. Вонъ, точно изъ чаши съ грязью, торчитъ лицо съ голубыми глазами... Оно только и видно, потому что затылокъ снесенъ прочь осколкомъ гранаты... А то выступили изъ сѣрой скользкой массы, жидкой и стоялой, какъ гной, пальцы голой ступни, и по нимъ только догадываешься, что глубже, внизу, засосано этою пятою стихіей Турчины все тѣло убитаго... Лошадь, храпя, кидается въ сторону... Еще бы, поперекъ пути раскинулся и точно спить красавецъ-арабъ, должно быть изъ Аравіи или Дамасскаго вилайета. Вонъ другой арабъ. Около рѣчонка; онъ припаль къ ней и пьетъ. Пьетъ день, два, недѣлю. Будетъ пить, пока не найдутся у побѣдоносной Болгаріи свободныя руки, чтобы похоронить всѣхъ этихъ безмолвныхъ и недвижныхъ свидѣтелей испытаннаго здѣсь великаго горя. Приговоры исторіи не допускаютъ смягченій или отмѣнъ. Варварская Турція должна была расплатиться за замученныя ею и воскресающія теперь славянскія племена. Но мы, наблюдатели ея ужасной агоніи, признавая всю справедливость такой казни, не можемъ безъ трепета видѣть сплошного лобнаго мѣста. Разумѣется, наши сожалѣнія нѣсколько умѣряются зрѣлищемъ того, что совершенно наканунѣ самой казни этими, такъ глубоко засосанными трясиною, мертвецами. По

сторонамъ высоко, какъ жертвенный дымъ, клубятся пожарища. Горятъ деревни, и за сизою завѣсой ихъ прячутся такія сцены невѣроятной, злодѣйской, подлой жестокости надъ женщинами, стариками и дѣтьми, что въ душѣ замираетъ печаль, и начинаешь уже спокойно смотрѣть на все, что встрѣчается по *via dolorosa* турецкой арміи. Распухшіе и сжавшіеся, какъ картонъ, раздробленные и раскроенные кони тоже торчатъ изъ грязи, тоже совсѣмъ заслоены ею. Вотъ къ одному прислонился старикъ-турокъ и точно заснулъ, и вѣтерокъ треплетъ его сѣдую бороденку. Движеніе на окостенѣвшемъ лицѣ. Слѣдъ жизни на маскѣ смерти. Еще и еще. Вонъ трупы, уже по нѣскольку вмѣстѣ. Голова къ головѣ, ноги врозь, точно они нарочно легли и заснули здѣсь, въ мягкой слякоти, какъ въ пуховомъ ложѣ. У одного отдѣльно изъ нея выступилъ затылокъ. Я его принялъ было за камень, если бы въ темной массѣ не очерчивались смутно, неясно линіи плечъ. А тутъ неподалеку лежитъ . . . Какое сильное, богатырское тѣло! Сколько потратила на него природа творчества, чтобы этакій монументъ нагнала пуля и бросила его въ жидкую кашу вонючаго гноя. Тѣло, но вмѣсто головы что-то безформенное, красная яма. Лошадь нечаянно ударила въ него, вѣрно, могучимъ кованымъ копытомъ и выбила глаза, раздробила носъ, раскроила ротъ. Рты, всмотритесь въ нихъ, что за здоровая раса. Кто это говорилъ, что о мощи ея надо судить по зубамъ? Тутъ изъ слякоти торчатъ то и дѣло раскрытые рты съ такимъ ослѣпительно бѣлымъ оскаломъ. Вотъ бы дантисту на выставку. Турецкій офицеръ около. Одно плечо засосала трясина, другое, съ окраен-

нымъ золотомъ погономъ, приподнялось. Черный глазъ изъ-подъ великолѣпной, — хоть сейчасъ въ картину, — брови смотритъ на васъ пристально, точно допрашивается: «Что со мною, и почему я, такой молодой, сильный, красивый, лежу здѣсь и не могу подняться? Вѣдь, меня ждутъ дома мать, жена, сестры». Гордый профиль. Гдѣ-нибудь въ далекомъ Моссулѣ (тамъ много такихъ!) у него есть подъ трепетнымъ вѣнцомъ пальмы уголокъ, весь въ цвѣтахъ маленькаго сада у звонко бѣгущаго ручья. Плоская кровля домика. Тщетно онъ будетъ ждать хозяина въ свою тишину и покой. Около брошена сабля. Смерть вышибла ее у него изъ рукъ. Телѣги, разбитыя колеса, зарядные ящики, и опять тысячи, десятки тысячъ шрапнелей. Сколько ихъ тутъ! На два, на три генеральныхъ сраженія хватить. И надѣлила же ими Германія бѣдную, но умѣвшую дорого платить за этотъ, оказавшійся ей ненужнымъ, хламъ Турцію. Какъ голова этого мертвеца могла попасть въ колесо? Торчитъ изъ него, точно онъ забрался туда нарочно, и дразнить насъ своей на-вѣчность застывшей улыбкой. Щегольскій кабриолетъ оттуда рукой подать... Онъ какъ попалъ сюда? Въ эту трясиину? Автомобиль зарылся носомъ въ грязь, точно онъ выросъ изъ нея чернымъ кузовомъ. На немъ... Нѣтъ, какъ я жалѣлъ, что со мною нѣтъ фотографическаго аппарата. Вѣдь, это нѣчто не поддающееся. Четыре пассажира. Они разметались во всѣ стороны, оставаясь сидѣть въ своей погребальной колесницѣ. Одинъ наклонился и будто пробуетъ что-то поднять; другой взбросилъ руки, откинулся и смотритъ въ небо, словно оно въ эту минуту показало ему что-то грозное, неотвратимое, и онъ

такъ и не можетъ отъ неожиданнаго призрака отвѣсти испуганные глаза. Потомъ мнѣ говорили, что въ этомъ моторѣ оказались въ солдатскихъ шинеляхъ убитыя жены турецкихъ пашей, вмѣстѣ съ арміей бѣжавшія изъ Киркилиссе. Подъ сѣрымъ сукномъ — шитыя золотомъ куртки, бархатные шальвары. Глупые осколки чугуна не знаютъ кого они укладываютъ въ трясины, вмѣстѣ съ обреченнымъ къ смерти воиномъ! Мертвый автомобиль надолго останется въ моихъ впечатлѣніяхъ одною изъ ужаснѣйшихъ видѣнныхъ мною картинъ, а такихъ, вѣдь, встрѣчалось мнѣ не мало. Что вонъ тотъ молодой, стройный, тонкій, какъ лозинка, турокъ ловить закинутыми впередъ руками въ сякоти? Не убѣгающую ли отъ него жизнь? У оставленнаго разбитаго воза сидитъ низамъ, прислонившись къ колесу головою. Вонъ на нѣсколькихъ такихъ же возахъ лежатъ убитые. Почти мальчикъ хочетъ скинуться съ него или остановить колесо, — онъ такъ и закостенѣлъ въ этомъ странномъ положеніи... Его товарищъ зажалъ себѣ ротъ, будто задерживая послѣднее, улетающее отъ него дыханіе, а вонъ дальше — трое гнались другъ за другомъ и, поскользнувшись, упали и тянутся каждый къ ближайшему къ нему, чтобы схватить его за ноги... Вотъ настоящая трагика адскаго юмора! Такихъ рисунковъ не придумывала даже мрачная фантазія Гойи.

И опять тихая рѣченка, и въ ней поперекъ трупы и трупы. Усталый болгарскій солдатъ зачерпываетъ изъ-подъ нихъ воду и... преспокойно пьетъ эту отраву... Потомъ я расскажу, къ чему привела третью армію такая удивительная «простота».

Сослѣпу бѣжавшая армія не могла защищаться и по всему простору раскидала отсталыхъ. Мы, вѣдь, видѣли только тѣхъ, что лежатъ по самому пути. Но они уходили на громадномъ пространствѣ, и теперь надъ всѣми этими тряси-нами, мокрыми полями и унылыми лощинами стоитъ вонь тлѣющихъ труповъ... Говорятъ, часть ихъ наложена самими турками. Въ утреннемъ туманѣ, въ вечернемъ сумракѣ не разберешь, кто за тобой. Самъ ли бѣжить, или тебя гонить. Обращивались и били братьевъ. Обычныя печальныя детали боевой неразберихи. Вѣдь, многіе, получивъ рану въ грудь, упали впередъ. Такія наносятся не сзади, преслѣдующими, а спереди, своими же, ополоумѣвшими отъ ужаса. Человѣческое стадо, — какъ оно жестоко въ удачѣ и отвратительно въ малодушіи! Какъ ненавидишь войну за ея дрянными кулисами. Холодѣешь отъ отчаянія, видя эту подкладку боевой легенды. Будь она проклята и вѣчная анаѣема вызывающимъ ее пала-чамъ...

XLIII.

Разсказываютъ много объ оторопи, охватившей турецкую армію въ ея побѣгѣ съ горныхъ высей Лозенграда. Картину, которую я вамъ далъ въ прошлой главѣ о дорогѣ, по которой безъ оглядки стремились таборы низама послѣ пятидневнаго боя подъ Бунаръ-Гиссаромъ — Люле-Бургасомъ, вы найдете и здѣсь. Въ трагедіи гибели цѣлаго народа какъ-то не хочется упоминать о смѣшныхъ подробностяхъ опереточнаго характера. Это является диссонансомъ. Все равно, если бы въ Requiem Моцарта вдругъ ворвалась пошлѣйшая шансонет-

ка. Болгарамъ пришлось выживать непріятельскихъ офицеровъ, переодѣтыхъ въ женское платье, изъ закоулковъ турецкихъ кварталовъ, нарушая поневолѣ священныя тайны мусульманскихъ гаремовъ. Смѣются надъ почтеннымъ толстымъ майоромъ, который, изображая собою больную ханумъ, никакъ не желалъ доказать признаки своего пола и чуть зубами не держался за одѣяло. Другого сняли съ чердака, гдѣ въ углу онъ сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги, какъ курица на яйцахъ, совершенно голый, на своемъ мундирѣ. Онъ для сходства съ этою высокоуважаемой хозяйственной птицей даже заклохталъ со страха, воображая, что его сейчасъ же прирѣжутъ. Когда его взяли и накормили, онъ разомъ воспрянулъ душой. — «Только-то? Если бы я зналъ заранѣе, не дрался бы съ ними». — Многие изъ «бимъ-башей» тоже разыгрывали роли очаровательныхъ одалисокъ, и, только отвертывая ихъ покрывала, болгарскіе развѣдчики могли въ достаточной мѣрѣ оцѣнить богатскіе усы своихъ противниковъ. Одного вынули изъ тѣста. Онъ влѣзъ въ квашню и наружу оставилъ только носъ для дыханія. Всѣ они были очень сконфужены и только присѣдали и прикладывали руки къ сердцу и лбу, знаменуя покорность при обращеніи въ первобытное состояніе. Снимали ихъ, какъ птицъ изъ гнѣздъ, съ минаретовъ, дорывались въ гудахъ кукурузы, въ ворохахъ самана (соломы), въ конюшняхъ, откуда вывели давно коней, въ массѣ навоза. Настоящія дѣти «сожженныхъ отцовъ», какъ они ругаются между собой. Но никто лучшаго не придумалъ, какъ одинъ изъ нихъ, притворившійся «дели» (сумасшедшимъ) и сразу выздоровѣвшій, когда послѣ обильной кор-

межки понялъ, что никто его здѣсь убивать не собирается. Вся эта армія, впрочемъ, мало дала такихъ экземпляровъ. Большинство ея хорошо, очень хорошо дралось, и если было разбито, что называется, и въ хвостъ, и въ голову, такъ это потому, что ему пришлось схватиться съ такой арміей, какъ болгарская, — схватиться, да еще безъ офицеровъ, мирно и сладко ѣвшихъ и почивавшихъ въ Лозенградѣ. Она сама, впрочемъ, понимаетъ это и ссылается на невозможность держаться безъ команды противъ хорошо управляемыхъ дивизій балканскаго крестоваго похода.

XLIV.

Бунаръ-гиссаръ-люле-бургасскій бой. Пятидневное генеральное сраженіе, выигранное Радко Димитріевымъ. Я уже говорилъ: будь у него кавалерія, едва ли до этихъ сильныхъ позицій могла бы добѣжать разбитая подъ Лозенградомъ армія. Во всякомъ случаѣ, добрая половина ея досталась бы въ руки побѣдителей. Турки въ слѣпомъ страхѣ почерпнули ту быстроту, которая до сихъ поръ ихъ вовсе не отличала. Мы знаемъ, какъ они уходили съ воздушныхъ гнѣздъ Киркилиссе, сѣя по пути убитыхъ, умирающихъ. За ними въ безнадежномъ отчаяніи ползли, — плачевный послѣдъ разбитой арміи, — раненые, захлебываясь слякотью трясинъ, скатываясь внизъ, дробя изорванныя тѣла о встрѣчные камни и припадая въ лощинахъ къ землѣ, чтобы больше ужъ отъ нея не отрываться. Все годилось для этого. Проѣзжая по влажнымъ бездорожьямъ и видя груды сброшенныхъ въ болотину снарядовъ,

я понималъ, что турки опрастывали зарядные ящики, чтобы състь на нихъ самимъ. Какъ бы то ни было, но, минуя Иенно, Османджикъ, Кулиба, они все-таки добрались до длинной защитной линіи Бунаръ-Гиссаръ — Люле-Бургасъ. По пути они сожгли всѣ селенія и истребили ихъ жителей. Айвалы въ этомъ отношеніи — только одно изъ многихъ стертыхъ ими съ лица земли цвѣтущихъ христіанскихъ урочищъ. Линія, по которой они заняли склоны горъ, спускающихся на сѣверо-западъ, откуда шла на нихъ болгарская армія, тянется на 36 верстъ и перерѣзывается глубокими рвами. Нѣсколько рѣчекъ текутъ здѣсь, окраивая подножія возвышенностей. Упираясь въ дефиле за Бунаръ-Гиссаромъ на сѣверѣ, она на югѣ доходитъ до Моселима, на желѣзной дорогѣ, которая тоже вьется у горъ. Центральною позиціей на этомъ оборонительномъ фронтѣ является Караагачъ, — большое село по прямой отъ Кулиба, въ полугорѣ. Здѣсь они встрѣтили подпершія ихъ сзади войска, доставленныя на судахъ турками изъ Малой Азіи черезъ Мидію. Они только два дня какъ явились и попали прямо въ бой. По пути я видѣлъ партію плѣнныхъ, типъ которыхъ, мрачный и гордый, мнѣ былъ знакомъ по путешествіямъ въ Киликію. Это уже не солдаты Европейской Турціи, достаточно обезличенные вѣчнымъ соприкосновеніемъ съ поборовшимъ ихъ своей трудоспособностью и умомъ славянскимъ населеніемъ. Главнымъ образомъ эти подкрѣпленія были сосредоточены на правомъ флангѣ. Къ бою вернулись, наконецъ, и господа начальство, добѣжавшее, какъ говорятъ, до самой Чатаалджи и, наконецъ, устыдившееся быстроты ногъ, которая, несомнѣнно, на олимпійскихъ

играхъ, въ Греціи, доставила бы имъ побѣдные вѣнки. Линія турецкаго фронта была вогнута, съ круто обращенными впередъ флангами. Я не знаю, сколько у нихъ здѣсь стояло орудій. Извѣстно только, что однихъ попавшихъ въ руки болгаръ было сорокъ три. Двадцать одно отбито прямою атакою въ самомъ бою; остальные, брошенные, собраны потомъ¹. Бой велся семью колоннами со стороны болгаръ, описавшими на походѣ сюда дуги съ сѣвера на юго-востокъ. Точно семью зубцами огромной вилки пять дней они долбили въ непріятельскій фронтъ. Надо отдать туркамъ справедливость. Вѣдь, и болгарамъ достаются ихъ побѣды нелегко, иначе не стоило бы и драться съ трусливою сволочью, склонною больше къ паникѣ, чѣмъ къ самозащитѣ. Здѣсь непріятель умѣлъ пять дней держаться на хорошихъ позиціяхъ, отбиваясь отъ наступленій, ударовъ «на ножъ!», отъ того стремительнаго натиска, которымъ въ эту войну такъ прославилась болгарская армія. Особенно хорошо держались турки на флангахъ. Они вообще на фланги ставятъ лучшія свои силы и тѣмъ часто ослабляютъ центръ. Въ первые дни, несмотря на одушевленіе болгарскихъ войскъ и увѣренность ихъ, оправдывавшуюся рядомъ большихъ походовъ, успѣховъ и побѣдъ, исходъ боя былъ нерѣшителенъ. Слишкомъ прочно засѣли въ свои позиціи непріятельскія войска. Тутъ, вѣдь, ни пяди ровнаго мѣста, откуда сильному духомъ отряду такъ легко согнать уже нѣсколько ошеломленнаго противника. Волнами идутъ легко очерченныя горы. Внизу, въ лощинахъ, негдѣ развернуться для атаки,

---

¹ Всего въ Лозенградъ было доставлено отовсюду сто двадцать полевыхъ орудій.

и каждая пядень, занятая вами, — подъ выстрѣлами противника. Ему во впадинахъ и за гребнями легко прикрывать свою артиллерію. Были моменты, когда командиры здѣсь чувствовали шаткость положенія, и, разумѣется, исходъ этого боя не былъ бы такъ блестящъ, если бы болгары не привыкли къ ночнымъ, невыносимымъ для турокъ наступленіямъ и ударамъ. Это необходимо имѣть въ виду всѣмъ, кто ожидаетъ схватки съ Турціей въ Азіи. Въ Европѣ едва ли ужъ придется кому-либо считаться съ осколками еще недавно великаго могущества. Турки не выносятъ ни дождя, ни темноты. Въ этомъ отношеніи они далеко ушли на пятный дворъ. Вѣдь, мы хорошо помнимъ въ прошлую войну ихъ атаки на Зеленя горы именно по ночамъ, когда самъ Гази-Османъ-паша велъ лучшіе таборы на Скобелева. Фланги были укрѣплены и сильны у Бунаръ-Гиссара и Люле-Бургаса. Болгары ударили однимъ изъ зубцовъ вилки, о которой я говорилъ, между чифтликкомъ Саранлы и Турки-беемъ. Шли они отъ Кулиба и по теченію рѣки Іени-дере. Съ Караагача по нимъ упорно били турецкія батареи. Маскируя движеніе въ центръ непріятельской позиціи демонстраціями на фланги, болгары ночью, наконецъ, прорвали его штыками, отбросили турокъ на оба конца ихъ линій и вышли имъ въ тылъ. Съ этого момента судьба генеральнаго сраженія была рѣшена, и болгары могли прибавить еще одинъ лавръ въ свой побѣдный вѣнокъ. Надо сказать, что еще ни разу здѣсь успѣхъ, громаднй успѣхъ пятидневнаго боя, не былъ подготовленъ такъ артиллеріей. У болгаръ она превосходна. Хорошо ориентуруется, безошибочно и быстро пристрѣливается и умѣю-

чи работаетъ какъ по неподвижнымъ, такъ и по движущимся цѣлямъ. Дѣйствіе артиллеріи не только временно ошеломляло противника, но и совсѣмъ лишало его бодрости. Снаряды всюду преслѣдовали его, угадывая за горбинами пересѣченной мѣстности пункты, гдѣ наиболѣе былъ мас-сированъ непріятель. Разумѣется, будь у болгаръ аэропланъ, — положеніе дѣлъ оказалось бы еще выгоднѣе. У турокъ въ складахъ нашлись эти воздушныя машины. Нѣсколько аппаратовъ было взято болгарами въ Лозенградѣ, но турки не умѣли съ ними управляться и обезкрылили ихъ, чтобы этой страшной поднебесной эскадрой не воспользовался противникъ.

Занявъ центръ непріятельской позиціи, болгары тотчасъ же на ней окопались, вдвинувъ себя, такъ сказать, въ непрерывную линію непріятельскихъ укрѣпленій. Турки скоро опомнились и съ разсвѣтомъ начали бить со всѣхъ своихъ орудій по этому опасному для нихъ пункту. Со стороны можно было подумать, что здѣсь самый адъ разверзъ свои огненныя нѣдра. Вспыхивая огоньками непрерывныхъ разрывовъ, лопалась шрапнель, осыпая новую позицію атакующихъ градомъ убійственныхъ пуль. Бризантные снаряды взрывали тучи черного дыма. Были такія площади, гдѣ не осталось живого мѣста безъ осколковъ гранатъ, шрапнельныхъ пуль... На нихъ никто не могъ удержаться, но передовой постъ болгарскаго наступленія такъ зарылся въ землю, что могъ считать себя въ этой гееннѣ огненной въ полной безопасности. Болгарская артиллерія ненадолго позволила непріятельской работать по занятой своими высотѣ. Быстро жерла орудій направились на батареи про-

тивника, и тѣ значительно спали съ тона. Артиллерійскій бой этотъ былъ оглушительнъ и ужасенъ. Казалось, тысячи демоновъ носятся въ бѣшенныхъ порывахъ вихря въ поднебесьяхъ, сталкиваются и зловѣщими огнями разсыпаются на трепетные скаты и холмы. Точно раскаленные стальные бичи разсѣкали воздухъ, злобно стеная и судорожно визжа надъ бойцами... Днемъ осталъная часть бригады, отрядъ которой занялъ эту центральную позицію (прорвавъ линію турецкой защиты), пришла сюда, и новый передовой форпостъ балканскаго союза могъ считаться обезпеченнымъ. Не туркамъ было, во всякомъ случаѣ, выкинуть его отсюда. Напротивъ, занявши эту позицію, полки могли обстрѣливать турецкіе резервы съ фронта и бить по флангамъ. На лѣвомъ флангѣ турки дрогнули прежде всего. На правомъ они еще держались тридцать восемь часовъ, стараясь если не вернуть утраченное положеніе, то хоть устоять здѣсь, на крѣпкой линіи, пока ихъ не поддержать другіе, опамятовавшіеся таборы... Потомъ, когда можно было спокойно осматривать эти мѣста канунной защиты, удивлялись, какъ можно было уступить такіа стѣны.

Самыя большія потери болгары понесли здѣсь.

Вѣдь, гряда турецкой обороны на 36 верстъ идетъ дугой, безъ малѣйшаго излома. Она сильнѣйшимъ огнемъ обстрѣливала всѣ скаты передъ собою, слѣдующіе холмы и подступы къ нимъ. Внизу рѣчка, которую надо было перейти, и тутъ падало много, потому что солдаты поневолѣ должны были останавливаться на нѣсколько времени... Турки на болгарскій лѣвый флангъ переходили даже въ наступленіе, но ихъ опрокидывало каждый

разъ грозное «на ножъ!» болгарь. Я уже говорилъ, что у турокъ эти ножи, играющіе роль нашего штыка, длиннѣе болгарскихъ, но они совсѣмъ не умѣютъ пускать ихъ въ ходъ. Если бы не ночныя атаки, — я не знаю, сколько бы еще времени эта защитная линія охраняла пути на Чаталджу, на вторую и болѣе грозную линію константинопольской обороны... И ружейный огонь турокъ сильнѣе болгарскаго. Начальная скорость ихъ пуль — 870 метровъ, тогда какъ болгарскихъ — 550. И съ этого именно разстоянія, разъ до него дорвавшись, народная армія уже бросается въ штыки. Въ пятидневномъ бою турки показали свое умѣнье укрѣплять фланги и даже драться на нихъ, но, еще разъ повторяю, они славянскимъ полкамъ уступаютъ въ ночномъ бою и въ лобовыхъ встрѣчахъ. «Въ темнотѣ одни злые духи дерутся, — добрые люди должны ложиться вмѣстѣ съ солнцемъ!» — говорятъ они. Пятидневное бунаръ-гиссарское сраженіе вписало въ болгарскую исторію пять блистательныхъ страницъ. Оно уже не легко досталось побѣдителю. Напротивъ, онъ здѣсь нашелъ въ противникѣ яркую вспышку силъ, когда-то обычныхъ турецкимъ арміямъ. Позіціи непріятели не допускали обхода. Ихъ надо было брать прямо атаккой. Самому командующему арміей, генералу Радко Димитріеву, пришлось не разъ идти въ огонь, одушевляя свои войска. Онъ умѣетъ говорить сердцу болгарскихъ солдатъ, и его огневой взглядъ нѣсколько прищуренныхъ глазъ точно зажигаетъ въ нихъ падающія силы. Я его часто вижу теперь. Крѣпко скроеннаго, энергичнаго, привыкшаго идти въ головѣ своихъ полковъ. Онъ производитъ обаятельное впе-

чатлѣніе своей простотой, — это настоящій народный вождь народной арміи, сросшійся всѣми нервами со свободою демократической страны. Да, въ маленькой Болгаріи нашлось немало талантливыхъ и упорныхъ работниковъ на кровавой нивѣ!..

XLV.

Чудесное болгарское село.

Я его помню еще въ прошлую войну. Тихо шептали надъ нимъ высокіе тополи; звонко по улицѣ смѣялись чистые ручьи. Въ цвѣтахъ стояли убогія лачуги, и въ вечернемъ сумракѣ плакала гдѣ-то печальная гайда. Изъ темени садовъ доносились, вся въ трепетѣ нѣжной грусти, старая пѣсня, которую, можетъ быть, еще при Симеонѣ Великомъ впервые спѣла мать, провожая сына въ послѣдній бой. Какъ хороши горы кругомъ, рѣзко очерченныя на безоблачныхъ небесахъ и будто повисшія тамъ, потому что ихъ подножія тонули въ воздухѣ... Особенно въ утреннія и вечернія зори, когда ихъ скалы казались то золотыми, то багровыми скрижальями, въ недосягаемую высь поднятыми каменными руками этихъ горъ. На зеленыхъ тучныхъ лугахъ паслись здѣсь большія стада. Селякъ жилъ на благословенной землѣ, еще не починая прошлогоднихъ стоговъ и сыпая въ закромы послѣдній урожай до будущаго лѣта, потому что у него вдоволь оставалось старого.

Въ лазоревые вечера, когда зажигались первыя звѣзды, и дѣвушки, обвивъ головы вѣнками, уходили за околицу слушать нѣжный шелестъ вѣтра и слабый крикъ ночной птицы, я любилъ бесѣдовать со стариками, ходившими въ горныя трущобы

боротся съ ненавистной турчиной . . . Но особенно красива была эта деревня, полная чаша спокойной, прочно сложившейся жизни, когда красное, кровавое око заходящаго солнца смотрѣло на нее изъ-за тучъ, бросая алые отсвѣты на соломенные крыши и бѣлыя стѣны. Сколько я слышалъ здѣсь преданій о далекой старинѣ! Понурившись, бывшіе гайдуки пѣли мнѣ славныя боевыя пѣсни, и казалось, что это — не голосъ человѣка, а зовущій и грозный крикъ горнаго орла, сливающійся съ свистомъ вѣтра въ тѣсномъ ущельѣ, съ вольной бурей, несущейся въ сѣрыхъ крылахъ тучъ надъ гордыми вершинами. Я любилъ эту деревню, пославшую въ прошлую войну лучшихъ ополченцевъ въ родныя дружины, первыхъ воиновъ свободы, запечатлѣвшихъ своей кровью въ бою за знамя въ Эски-Загрѣ вѣчный союзъ съ Россіей . . . Вѣдь, съ этою жертвенною кровью смѣшалась кровь Калитиныхъ, наша кровь, и мы съ родной намъ страной пили ее изъ общей побратимской чаши.

Черезъ тридцать пять лѣтъ я ѣхалъ опять черезъ этотъ райскій уголокъ. Заранѣе радовался отдыху у знакомыхъ уже очаговъ и съ благодарною, тихою грустью вспоминалъ стариковъ, давшихъ мнѣ столько красивыхъ образовъ изъ богатырскаго эпоса Болгаріи. Теперь всѣ эти друзья далекой молодости лежатъ въ безвѣстныхъ могилахъ у ветхой церкви, и только цвѣты буйныхъ кустовъ осыпаютъ ихъ земляные горбы скромными благоуханными лепестками, да легкій вѣтерокъ съ тѣхъ же чудесныхъ горъ вздыхаетъ въ травѣ надъ ними . . .

Осеннее небо было печально; сквозь тучи, точно въ разорванную сѣрую завѣсу, мерещилась

слабая голубая улыбка неба, послѣднимъ отсвѣтомъ на блѣдныхъ губахъ умирающаго. Я думалъ, что боевая гроза миновала счастливое гнѣздо. Вѣдь, около не было битвъ. Она прошла стороною, и ея молніи опалили другія деревни, только не эту. Угадаю ли я въ лицахъ дѣвушекъ — ихъ матерей, застѣнчиво смѣявшихся когда-то мнѣ навстрѣчу?.. Зорко смотрѣлъ я туда. Вонъ она должна быть за той горой, надъ которой откуда-то стелется дымъ. Тяжелый, влажный воздухъ вѣрно не даетъ ему подняться, и онъ стоитъ шапкой надъ всей лощиной.

Я очень усталъ на этотъ разъ.

Длинный переѣздъ къ этому селу по сплошной трясинѣ утомилъ и меня, и моего коня. По его понуренной головѣ я понималъ, какъ и онъ извелся въ глубокой слякоти, гдѣ даже съ своими подбитыми на острые шипы копытами онъ съ трудомъ удерживался на скользкихъ скатахъ и набекрень сбившихся тропинкахъ. Надо было поскорѣе попасть въ это, почему-то такую радостью вѣявшее на меня издали, село. Тамъ найдется уголокъ у очага, мѣсто въ какой-нибудь хатѣ до утра, когда опять придется мѣсить отвратительную грязь. Задыхаясь, конь поднялся на скатъ, и я невольно остановилъ его на гребнѣ холма. Что это? Скверный сонъ... Не до призраковъ ли самыхъ кошмарныхъ замучила меня эта дорога?

Вонъ зеленая лощина, но она сейчасъ вся окутана дымомъ, и въ тусклую муть сумерекъ въ его сѣрыхъ клубахъ раскидываются во всѣ стороны багровые огни. То совьются въ одинъ костеръ, то разбѣгаются, ползутъ по землѣ, опять вскидываются и припадаютъ къ ней. Трескъ слышится

оттуда... Вѣтеръ несетъ на меня ѣдкій запахъ гари... Лѣвая сторона села давно сгорѣла, и полямя слѣва зловѣще играетъ на черныхъ профиляхъ обгорѣвшихъ остатковъ стѣнъ и еще кое-гдѣ дотлѣвающихъ садахъ. Собаки лаютъ оттуда, — лаютъ тревожно. Одна, поджимая хвостъ, бѣжитъ по дорогѣ съ громкимъ воемъ, точно жалуясь, навстрѣчу. Кинулась къ нашимъ лошадямъ и еще пронзительнѣе жалуется, а издали, изъ горящаго села, ей печально отзываются другія.

— Что это? — спрашиваю у проводника.

Мой проводникъ — «стражаръ». Его дали мнѣ изъ второй арміи, и онъ вотъ ужъ который день труситъ за мною съ своимъ карабиномъ и хорошо отточенной шашкой. Безъ него я бы пропалъ въ этомъ бездорожьѣ. Да и въ селахъ, черезъ которыя мы уже проѣзжали, онъ находилъ и пристанище, и хлѣбъ.

— Что это?

— Болгарское село... Турците, сичкихъ здѣсь порѣзали...

— Не можетъ быть. Оно въ сторонѣ отъ дороги. Какъ попали сюда турки?

— Отъ Лозенграда сбѣгали...

Неужели отступавшая армія однимъ крыломъ своимъ коснулась блаженнаго уголка? Крыломъ тайфуна, всеуничтожающаго, беспощаднаго, ужаснаго въ слѣпой стихійной злобѣ. Не можетъ быть! Какъ-то смерть и уничтоженіе не уживались въ моемъ сознаниі съ тѣмъ милымъ образомъ, какой остался въ памяти. Слишкомъ чудовищною казалась здѣсь смерть.

Сердце сжалось отъ тяжелыхъ предчувствій. Неужели это село, такое милое, радостное тридцать

пять лѣтъ назадъ, сейчасъ прошло черезъ правѣжь бѣгущей и озлобленной солдатчины? Точно смерчъ пронесся здѣсь, все уничтожая... Дымъ все гуще; красные языки, точно огненные громадные султаны, раскидываются во всѣ стороны. Большія соломенные кровли стоятъ, какъ громадные костры. Я прислушался, — не слышно голосовъ. Можетъ быть, всѣ успѣли уйти, и турки зажгли только безмолвные и пустые дома. А тѣ, которыхъ я зналъ дѣтьми, ласкалъ ихъ когда-то, спаслись далеко отсюда, по лощинамъ и рвамъ. Вѣдь, разбитая армія бѣжала напрямикомъ, цѣлиною и не забирала въ стороны. Село еще отстроится, вновь подымутся цвѣты, по изгородямъ завьются лозы, весною въ розовыя облака одѣнутся деревья... Тѣ, по крайней мѣрѣ, которыя по околицѣ уцѣлѣли... Нѣтъ, вотъ первый слѣдъ турокъ. Зарѣзанныя свиньи. У нѣкоторыхъ только обрублены ноги, и онѣ какъ комья жира, валяются на землѣ. Вчера визжали, вѣрно, теперь наступила агонія, и онѣ умираютъ... Повсюду онѣ, точно набитые чѣмъ-то мѣшки. Вотъ одна силится подняться и опять валится, громадная, жирная, лоснящаяся, безсильная. Еще нѣсколько шаговъ, и лошадь моя прынула въ сторону, чуть не выбивъ меня изъ сѣдла. Поперекъ дороги старикъ. Голова разрублена. Руками вцѣпился въ землю, да такъ и застылъ, точно въ послѣднія мгновенія отлетавшей жизни хотѣлъ хоть ползкомъ уйти отсюда. Еще шагъ — старуха; упала затылкомъ навзничь, и глаза себѣ закрыла; такъ и заостенѣли руки надъ лицомъ. Сѣдыя космы раскинулись. Вѣтеръ чуть шевелить ихъ. Подъ лѣвымъ бокомъ большая черная лужа. Своеобразный юморъ отвратительнаго

злодѣйства: къ старухѣ привалили свинью, и та своими обрубленными ногами упирается въ нее. Чѣмъ ближе къ деревнѣ, тѣмъ и мнѣ, и проводнику тошнѣе. Зарѣзанныя коровы; одна жалобно мычить, стараясь приподняться. Еще жива. Маленькій конекъ въ агоніи, — точно чудовищный кузнечикъ, опрокинутый на спину, дрыгаетъ копытами вверхъ. Пристрѣлилъ бы, — чего еще ему мучиться, — да, вѣдь, не знаешь, кто изъ деревни выскочитъ тебѣ навстрѣчу. Какъ бы самого не выпотрошили и не бросили здѣсь на влажной землѣ. Теперь мы, осторожно подвигаясь, чувствуемъ сухой жаръ отъ пожара. Мѣняющийся вѣтеръ погналъ было на насъ полымя, да оно свернуло въ сторону, точно повинующееся ему красное крыло, и вдругъ оттуда послышался дикій крикъ. Проводникъ хотѣлъ было остановить меня, вынулъ винтовку... Огненнымъ крыломъ обожгло еще живую... Маленькая дѣвочка. Ей лѣтъ тринадцать. Положеніе тѣла ясно говоритъ, что здѣсь дѣлали съ нею... Ткнули ее ножомъ подъ конецъ и бросили; только лужа крови около... Она опять крикнула. Я сошелъ съ коня, всмотрѣлся, — я думаю, долго въ безсонныя ночи меня будетъ преслѣдовать этотъ кошмаръ. Блѣдное тоненькое личико, и на немъ двѣ большія красныя впадины. Глаза страдалицы вырваны... Мы объѣхали селеніе справа. Прямо въ это пожарище ѣхать нельзя было. Уже со стороны — и то я задыхался отъ ѣдкаго смрада. И поневолѣ пришлось сдѣлать кругъ шире. Полымя, точно адская пасть, дышало мнѣ въ лицо... Слава Богу, — съ этого края можно было попастьъ въ Карай-чифтликъ. Большая улица, — я ее помню; по ней въ праздники болгар-

скія дѣвушки гуляли и пѣли; свистала горная волынка, молодежь плясала на площади у церкви. Справа дома не были тронуты, но стояли зловѣщія, безмолвные, какъ настезь открытыя могилы. Вонъ тотъ кыштъ, — я вспомнилъ его. Во дворѣ тамъ колодець. А подальше — вѣковой дубъ. Я здѣсь останавливался и помню еще хозяйскую ласку. Тогда въ этой семьѣ росла дѣвочка, говорливая какъ ручей, прыгающей по камнямъ крутого русла, живая и быстрая, какъ ласточка, передъ дождемъ мелькающая у васъ передъ глазами. Теперь ей уже за сорокъ. Узналъ ли бы я въ ней дѣтскія черты? Я бросилъ поводья проводнику и вошелъ, но тотчасъ же выскочилъ назадъ. Елена, — должно быть, это была она, — судя по шраму на щекѣ, лежала на полу; въ ея вскрытое чрево былъ уложенъ убитый поросенокъ, а рядомъ лежало почти уже сложившееся дитя. И сколько я ни осмотрѣлъ здѣсь домовъ и дворовъ, вездѣ убитые... Черныя, обугленные, едва различимыя тѣла были въ огнѣ, валялись на угольяхъ... Я думаю, долго буду не въ силахъ переносить запахъ жаренаго...

Церковь — вся черная, обгорѣлая; по пути къ ней — зарѣзанныя дѣти, дѣвочки съ разбитыми черепами и въ томъ же отвратительномъ положеніи. Подлый звѣрь тѣшилъ тутъ во всю, даже безсильныя слезы на личикѣ ребенка не останавливали его... Должно быть, ихъ настигла эта орда, когда онѣ бѣжали въ церковь искать у безсильнаго алтаря защиты. И тамъ внутри было такое, что я не знаю, какъ вамъ рассказать объ этомъ сплошномъ ужасѣ дикой расправы. Сначала мнѣ показалось, что туда свалены въ величайшемъ безо-

рядкѣ какія-то черныя колодины, — остатки разбитыхъ экипажей, обрубки дерева, рогатки, что ли. И, только всмотрѣвшись, понялъ, что это — груда сожженныхъ тѣлъ толпы, которая хотѣла выбиться оттуда и, бросившись къ дверямъ, закрытымъ снаружи, сваялась въ одну большую кучу. Потомъ и двери сгорѣли, остался только одинъ остовъ, каменная коробка храма, и въ ней этотъ адскій складъ безплощаднаго аутодафе. Невѣдомо, какъ въ этой остывшей огненной печи, въ черной горкѣ жалкихъ останковъ сожженныхъ людей было одно лицо, почти не тронутое огнемъ, и оно сейчасъ смотрѣло на меня спаленными глазами. Но эти черные комья вмѣсто головъ, длинные угольные отростки — руки и ноги, — даже великій Данте съ своимъ демоническимъ воображеніемъ куда какъ далеко отошелъ отъ этой дѣйствительности. Декорациямъ правеза недоставало только человѣческаго голоса, и вдругъ онъ послышался... Рыдала женщина, за ней другая, и скоро все село было точно отовсюду охвачено вихремъ отчаянія, безумства и тоски. Издали подходили сюда тѣ, которымъ удалось бѣжать загодя въ горы и спрятаться въ ихъ узлахъ... Теперь они рылись въ угольныхъ ямахъ, въ грудяхъ обгорѣлаго хлама. Эти кучи безобразнаго пожарища были для нихъ всѣмъ, что оставалось отъ нѣкогда счастливой жизни. Но самое ужасное ждало меня немного спустя. Старикъ, который при мнѣ былъ, вѣроятно, еще юношей, бросился въ церковь, въ груду обгорѣлыхъ тѣлъ, разбрасывалъ ихъ, дорывался до чего-то ему близкаго и дорогого и, не найдя, упалъ лицомъ и дико завылъ. Сейчасъ, когда я пишу, этотъ вой звучитъ въ моихъ ушахъ, и жить стано-

вится тошно, и самъ хотѣлъ бы уйти со свѣта, гдѣ человѣкъ съ человѣкомъ — хуже обозленныхъ псовъ. Тѣ рвутъ отъ бѣшенства, грызутъ, впиваются вамъ въ горло, но не смѣются надъ безсиліемъ, надъ дѣтствомъ, надъ любовью матери, цѣломудріемъ ребенка, отчаяніемъ отца. Передъ этою войною конституціонный Константинополь грозился «такими жестокими расправами, о которыхъ еще не слыхалъ міръ». Всѣ помнятъ это. Только у господъ отрицающихъ варварство дикой орды. оказалась коротка память. Надо отдать Стамбулу справедливость. Въ то время, какъ народная армія болгаръ нигдѣ не запятнала своей боевой славы бесполезною жестокостью, не тронула *мирнаго* турецкаго села, напротивъ, охраняла мусульманъ вездѣ, гдѣ ихъ находила, — эти, отступая, оставляли за собою сплошную пустыню прежде и сейчасъ выжигаютъ на ней все, что уцѣлѣло отъ ихъ шестисотлѣтняго правеза. У меня не подымается рука рассказывать вамъ остальные омерзительные эпизоды этого дня. Съ невообразимую печалью я проѣзжалъ по этому уголку своихъ воспоминаній. Старая, милая былъ зеленаго, благоуханнаго оазиса въ нѣжномъ, счастливомъ смѣхѣ, въ робкихъ дѣвичьихъ пѣсняхъ, въ меланхолическихъ напѣвахъ свирѣли воскресала, заслоня черныя груды угля, обгорѣлыя тѣла, лужи запекшейся крови. . . . И только когда я добрался до фонтана, онъ одинъ въ этомъ краю отчаянія и муки серебряной струей, падавшей въ каменный бассейнъ, лепеталъ мнѣ все ту же сказку, что и тридцать лѣтъ назадъ. Я сѣлъ около, слушалъ его и, закрывъ глаза, старался вызвать въ памяти знакомыя картины. Свобода и независимость! Какъ вы велики и прекрас-

ны. Безъ васъ нѣтъ счастья, нѣтъ жизни, нѣтъ радости, но какую страшной цѣной вы достаетесь человечеству, особенно тамъ, гдѣ, какъ здѣсь, корыстная до подлости, буржуазная Европа, сама вся à vendre и à louer, не только терпѣла истребительную, жестокою азіатскую орду надъ воскресающими молодыми народами, но и каждую ихъ попытку освободиться встрѣчала благословеніями палачу и проклятіями его востепенувшейся жертвѣ... Неужели и теперь молодые культурные народы Балканскаго полуострова, вырвавшіе изъ окровавленныхъ когтей Турціи своихъ братьевъ, должны будутъ вернуть ихъ подъ черный клювъ зловѣщаго ворона? За эти дни, живя одною жизнью съ народною арміею Болгаріи, я убѣдился, что она никогда не отступится отъ такъ быстро и славно совершеннаго ея подвига. Не ради же европейскихъ банкировъ и государственныхъ воровъ живетъ и истекаетъ кровью человечество!

XLVI.

Опять утомительный переходъ мимо идущихъ на востокъ болгарскихъ полковъ. Здѣсь уже рѣже трупы турокъ, — ихъ успѣли собрать и зарыть, хотя неудержимо стремящейся все впередъ и впередъ народной арміи вовсе не до того. Горы растутъ, дороги суше, но деревни этого счастливаго края, въ византійскія времена бывшаго житницей имперіи и сплошнымъ садомъ, рѣже и рѣже. Нужно самому видѣть благословенную землю, обращенную въ сплошную пустыню. Отъ нашего послѣдняго бивака до города Истранджи около тридцати верстъ, и на всемъ этомъ разстояніи ни одного селенія, хотя въ этомъ дивномъ климатѣ и на

плодоносной землѣ имъ бы слѣдовало стоять локоть къ локтю. Отъ древнихъ дубовыхъ лѣсовъ не осталось и слѣда. Мелкій кустарниковый дубнякъ выросъ тамъ, гдѣ чуть не подпирали небо мощные, вѣковѣчные великаны. Отъ цвѣтущихъ городовъ, гдѣ кипѣла жизнь, изящная и преступная въ одно и то же время, нѣтъ даже руинъ, которыя являлись бы теперь великимъ кладбищемъ истребленнаго народа. Съ одной возвышенности на другую выются воловыи пути — и только. За цѣлые вѣка обладанія этимъ раемъ земнымъ Турція не провела даже мало-мальски сносныхъ дорогъ и лишь уничтожила прежнія. Вотъ, на примѣръ, мѣста, гдѣ я былъ въ 1877 и 1878 годахъ. Я помню хорошо, здѣсь тянулись по гребнямъ возвышенностей, спускались въ зеленяя лоцины и перекидывались отъ долины къ долинѣ твердыя дороги. Сейчас ихъ нѣтъ. Мѣста, по которымъ мы ѣхали тридцать пять лѣтъ назадъ, заросли дубнякомъ, и въ этой пустынѣ — никакого слѣда, если не считать отвратительныхъ трясинъ. А города! Возьмите Сарай, — вѣдь, онъ живетъ только съ солнцемъ. Зайдетъ оно, и въ шесть часовъ вечера эти рвы и обвалы, играющіе роль улицъ, съ неожиданными ямами слякоти и какими-то козыми тропинками у домовъ, — настоящими западнями и костоломками, — совершенно непроходимы. Только кое-гдѣ впереди колеблется въ рукахъ спотыкающагося въ эту вонь и мразь счастливаго гражданина фонарь, да и то, заслышавъ ваши шаги, встрѣчный тушитъ его и прячется куда-то... А Истранджа, это — уже большой греческій городъ, но выросшій на турецкихъ дрожжахъ. Здѣсь въ три этажа деревянные дома. Есть даже очень красивыя, похожіе на

тѣ, что стоятъ на лучшихъ улицахъ Стамбула. И что же? Я уже не говорю о грязныхъ навозныхъ лачугахъ рядомъ, но улицы — тѣ же рвы съ безконечными капканами для прохожихъ. Такова вся Турція, и чѣмъ ближе къ Стамбулу, тѣмъ она хуже. Я знаю въ Малой Азіи Смирну, Бруссу. Развѣ ихъ можно сравнить съ этими перепутьями къ нѣкогда роскошной Византіи? Истранджа — городъ на горѣ. Улицы его по скату. Его можно было бы держать въ сравнительной чистотѣ, но онъ остается такимъ же зловоннымъ гнѣздомъ, какъ и всѣ здѣсь. Точно Турція понимала, что она не дома, и потому не тратила ни одного меджидіе на эту провинцію. Въ Истранджѣ сохранился еще греческій типъ. Чудныя женскія лица на каждомъ шагу. Сегодня они полны особенной радости. Еще бы! Вѣдь на-дняхъ турки здѣсь успѣли пребыть только нѣсколько часовъ. Они хотѣли сжечь его, какъ Сарай, и кстати истребить христіанъ, но имъ не удалось. Болгары наступали быстрѣе, чѣмъ думалъ паша. И ему оставалось одно: открыть окно и на всю главную улицу Истранджи заорать благимъ матомъ: «О, правдивные, бѣгите! Бѣгите скорѣе! На высотахъ показались кара-шайтаны, — будь они прокляты!». Родительская заботливость паши была очень кстати. Орда кинулась опрометью, даже не думая защищаться. А здѣсь она могла бы надолго остановить движеніе непріятельской арміи. Греки рассказываютъ, что турки уходили съ такой быстротой, что даже не успѣли никого ограбить и прирѣзать. Только разбили нѣсколько лавчонокъ, почему онъ сейчасъ всѣ заперты, и въ Истранджѣ мы не могли найти ни куска хлѣба.

XLVII.

Смотришь на карту и самъ удивляешься, какой громадный путь сдѣланъ тобою въ сѣдлѣ по сплошной трясинѣ, съ рѣдкими остановками въ далеко одно отъ другого разбросанныхъ селахъ. Отъ Старой Загоры къ Мустафа-пашѣ, оттуда на Демотику и назадъ, и потомъ ужъ вокругъ Адрианополя къ Лозенграду и отъ Лозенграда сюда. На отвратительной лошаденкѣ, трясучей, какъ перекладная телѣга, то и дѣло спотыкающейся, пугливой, обходящей каждаго убилаго коня козлиными скачками. И если бы еще вся эта усталъ шла на пользу моему читателю. Вѣдь, въ эту народную войну мы здѣсь никому не нужны, и наши «телеграммы», даже срочныя, случается, посылаютъ на волахъ. Гораздо лучше моему талантливому товарищу г. Пиленко. Тотъ въ Чорлу, на линіи желѣзной дороги, а въ Іенно, Бунаръ-Гиссарѣ, Сараѣ и Истранджѣ заняты слишкомъ серьезнымъ дѣломъ, чтобы входить въ наше положеніе. Готовится рѣшительный актъ короткой, удивительной войны, — движеніе къ укрѣпленнымъ фортамъ Чаталджи, послѣднему оплоту умирающей Оттоманской имперіи. Оказывается, къ прежнимъ двадцати четыремъ фортамъ турки сейчасъ прибавили еще четырнадцать. Сплошная стѣна связанныхъ между собою твердыхъ, безъ малѣйшей лазейки между ними. Этихъ «тепе» здѣсь непрерывная цѣль отъ Яминъ-Чайрлы и Деліюнуса до Беюкъ-Чекмедже. Ихъ можно найти на старыхъ картахъ, но говорятъ, что константинопольскіе инженеры въ предвидѣніи, что турки будутъ на этой линіи разбиты, вывели еще

двѣ цѣпи такихъ же укрѣпленій между этими и Стамбуломъ. Сама прислонившаяся къ горамъ Чаталджа можетъ быть взята только съ сѣвера, но, вѣдь, инженерныя работы сводятъ на-нѣтъ все ея значеніе . . .

Наступленіе сюда представляетъ страшныя, почти неодолимыя трудности. За Чорлу даже желѣзную дорогу нельзя было вести на Константинополь иначе, какъ описавъ ея громадную дугу на сѣверъ. Нельзя дѣлать сплошной тоннель чуть не на пятьдесятъ верстъ! У Чаталджи этотъ путь опять спускается на югъ и передъ знаменитыми защитными фортами круто огибаетъ Хадемкіой рѣзкою петлей. Тутъ наступленіе возможно пологостями между Чаталджей и Эзетиномъ. Все остальное — сплошной хаосъ вершинъ, кряжей, до того запутанныхъ, переваливающихся одни черезъ другіе, раскидывающихся и опять сплетающихся въ узлы. На командующія высоты подняты всевозможные табіе и тепе, рассчитанные каждый на обстрѣлъ непріятеля не въ лобъ, а по радіусу на половину круга. Это нѣсколько болѣе сужено, чѣмъ старая защитная линія императорской Византіи. Если болгарская армія разобьетъ и здѣсь турокъ, — а, зная ее теперь, я въ этомъ нисколько не сомнѣваюсь, то, разумѣется, она станетъ въ рядъ лучшихъ міровыхъ армій, а ея генералы займутъ въ исторіи такое же мѣсто, какое въ ней отведено Мольтке и вождемъ франко-прусскаго поединка.

Сейчасъ мимо идутъ полкъ за полкомъ. Я пропускаю мимо уже окрещенныхъ боевымъ огнемъ Лозенграда и Бунаръ-Гиссара героевъ и въ лицахъ ихъ читаю вѣру въ новую побѣду. А вѣра, вѣдь, движетъ горами. Бодро мѣсятъ опанками

западнымъ русскимъ отрядомъ, Вейсиль-паша со своими шестьюдесятью таборами положилъ оружіе передъ Скобелевымъ. У Оттоманской Порты не оказалось солдатъ, а одними пашами защищаться нельзя. Передъ одолѣвшими Балканы зимою русскими раскинулись плѣнительные берега Эгейскаго моря и вся эта волшебная сказка Босфора. Теперь иное дѣло. Въ Адрианополѣ засѣло до семидесяти тысячъ турокъ. Въ Чатаджѣ на грозныхъ, укрѣпленныхъ 37 фортами, связанныхъ траншеями, обведенныхъ колючими эспланадами и фугасами позиціяхъ Стамбуль сосредоточилъ, по однимъ свѣдѣніямъ, полтора, по другимъ — двѣсти тысячъ солдатъ. За это время они оправились, отошли отъ паническаго страха встрѣчь съ побѣдоноснымъ непріателемъ. Да и Порты, вѣрно, не теряла времени. За десять-двѣнадцать дней изъ Азіи сюда доставлялись свѣжіе батальоны. Вѣдь, и среди сражавшихся подъ Бунаръ-Гиссаромъ и Люле-Бургасомъ видѣли немало строгихъ и сумрачныхъ арабовъ Дамаска и Алеппо. Задача болгарамъ здѣсь предстоитъ тяжкая.

Въ нашемъ маленькомъ кружкѣ корреспондентовъ, — полковникъ фонъ-Дрейеръ, капитанъ Мамонтовъ, маркизь де-Сегонзакъ («Echo de Paris») и Пюо («Temps»), — собираясь на короткомъ отдыхѣ, часто говорятъ о томъ, что передъ читателемъ мы «потеряли лицо». Вѣдь, ему не извѣстно, до какой степени не обезпечена и случайна каждая посылка корреспонденціи отсюда. Я, на примѣръ, за эти двадцать три дня не получилъ ниоткуда ни письма, ни телеграммы. Командующему арміей генералу Радко Димитріеву только на-дняхъ доста-

влена вѣсточка отъ его семьи, посланная еще пятого октября, а сегодня 29-е. Штабъ также оторванъ отъ своихъ. Мы уже перестали писать домой и къ близкимъ намъ людямъ. Вѣдь, все равно наши конверты или затеряются, или, если и дойдутъ, то послѣ нашего возвращенія во-свояси. Вся армія живетъ здѣсь завтрашнимъ днемъ, предстоящими боями, походами. То, что она оставила позади, сейчасъ для нея не существуетъ. Она вся въ движеніи впередъ, и оглядываться ей некогда. Да и всякая оглядка задерживаетъ, а тутъ ждать нельзя. Съ каждой минутой врагъ оправляется и прочнѣе становится на ноги. На своихъ передовыхъ позиціяхъ «войници» уже вступаютъ въ подготовительный бой. Тамъ ревутъ жадныя пасти орудій, трещать скорострѣлки, сухо и злобно гремятъ ружейныя пачки. Войска маневрируютъ, сблизаются, мѣряютъ другъ друга передъ окончательнымъ поединкомъ. Отъ командующаго арміей до послѣдняго обознаго — добровольца-гимназиста, ведущаго арбу, каждый знаетъ, что на этихъ, обстрѣливающихъ по полукругу все подступы къ нимъ фортахъ, въ узлахъ горъ, обвитыхъ паутиною траншей и ложементовъ, на грозныхъ батареяхъ, вѣнчающихъ гребни и вершины, рѣшается великій вопросъ, кому лечь въ могилы: всеистребительной, неспособной къ настоящей культурной жизни Турціи или балканскимъ народамъ, воспрянувшимъ отъ вѣковѣчнаго рабства. Наступаетъ послѣ недолгаго затишья тотъ роковой, послѣдній взрывъ циклона, который хоронитъ снесенные его вихрями, смытые его бунтующими пучинами города и народы. Цвѣсти и радоваться этой землѣ или покрыться руинами сплошного кладбища, — рѣ-

шить таинственное, загадочное, зловѣщее завтра. Сегодня еще молчить его набать . . .

XLIX.

У голубыхъ и теплыхъ водъ южной полосы Чернаго моря уже стоятъ болгарскія гаубицы. Высадка сюда турокъ, въ тылъ войскъ, которыя будутъ дѣйствовать противъ грозныхъ фортовъ Чаталджи, теперь невозможна. Скоро въ рукахъ народной арміи окажется мелководное, замкнутое въ песчаные берега озеро Деркосъ, снабжающее Константинополь превосходною водою. Если удастся уничтожить старинные акведуки отсюда или, по крайней мѣрѣ, прервать гдѣ-нибудь теченіе этой воды, — оттоманская столица окажется въ очень непріятномъ положеніи. Воды изъ окрестностей Стамбула очень плохи и нездоровы, потому что тамъ все загажено чисто-восточною грязью. Фонтаны не такъ ужъ многочисленны, а превосходныхъ источниковъ у Скутари не хватаетъ даже и для этого, уже настоящего азіатскаго уголка. Самое озеро отъ Елебкія до Деркоса и на югъ до Лазарикія, главнымъ образомъ, защищено, начиная отъ маяка Карабурунъ, и только съ Деліюнуса идутъ на Чаталджу знаменитые тепе и табіе. Это озеро на сѣверѣ и Беюкъ-Чекмедже на югѣ перехватываютъ весь полуостровъ и являются послѣдними звеньями укрѣпленнаго пояса. Въ прошлую нашу войну у насъ была такая же позиція кинчжоуская, для взятія которой японцы обошли ее по горло въ морѣ и ударили на насъ съ тыла. Одно различіе, несмотря на внѣшнее сходство: у насъ тамъ стояло мало не особенно важныхъ орудій, подступы къ Кинчжоу охранялись

слабо, и нашему дальневосточному врагу удалось взять ихъ со сравнительно малыми жертвами. Тутъ иное дѣло. Во время сѣно Деркосъ защищался только Нею-тепе, Яминъ-Чайрой и Метерисъ-тепе. Что сейчасъ тамъ нагородили турки, — я не знаю. Деркосомъ можно было бы по японскому способу выйти въ тылъ турецкой защитной арміи съ сѣвера, хотя расположеніе горныхъ кряжей здѣсь, рѣкъ и дефиле желѣзной дороги дѣлаетъ болѣе рѣшительнымъ и удобнымъ наступленіе на югъ отъ Армения на Эзетинъ, Чаталджу, Бахчакію, Папасъ-Бургасъ и Беюкъ-Чекмедже. Если бы такой маневръ удался болгарской арміи, задача ея была бы значительно упрощена, и дорога на Константинополь оказалась бы открытой. Съ остальными фронтами укрѣпленнаго фронта церемониться не привелось бы. Противъ нихъ достаточно оказалось бы простого заслона въ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, которыхъ Болгарія легко можетъ отдѣлить отъ своей арміи. Проектъ двигать войска отъ Эзетина на Хадемкію, Сазлы-Босны, Хаджи-эль-Мюслимъ или св. Георгій, т. е. тамъ, гдѣ шель тридцать пять лѣтъ назадъ Скобелевъ, не особенно удобенъ. Во-первыхъ, покойный нашъ генераль шель тогда мало укрѣпленною мѣстностью, да и у турокъ сила сопротивленія была совершенно подорвана. Какъ-никакъ, а прикинувъ всѣ эти соображенія на картѣ, вы угадаете, что на насъ уже вѣетъ благодатнымъ дыханіемъ Босфора и Эгейскаго моря. То, что, по общимъ расчетамъ европейскихъ стратеговъ, обошлось бы, въ случаѣ удачи, болгарамъ въ восемь мѣсяцевъ трудной кампаніи и въ двѣсти тысячъ жизней, — сдѣлано ими въ двадцать дней. Потери они понесли пока едва ли въ десятую до-

лю предсказанной германскими военными писателями цифры. Планъ войны былъ такъ удивительно разработанъ, что его можно сравнить съ планомъ германскаго генеральнаго штаба въ войнѣ съ Франціей. Только французы, въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ генераловъ, какъ Бурбаки и Трошо, о немъ смутно догадывались, а болгарскій генеральный штабъ сохранилъ свой въ такой строгой тайнѣ, что даже ближайшіе къ царю Фердинанду и главнокомандующему Савову люди не угадывали его. Все было задолго обдуманно, взвѣшено, распредѣлено. Чины генеральнаго штаба своевременно направлялись во всѣ части этого огромнаго механизма и такъ подготовили его, что даже угадки берлинскихъ геніевъ не хватило для этого. Болгарія не только поразила Турцію, — она весь военный міръ Европы ударила по воображенію, да такъ, что ему и до сихъ поръ непонятно все здѣсь совершившееся. Полки получали маршруты до ближайшихъ этаповъ. Тамъ ихъ ждали запечатанные конверты съ дальнѣйшими указаніями. Ни одно письмо не доходило до родныхъ, оставшихся позади. Отцы и матери не знали, гдѣ ихъ дѣти.

L.

Грозные профили долговременныхъ укрѣпленій Чаталджи выстроены не такъ, какъ мы дѣлали это въ Манчжуріи, старательно выводя параллелограммы, да еще «для красоты» обводя ихъ сверху бѣлымъ кантикомъ. Японцы — большіе любители такого изящества рисунковъ и отлично пристрѣливались къ нимъ издали. У турокъ форты и редуты имѣютъ неправильныя формы, примѣнительно къ очер-

танію высоты, на которой они подняты. Есть извилистые, круглые, но такъ, чтобы противникъ, которому удалось пробиться между ними, попадалъ подъ перекрестный огонь не двухъ, а нѣсколькихъ. Они и расположены тамъ группами. Проскочишь, напримеръ, между Меше-тепе и Лефтеръ-оглу-табѣ, и по флангамъ удачливаго непріятели бьютъ не только эти, но и Деліюнусь. А тамъ еще, въ глубинѣ прорыва, у Баклали, поставленъ новый фортъ, который будетъ бить васъ въ лобъ. А то вотъ еще горный узелъ между Теирмень-тепе и Тюджиръ-тепе надъ селеніемъ Ясойренъ. По этому, наиболѣе удобному проходу стрѣляютъ семь фортовъ съ командующихъ высотъ. Разумѣется, если турецкою арміей будутъ командовать адмиралы въ родѣ проигравшаго Лозенградъ сына нашего противника въ Карсѣ Гази-Мухтаръ-паши, то выйдетъ то же, что случилось у насъ подъ Березиной, гдѣ адмиралъ Чичаговъ проворонилъ Наполеона съ остатками его арміи. Сейчасъ всѣ въ подготовительной работѣ. Въ болгарскихъ штабахъ нѣтъ ни одного лишняго человѣка. Они свободны отъ балласта, который такимъ тяжкимъ игомъ лежалъ надъ нашими арміями, обращая ихъ въ какое-то недвижимое имущество. Вотъ, напримеръ, Радко Димитріевъ — командующій двумя арміями. У него единственный адъютантъ и нѣсколько ординарцевъ. У насъ первыхъ было бы, по меньшей мѣрѣ, пять, а вторыхъ — безъ числа. Демократическая армія сверху донизу проста. Гдѣ только не приходилось ночевать штабу! Радовались и сараямъ, а адъютанту командующаго приходилось ютиться на ночь и въ конюшнѣ. Тутъ, на настоящемъ, серьезномъ дѣлѣ, не до удобствъ. О себѣ не думаетъ никто.

Можеть быть, потому великія дѣла здѣсь обходятся этой странѣ такъ дешево. Солдаты у какой-нибудь стѣны подѣ дождемъ, — и отъ нихъ никогда не услышишь жалобъ. Если найдется костеръ, — высшее блаженство. Низко стелется во влажномъ воздухѣ отъ него сизый дымъ, ѣсть глаза, шипитъ сырое дерево и трескается, золотые языки огня припадаютъ къ нему, не рѣшаясь разгорѣться, — а «войницы», грѣясь на этомъ маломъ теплѣ, безмолвно глядятъ на бѣлыя тучки пара, вырывающіяся изъ трещинъ, и сплошь уходятъ въ счастливые, оставленные позади уголки. Я разъ ночью сѣлъ къ такому костру. Около стоялъ паръ отъ утѣмившейся и чуть не загнанной лошади. Она тяжело дышала, вытягивая тощіе бока. Вокругъ царство непрогляднаго мрака. Ни одной звѣзды въ небесахъ, ни одного огонька въ пустынѣ. Только далеко-далеко лаяли собаки, и ихъ голоса едва-едва доносились къ намъ. Кто-то собралъ въ сторонѣ охапку валежника и бросилъ ее въ трудно разгоравшійся костеръ. Она обвилась бѣлымъ облакомъ и скоро вспыхнула. Наклонившіяся къ нему, показались смуглыя лица съ воспаленными глазами. Ни слова не слышалось, и ночь кругомъ молчала таинственно и мрачно. Гдѣ-то послышался топотъ... Минуту спустя изъ дыму надъ огнемъ показалась морда лошади. «Стражаръ» ѣхалъ куда-то. Онъ нѣсколько секундъ тускло, щурясь, поглядѣлъ въ огонь. Протянулъ къ нему окоченѣвшія руки и, кинувъ намъ: «Съ Богомъ!» — поскакалъ дальше. Казалось, весь міръ пропалъ куда-то. Сомкнулся этотъ уголокъ у костра — своеобразный островъ пустой вселенной, и отъ него до другого костра, можетъ быть, цѣлая вѣчность. Даже не вѣрилось,

что онъ есть гдѣ-нибудь . . . Свисталь вѣтеръ, пробѣгая по низинамъ. Рядомъ кралось, шурша въ дубнякѣ. Мерещится или звѣрь? . . . Звѣря здѣсь, впрочемъ, мало. Иначе трупы, разбросанные по трясинамъ, онъ оглодалъ бы давно. Одно воронье чудилось. Разъ надъ костромъ зардѣлось даже чье-то крыло въ отсвѣтѣ, и широкіе, мѣрные размахи утонули въ непрогляди . . . Черезъ нѣсколько минутъ я поднялся, а когда на неувѣренномъ ходѣ усталого коня оглянулся, во влажномъ мракѣ костерь уже казался краснымъ пятномъ.

LI.

По трудной топкой дорогѣ — громадный обозъ изъ тѣхъ, что на войну мобилизовала какъ одинъ человекъ поднявшаяся Болгарія. Поматывая черными рогатыми головами и равнодушно глядя бѣлесыми глазами, едва плелись равнодушные, спокойные буйволы. Лощины и холмы оставались позади, и къ прежнимъ зигзагамъ, протоптаннымъ въ этой трясинѣ, буйволы прибавляли новые. Такъ ужъ они привыкли: никогда не идутъ прямо, даже и на ровномъ мѣстѣ, а вертятъ извилины, и хоть убей ихъ, а никакъ этимъ упрямымъ мохнатымъ лбамъ не докажешь, что прямая линія короче кривой. Едва колышутся надъ скрипучими арбами бѣлые верхи. Рядомъ шагають добровольцы-обозчики. Не нанятой народъ, нѣтъ. Они не попали въ ряды уже славныхъ полковъ. Или слишкомъ стары, или юны. Да и не для всѣхъ же хватитъ оружія. Иначе пришлось бы маленькому славянскому народу выставить не четыреста пятьдесятъ тысячъ солдатъ, а, пожалуй, цѣлый миллионъ. И кого только нѣтъ тутъ! Вонъ

студентъ, пріѣхавшій на тревожный набатъ своей родины изъ Берлина. Въ синей фуражкѣ гимназистъ. Теперь не до ученія, когда въ боевой грозѣ всякая рука на счету! А дальше старикъ едва плетется. Дрался онъ до 1877 года съ турками въ балканскихъ захоlustьяхъ, былъ въ діарбекирской ссылкѣ, бѣжалъ и сейчасъ же сталъ подъ славное самарское знамя въ дружину. Въ Старой Загорѣ подхватилъ на руки убитаго Калитина, потомъ отбивался на Шипкѣ въ незабвенные августовскіе дни. Опять настали тяжкія испытанія для освобожденной родины. Не могла же она равнодушно слышать изъ-за рубежа мученическіе вопли братьевъ. Старикъ хотѣлъ было подъ ружье. Но куда ему? Болятъ старыя раны, ноютъ ревматическія ноги. Сердце замираетъ отъ усталы, — не выдержать такихъ переходовъ, которые легко дѣлаютъ его дѣти. Да и зрѣніе измѣняетъ. На свой бы счетъ вооружился и пошелъ въ чету, — да что жъ стрѣлять попусту? И недалеко, а все впереди смыкается въ туманъ, и не различить въ немъ врага отъ друга. Не по деревьямъ же станешь на смѣхъ молодымъ и зоркимъ бить. Все же не сидѣть, сложа руки, когда народъ отъ мала до велика двинулся на рубежи. Старикъ взялъ свою арбу съ волами и явился, — это все, что онъ могъ отдать Болгаріи, — и вотъ теперь шагаетъ версты за верстами, подымается на самое темя горъ, спускается въ сырыя низины, возитъ то раненыхъ, то хлѣбъ, то оружіе . . . Видитъ утесы, за которыми когда-то хоронился онъ остроглазымъ соколомъ, козы тропинки. Вѣдь, по нимъ онъ сбѣгалъ навстрѣчу турецкимъ палачамъ и билъ ихъ съ такими же, какъ и самъ, гайдуками . . . Вонъ вершины. На нихъ онъ отлеживался раненый, прячась

отъ турецкихъ жандармовъ, и по ночамъ изъ чифлика, въ сырой низинѣ, къ нему подымались дѣти и женщины. Носили ему сыръ и хлѣбъ, перевязывали раны . . . Что сдѣлалось съ этой знакомою ему страною? Куда дѣлись ея синія ласковыя дали, почему сомкнулись онѣ въ тѣсный кругъ и то плохо различимыхъ близей? Гдѣ дымки селъ на горизонтѣ, ленты сухихъ дорогъ, на которыхъ онъ угадывалъ приближеніе врага? Теперь ему не видать и орловъ въ небѣ. Или перевелись орлы? . . . Вонъ за этими деревьями должна быть рѣченка. И деревья миновалъ, а понизъ вся сливается въ дымокъ. Нѣтъ, слышенъ и рокоть струй. Значить, здѣсь она, вода. Еще бы, не высохла же она. Сколько разъ, измученнаго, поила она его съ четой, когда уходилъ онъ отъ собачьей погони по красному звѣрю . . .

Сегодня онъ вышелъ рано.

Обозъ поднялся, какъ только на востокѣ просвѣтлѣло, и чуть-чуть намѣтились извилистыя пелти воловьего пути вверху. «Здравствуй, дѣдо!» — встрѣчаетъ его молодежь, и въ ихъ лицахъ онъ читаетъ радость и гордость, что съ ними ополченецъ, всю свою жизнь дравшійся за волю и вольность родной стороны . . . Тихо идутъ буйволы, поматывая мохнатыми черными башками, и изъ нихъ мокрыхъ ноздрей паръ идетъ въ холодкѣ горнаго утра . . .

Тихо идутъ буйволы, и такъ же тихо передвигаетъ больныя ноги старикъ.

Сбился обозъ, — дорога рвомъ. А тутъ еще сверху по краю рва — солдаты.

Цѣлый полкъ пробирается къ Чаталджѣ, на послѣдній оплотъ Турціи, — страшный оплотъ, гдѣ ляжетъ не мало этихъ славныхъ и бодрыхъ воини-

ковъ. Сбиваются они въ ровъ, хватаются за колеса арбъ, чтобы не упасть подъ нихъ, идутъ рядомъ, и мысленно старый ополченецъ благословляетъ ихъ на великую жертву за други своя. Благословляетъ и, щурясь, всматривается въ суровыя лица. Молодые, бодрые, сильные, — сколько ихъ уцѣлѣетъ на кровавомъ пиру у стѣны тридцати восьми редутовъ, перевитыхъ траншеями, батареями, схватившихся точно за руки ложементами?.. О, какъ охотно принесъ бы себя въ жертву за нихъ ветхій гайдукъ... Господи! Прими эту жертву и прикрой ихъ крылами Твоихъ ангеловъ.

Какой это полкъ? Не распознать! Погоны отстегнуты и висятъ изнанкой... Да и не все ли равно? Вся Болгарія здѣсь, и полкъ отъ полка только тѣмъ и отличается, что одни уже послужили родному дѣлу свободы, а другимъ еще не выпало на долю такого счастья! Идутъ одною сѣрою массой, въ мягкихъ опанкахъ, мѣсятъ турецкую грязь версты за верстами, по сорока въ день, и все такъ же молчаливо, упорно, какъ и буйволы, которыхъ ведетъ онъ. Всѣ въ думѣ, въ вѣчной заботѣ...

Вдругъ позади какіе-то крики. Дружные, согласные.

Кто-то допояняетъ солдатъ, здороваются съ ними, и они отвѣчаютъ ему, какъ своему. Не выучка въ этихъ отвѣтахъ, не муштра, — нѣтъ. Свободный привѣтъ вольныхъ дружинъ. Вонъ онъ, на конѣ, по гребню этого рва. Заботливо всматривается въ своихъ «войниковъ». Разспрашиваетъ ихъ... И обозчиковъ видитъ, — привыкъ ничего не пропускать по пути. Знаетъ, что они везутъ сегодня хлѣбъ его полку... Оглянулся на стараго гайдука. Проѣхалъ мимо, да какъ будто что-то толкнуло его, — обер-

нулся на него еще разъ. Пристально. На лицѣ, — точно припоминаетъ что-то милое, доброе, дѣтское. Даже нѣжный отсвѣтъ отразился въ суровыхъ, обвѣтренныхъ чертахъ... И вдругъ:

— Дѣдо... Пенчо...

Обозчикъ остановился... Подымаетъ слабѣющіе глаза.

— Неужели ты не узнаешь меня?..

— Господинъ полковникъ...

Но тотъ уже скинулся съ коня. Сползаетъ къ нему въ грязный ровъ.

— Какой я тебѣ полковникъ?..

И чьи-то сильныя руки обнимаютъ старика. Кто-то прижимаетъ его къ высокой крѣпкой груди.

— Дѣдо, Пенчо... Что жъ ты сына своей любимой племянницы не узналъ, — Радоницы? Забылъ, что самъ же собралъ послѣднее и отправилъ меня учиться въ Россію, въ корпусъ, чтобы потомъ послужить родинѣ, какъ послужилъ и служишь ты... до послѣдняго своего вздоха.

На сѣдые, низко опущенные усы гайдука падаютъ слезы... И внукъ, полковой командиръ, и дѣдъ его, обозчикъ, идутъ рядомъ, взявшись за руки, и тихо-тихо шепчутъ старческія уста:

— Да спасетъ Господь Болгарію, потому что вся она передъ Нимъ, какъ открытая ладонь. Полная вѣры въ Его святую помощь!..

ЛII.

Изъ Истранджи въ Ерменикію. Мы все ближе и ближе къ роковымъ профилямъ Чатаджи. Сейчасъ говорятъ, что турки передъ фронтомъ своихъ укрепленій воздвигли еще нѣсколько новыхъ за Ке-

стеникомъ, Чинахче и Бижіюемъ. Явятся ли у нихъ новые солдаты, не тѣ, про которыхъ Абдуллахъ-паша писалъ, что они бѣгутъ потому, что ихъ «тянетъ къ себѣ неудержимо запахъ константинопольскихъ кухонь»? Такъ доведенный до отчаянія турецкій генераль аттестоваль своихъ солдатъ. Очевидно, для него и страшный укрѣпленный фронтъ Деркосъ—Беюкъ-Чекмедже не представляется достаточной опорой при защитѣ его два раза побитыми войсками. По всему пути — сплошное движеніе войскъ, обозовъ. И по какому пути, — я ничего подобнаго еще не встрѣчалъ, а ужъ, кажется, видѣлъ! Какихъ-нибудь тридцать верстъ въ сѣдлѣ, — а мы ихъ дѣлали съ половины восьмого утра до трехъ пополудни, ни разу не останавливаясь. Для Турціи лучшимъ союзникомъ являются безлюдье и пустыня. Я помню эти мѣста тридцать пять лѣтъ назадъ. Можно ли думать, что все это время прошло не только безслѣдно для Оттоманской Порты, но даже уничтожило въ ея границахъ то, что тамъ было прежде? Я видѣлъ здѣсь деревни, которыхъ сейчасъ нѣтъ, даже не замѣтишь руинъ на ихъ мѣстѣ. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, на благословенныхъ небомъ холмахъ и въ долинахъ, гдѣ всякая барабанная палка можетъ процвѣсти какъ жезль Аароновъ, вы не встрѣтите никого. Уныніе и отчаяніе охватываютъ душу. Точно Божій гнѣвъ истребительнымъ огнемъ прошелъ по этимъ мѣстамъ, и съ тѣхъ поръ на нихъ лежитъ проклятіе. Ни одного, повторяю, села. Въѣзжаешь на лысины возвышенностей, — кругомъ, по радіусамъ въ десять-пятнадцать верстъ, — ни дымка. Жизнь ушла. Населеніе истреблено и продолжаетъ истребляться.

А дороги!.. Мы недовольны своими, но у насъ это — рай въ сравненіи съ рвами, по которымъ мы полземъ къ какой-нибудь далекой деревишкѣ, гдѣ величайшее счастье — найти кровлю на вышкѣ. А подѣ вами хлѣвъ, гдѣ хрюкають свиньи, и, точно довременное чудовище, въ полумракѣ чуть намѣчается буйволъ. Надо видѣть, какъ по этимъ дорогамъ идутъ обозы, везутъ раненыхъ, часто съ раздробленными костями. Арба падаетъ съ одной глубокой колеи въ другую, часто правое колесо ползетъ вверхъ, а лѣвое вязнетъ въ вонючей слякоти. Путь суживается такъ, что еще мгновение, — и васъ раздавятъ его грязныя осыпи. Это подѣ самой столицей, гдѣ обыкновенно жизнь сгущается и бьетъ всѣми своими пульсами. Вьется такой ровъ, — и вдругъ стопъ, ничего. Дубнякъ, и въ немъ едва продираешься, оставляя на немъ клочья платя. Заплутаешься, и хоть умирай, — некого спросить о томъ, куда ѣхать. Даже сейчасъ, когда по этой анаѳемской топи идутъ солдаты, никто не знаетъ, куда васъ направить.

Налѣво нѣтъ-нѣтъ, да и ахнетъ орудіе, точно часовой крикнетъ: сторожу де. Это подають голоса турецкія позиціи. Болгары молчатъ. Имъ не зачѣмъ тратить даромъ снаряды, которые могутъ понадобиться для большого, рѣшительнаго боя. До сихъ поръ бесполезная стрѣльба по невидимой цѣли мнѣ всегда казалась крикомъ ребенка въ темнотѣ. Болгары темноты этой не боятся.

Дорога наша тянулась сегодня чѣмъ дальше, тѣмъ хуже.

Липкая, вязкая. Въ мое утѣшеніе спутникъ говоритъ мнѣ:

— У турокъ еще хуже бываетъ. Чѣмъ ближе

къ Константинополю, тѣмъ ужаснѣе. Вы увидите. Тамъ, случается, кони отрываютъ себѣ копыта, пробуя тщетно вытащить ногу . . .

А деревни нѣтъ, какъ нѣтъ.

Опять часы за часами по пустырямъ.

Это, — гдѣ когда-то по сплошному саду повелѣнія византійскихъ императоровъ передавались на громадныя разстоянія отъ голоса къ полюсу, отъ человѣка къ человѣку.

Пустыня, безлюдье, сквернодорожье, — почти въ окрестностяхъ Византіи.

Дѣйствительно, для Стамбула это — лучшее оружіе! . .

ЛІІІ.

Какой прелестный день сегодня! Вѣтъ легкій вѣтерокъ Мраморнаго моря. Нѣжный, ласкающій. Отходишь отъ недавнихъ ледяныхъ ночей, утреннихъ заморозковъ. Бѣжишь на грязную улицу, сядешь у офицерской столовой, — нашъ временный клубъ, — на открытомъ воздухѣ. Мимо идутъ безмолвные, суровые полки, сотня-другая лошадей подъ навѣсами. Слышно ихъ ржаніе, на которое откликаются табуны съ далекихъ горныхъ склоновъ. Медленно ползутъ обозы, одолѣвающіе турецкія топи. Иногда прискачетъ усталый ординарецъ, весь зашлепанный слякотью этихъ трясинъ. Чуть-чуть колышется дерево, все въ зеленой съ золотомъ парчѣ осенняго убора. Вонъ стражары несутъ мѣшки реквизиціоннаго ячменя и доставшагося намъ турецкаго прессованнаго сѣна. Слава Аллаху, заботящемуся о гяурахъ. Сегодня и моя маленькая лошаденка будетъ сыта. Вчера я чуть не убилъ ее со злости на этой каторжной до-

рогѣ, а сейчасъ мнѣ самому больно отъ cadaго моего удара хлыстомъ по ея впалымъ бокамъ. Какъ дѣлается жестоко до подлости человѣкъ на такихъ отвратительныхъ дорогахъ, которыя не одолѣла бы и квадрига Нерона, если бы Юпитеръ оживилъ ея старую бронзу.

Сегодня на юго-востокѣ канонада.

Тревожно оглядываешь загадочную, удивительно прозрачную даль, полную кроткаго свѣта... Какъ ей была бы къ лицу тишина. Если бы не эти глухіе удары! Воображеніе рисуетъ артиллерійскій бой. Гдѣ онъ теперь? Надъ мирнымъ городомъ Чаталджей? Вѣдь, онъ весь, какъ безсильная и беззащитная жертва, лежитъ теперь между двумя одинаково грозными позиціями. Съ запада на горныхъ высотахъ стали болгарскія батареи. Съ востока работаютъ турецкіе форты Ахмедъ-паша, Томашъ, Гамидіе и Махмудіе. Я рисую себѣ эту долину смерти по рѣкѣ Карасу, куда съ покойнымъ М. Д. Скобелевымъ мы часто ѣздили любоваться единственнымъ оазисомъ. Сады тогда стояли, несмотря на зиму, прекрасные, хотя и безлистные, и намъ послѣ цѣлаго года упорной войны каждый уголокъ здѣсь, всякая бѣлая лачуга казались чуть ли не раемъ... Теперь надъ этимъ раемъ съ пронзительнымъ, трепетнымъ стономъ несутся шрапнели, рѣжутъ поднебесье стальные чудовищные хлысты гранатъ, и на вершинахъ, которыми въ румяныя зори любовались мы, вскидываются черные взрывы бризантныхъ снарядовъ. Нѣсколько южнѣе, между мысами Баба-Бурну и Каба-Бурну, съ Беюкъ-Чекмедже въ вершинѣ, — голубой заливъ, похожій съ озеромъ этого имени на цифру восемь. Въ водахъ моря у залива бродятъ пять турецкихъ военныхъ судовъ,

которыя, боясь попасть подъ огонь болгарскихъ орудій (они и дѣйствительно пугнули непріятельскіе тихоходы!), не осмѣливаются подойти къ берегу.

Между болгарскими и турецкими позиціями — сплошной дубнякъ. Эта мелкота перевилась въ такую сплошь, что по ней проѣхать нельзя. Приходится возвращаться назадъ и, опять описывая уголъ, двигаться на другой пунктъ той же линіи. Я думаю, это будетъ самымъ скучнымъ и нуднымъ препятствіемъ для атакующихъ частей. Выстилающій склоны своей золотой узорочью, красивый издали, въблизи онъ доводитъ до бѣшенства самыхъ спокойныхъ и невозмутимыхъ.

Извѣстіе о томъ, что разстроенные полки, проигравшіе Лозенградъ и пятидневное сраженіе подъ Бунаръ-Гиссаромъ, отправлены въ Константинополь, запахъ кухонь котораго такъ окрылялъ ихъ на быстромъ побѣгѣ, подтверждается. На ихъ мѣсто ставятся редифы. Такихъ, на примѣръ, подъ однимъ Ясойреномъ у турокъ въ трехъ лощинахъ сосредоточено четыре полка. Артиллерія на этихъ грозныхъ позиціяхъ старая; не для всѣхъ орудій даже прорѣзаны амбразуры. Ранѣ говорили иное. Очевидно, турки берутъ здѣсь скорѣе количествомъ, чѣмъ качествомъ. Сейчасъ они лихорадочно подпираютъ всѣмъ, чѣмъ могутъ, окрестности Хадемкюя. Имъ удалось отвести съ желѣзной дороги очень небольшой подвижной составъ, главная же часть вагоновъ, платформъ, локомотивовъ досталась болгарамъ, такъ что, возстанови завтра непрерывный рельсовый путь, — сейчасъ же по немъ можно будетъ пускать постоянные для военныхъ цѣлей поѣзда.

LIV.

Вчера, ночью, къ намъ, въ нашу лачугу постучались.

Отворяю . . .

Русскіе добровольцы! Первыя ласточки. Къ сожалѣнію, вторымъ здѣсь уже ничего не придется дѣлать. Не успѣютъ доѣхать, какъ все уже на этомъ театрѣ войны окончится. Капитанъ генеральнаго штаба Полковниковъ, съ нимъ юноша. Ъхали они сюда и шли всѣми способами существующихъ въ мірѣ передвиженій, — и моремъ, и рѣкой, и автомобилемъ, и верхомъ, и сто верстъ отмахали пѣшкомъ, иначе имъ бы и не попасть въ нашъ боевой отрядъ. Оба явились нисколько не утомленными. Они приняты какъ родные. Болгарскихъ офицеровъ обрадовалъ и тронулъ этотъ прилетъ нашихъ волонтеровъ. Мы, вѣдь, въ иностранныхъ газетахъ то и дѣло читали, что въ Москвѣ записалось сюда за двадцать тысячъ человѣкъ, но вмѣсто двадцати тысячъ не пріѣхало сюда и двадцати. Собственно говоря, они совсѣмъ не нужны болгарамъ. У нихъ и своихъ довольно. Но, какъ сказалъ имъ Радко Димитріевъ, онъ радъ всему, что дѣлаетъ болѣе крѣпкою связь Россіи съ Болгаріей. Утромъ сегодня другой сюрпризъ: являются еще двѣ ласточки . . . изъ Милана. Одинъ — бывший морской артиллеристъ, другой . . . теноръ, прямо со сцены. Сирена для заманиванія блуждающихъ турокъ. Имъ всѣмъ сейчасъ же нашлось дѣло. Маленькіе болгарскіе штабы, появившись еще сюда оперные таланты, будутъ весьма стѣснены ими. Ну, куда имъ дѣвать этихъ тореадоровъ, трубадуровъ, Риголетто, до севиль-

скихъ цирюльниковъ включительно?.. Вотъ настоящіе цирюльники здѣсь бы понадобились, потому что всѣ мы ходимъ небритые и нестриженные. Какіе-то пустынники изъ Оиваиды... Мой другъ Ното Novus здѣсь бы никого не удивилъ своей шевелюрой и недисциплинированной бородой.

LV.

Вчера, закончивъ рабочій день послѣ утомительнаго, я бы сказала: ужаснаго переѣзда, мы вышли въ непроглядную темень византійской ночи. Точно многоочитый змѣй вдали лежалъ передъ нами: горѣли во мракѣ безчисленные костры. Молчали холмы, гдѣ въ незримыхъ трясинахъ заночевали измученные обозы. Ржали кони по низинамъ... Тихо-тихо крался говоръ засыпающихъ биваковъ. Изрѣдка огонекъ бѣжалъ куда-то, и подъ его слабымъ свѣтомъ будто загоралась на мгновеніе затерянная палатка. Въ сторонѣ вспыхивала порою грустная и нѣжная славянская пѣсня. Ночь чутко прислушивалась къ тоскующей душѣ. И я невольно рисовалъ себѣ солдата, прощавшагося въ этихъ звукахъ съ далекимъ роднымъ селомъ... Точно накануне смерти за него, за эти дымные очаги милой родины онъ заочно цѣловалъ ихъ каждымъ полутономъ ея же пѣсни. Молчали въ темень теперѣ такія близкія къ намъ, къ землѣ припавшія турецкія траншеи. Утихли стальныя пасти орудій, и сами они заснули за земляными валами редутовъ и фортовъ. Смолкла вся эта грозная линия, — послѣдняя защита отживающаго варварства.

И только изъ таинственныхъ нѣдръ этой ночи, точно громадный спрутъ, электрической прожекторъ

бросалъ во всѣ стороны огненные зловѣщія щупальца. Въ ихъ свѣтѣ выступали блѣдныя лица, и снова ихъ глоталъ вѣчный, все уравнивающей мракъ. Ночь раскрывалась, какъ громадная могила, и живое казалось въ ней только обманчивыми призраками, мгновенными и неясными пришельцами иного міра.

LVI.

Теперь уже все стягивается къ первому подъ Константинополемъ укрѣпленному форту Чаталджи. Надо отличать самый городъ, лежащій подъ горами Альбассана, въ лощинахъ, въ самомъ желѣзнодорожномъ узлѣ, отъ его позицій. Онѣ тянутся на тридцать шесть верстъ и играютъ для Стамбула ту же роль, что и кинчжоускія въ манчжурскомъ Квантунгѣ для Портъ-Артура. Сходство съ Кинчжоу — изумительное. Такой же перешеекъ между двумя морями и такъ же защищенный самою природою. Только здѣсь на своемъ Кинчжоу турки вывели изумительный фронтъ великолѣпныхъ укрѣпленій — а у насъ въ Манчжуріи ничего не было... Чаталджу я помню по прошлой нашей войнѣ здѣсь, когда она вся, точно на открытой ладони, лежала передъ нами открытою военною добычей. Тогда послѣ Адрианополя, она казалась намъ полною чашей, кипѣла жизнью. Никто отсюда не бѣжалъ. Военная гроза послѣдними раскатами отгремѣла далеко позади, въ Хаскіюѣ, и черезъ эти благословенныя небожь долины остатки турецкой арміи уходили въ слѣпомъ страхѣ, не успѣвъ ничего тронуть въ городахъ. Жгли безсильныя, смиренныя въ вѣчномъ рабствѣ села, убивали безответную райю, но къ Чаталджѣ за ними по пятамъ шли наши кавалерійскіе

разъѣзды, нашъ авангардъ, и турки успѣли перебить по улицамъ только встрѣчныхъ женщинъ и дѣтей. Понимаете ли вы весь ужасъ этого: «женщинъ и дѣтей»? Нервы притерпѣлись, глаза присмотрѣлись, и пишешь о такихъ злодѣйствахъ какъ о совершенно обыкновенномъ, простомъ, даже, если хотите, — неизбѣжномъ. Я думаю, самое страшное именно и заключается въ будничности такихъ не боевыхъ, а тыльных картинъ отступающей стремглавъ варварской орды. И въ то же время мы съ конвоемъ великаго князя Николая Николаевича спокойно черезъ толпы этой орды проѣзжали по желѣзной дорогѣ къ Константинополю, и ни намъ не приходило въ голову задумываться надъ странностью нашего положенія, ни этимъ смуглымъ, горбоносимъ, въ красныхъ фескахъ солдатамъ открывать по насъ огонь. Хотя ружья у нихъ были на плечахъ, зарядовъ сколько угодно, и до перемирія оставался еще переходъ къ Санъ-Стефано.

Какой громадный переѣздъ мы уже сдѣлали отъ Софіи до Чаталджи въ какіе-нибудь двадцать пять дней бездорожьями и безпутьями, турецкими тряси-нами и рвами, чертыхаясь и проклиная судьбу каждую минуту. Посмотрите на карту! Еще мы хоть и на скверныхъ лошаденкахъ, а болгарскій солдатъ одолѣлъ всю эту каторгу въ своихъ опанкахъ, мѣся ствратительную липкую грязь по тридцати пяти верстѣ въ день. Нельзя безъ особаго чувства видѣть эту братскую армію, которая на такой высотѣ показала себя не только въ блескѣ и трескѣ побѣдъ, въ стремительныхъ штыковыхъ атакахъ, но и въ этихъ аннибаловскихъ или суворовскихъ переходахъ и въ трезвомъ, рабочемъ тылу. Прекрасная армія вооруженнаго, грамотнаго, свободнаго народа, которую и

«великимъ могучествамъ» желательно видѣть всегда рядомъ, но никакъ не передъ собою. Я вчера, вернувшись домой (домъ — кровля надъ хлѣвомъ, гдѣ хрюкають свиньи, мычатъ волю и ореть благимъ матомъ осель!) съ корреспондентомъ «Утра Россіи» капитаномъ Мамонтовымъ, легъ спать, и что же слышу? Наши стражары-солдаты рядомъ разсуждаютъ о Берлинскомъ конгрессѣ, о Бисмаркѣ, о границахъ Санъ-Стефанскаго прелиминарнаго договора! Вотъ въ такія минуты понимаешь, что это за великая мощь: хотя и четырехъ съ половиною милліонный народъ, но свободный, грамотный и вооруженный, несущій вслѣдъ за побѣдою великія блага вольности и независимости рабству и угнетенію . . .

Я уже говорилъ, что и сейчасъ Чаталджа лежитъ на днѣ своей долины, какъ на открытой протянутой къ вамъ ладони. Тридцать пять лѣтъ назадъ она такъ же ждала насъ съ своими бѣлыми минаретами, красивыми восточными домами и омутами грязныхъ улицъ. Тамъ, гдѣ турки, эта грязь неизбѣжна въ самыхъ благоустроенныхъ уголкахъ. Въ ней тонуть живописныя улицы Стамбула и Скутари, — чего же требовать отъ другихъ мѣстечекъ этого несчастнаго края?

Лавки ея были открыты, женщины и дѣти, только что пережившія кошмаръ «боевыхъ возможностей», встрѣчали насъ радостными улыбками и благословеніями. Покойному Скобелеву подносили вѣнки (гдѣ они находили ихъ въ январѣ?!), солдатъ закармливали. Сейчасъ, вѣрно, этотъ полугреческій уголокъ пустъ. Не остались же его пугливыя семьи между двумя позиціями, подъ перелетомъ гранатъ и шрапнелей, въ вѣчномъ трепетѣ, что одна или дру-

гая армія перейдетъ въ наступленіе черезъ эту открытую ладонь. Еще болгарская, — слава Богу. А если, какъ въ Марашѣ (подъ Адрианоподемъ), черезъ Чаталджу пройдутъ турки, — что останется по ихъ волчьимъ слѣдамъ? Особенно теперь, когда рядъ непримѣрныхъ поражений вызвалъ въ душѣ каждаго аскера острое чувство неукротимой мстительной злобы. И, глядя съ высоты на такія безмолвныя гнѣзда, мучась догадками, уцѣлѣлъ ли тамъ кто-нибудь, или нѣтъ, — невольно понимаешь, какою страшною цѣною достается народамъ свобода. Какъ блаженны тѣ племена, которыя уже прошли черезъ эти жертвенныя казни и могутъ спокойно работать на поляхъ, удобренныхъ кровью и плотью ихъ перебитыхъ дѣдовъ и отцовъ. Безконечны и прекрасны блага міра, но исторія дорого продаетъ ихъ страдальческой землѣ. Не даются они никому даромъ, можетъ быть, именно для того, чтобы благополучное потомъ человѣчество знало имъ настоящую цѣну. И святило, какъ настоящее божество, эту свободу изъ крови, муки и рабства, какъ царственное дерево изъ грязи, поднявшееся въ поднебесье, чтобы въ его лазури раскинуться величавою зеленою вершиною . . .

LVII.

Вчера 1-е ноября . . . Тишина на позиціяхъ. Яркое, чудесное утро. Небо, какъ эмалевая голубая чаша, опрокинулось надъ моремъ горъ, долинъ и ущелій, отогрѣвающихся подъ очагомъ всѣмъ лѣтняго солнца окоченѣвшіе за ночь дубняки, голые скаты, изсиня-сѣрые утесы . . . Утопавшая въ грязи деревушка, гдѣ я провелъ ночь, от-

бѣжала назадъ и точно дразнить издали миражемъ бѣлыхъ стѣнъ и загорающихся стеколъ. Въ лощинахъ гремятъ рѣчушки. Тамъ кипитъ работа, — боевая идиллія этихъ прозныхъ и чреватыхъ неожиданностями дней: солдаты длинными линиями у воды. Моютъ грязное бѣлье. Солнце теперь рѣдкій даръ, и вода тоже. Надо пользоваться каждою его улыбкой. Грустная красота этихъ далей охватываетъ страннымъ чувствомъ покойной печали. Мы тихо переѣзжаемъ трясины со стоялой водой и въ сплошномъ мелкомъ, перевившемся дубнякѣ поднимаемся на темя холмовъ, плывущихъ пологими волнами къ турецкимъ позиціямъ. Въ дубнякѣ вчера вырублена узенькая нить дороги. Осыпанная желтымъ листомъ, точно изъ стараго золота, чаща бьетъ въ лица, рветъ ихъ порою. Конь едва продирается, потому что тутъ же идутъ солдаты. Вѣдь, сейчасъ все стягивается къ аренѣ таинственнаго, зловѣщаго завтра . . . Идутъ солдаты и, узнавая въ насъ русскихъ, привѣтливо и радостно намъ улыбаются. Офицеры едва-едва могутъ пробраться къ намъ, пожать руки и на родномъ намъ языкѣ послать радушный, сердечный привѣтъ. Каждый торопится назвать далекую теперь Россію своимъ учителемъ и черезъ насъ передать ей горячую благодарность . . . Забываешь въ такихъ встрѣчахъ всю усталъ дороги, всѣ тяжкія лишенія нашей жизни. Въ ея тяготу могущественнымъ порывомъ врывается освѣжающій вихрь народнаго чувства, такъ неожиданно раскрывшагося передъ нами.

Идутъ солдаты . . . Везутъ орудія, снаряженные ящики. Лошади точно наизнанку вывертываются по крутизнамъ. Останавливаются, втягиваютъ то-

щіе бока, тяжело, мучительно дышать и опять ползуть на роковыя Голгофы теперь уже такого близкаго грядущаго. Рядомъ прокладываются проволоки телеграфа и телефона, а изъ лощины, куда только что стройно вступилъ новый свѣжій полкъ, на всю эту пустынную окрестность бодримъ вызовомъ звучить маршъ. Удивительно дѣйствуетъ онъ и здѣсь вверху, на усталыя, изнеможенные роты. Быстрѣе идутъ онъ впередъ; лежащія на осенней травѣ, обломившія уже громадный переходъ, встаютъ и, точно ношу, сбросивъ утомленіе, слѣдуютъ за ними. Загораются глаза; улыбка, предвѣстница грядущаго торжества, освѣщаетъ потныя смуглыя лица... Въ рядахъ вспыхиваетъ смѣхъ и шутка. Слышится торжествующее: «На Царьградъ!». И, глядя на этихъ успѣвшихъ пройти въ нѣсколько дней такую уйму горъ, кряжей, отвѣсовъ, рвовъ и проваловъ, пройти боемъ, вѣришь, что имъ удастся, въ концѣ концовъ, то, чего судьба не судила намъ, — разбить вѣковыя темницы славянства и изъ-подъ египетскаго ига вывести ихъ въ Ханаанъ свободы и просвѣщенія.

Все дальше и дальше. Спускаешься въ лощины и опять вверхъ. Мы уже у порога будущаго боя. Это — штабъ передовыхъ позицій, выкинувшихъ за ту вонъ гору. А за ней уже полоса, отдѣляющая насъ отъ такихъ же передовыхъ форпостовъ турокъ. Пока намъ, кромѣ этихъ пустынныхъ вершинъ, ничего не видно. Но мы минуемъ еще одну высоту и невольно останавливаемся...

Точно цѣлый міръ открылся передъ нами. Позади, въ желтыхъ ложементяхъ, сидятъ солдаты. Новыя траншеи роются повсюду. Дубнякъ кругомъ. Въ его сплошномъ маревѣ тонутъ новоявленные батареи, ожидающія орудій. Около желтыя насыпи.

Вездѣ кипитъ подготовительная работа. Все въ ея поту и устали. По скатамъ расположились полки. Припали къ ихъ осенней зелени и отогрѣваются на солнцѣ, радуясь его рѣдкой ласкѣ и дыша привѣтомъ Мраморнаго и Чернаго морей — легкимъ вѣтеркомъ, мѣняющимся то съ сѣвера, то съ юга. Вонъ бравый полковникъ Васильевъ, выхватившій въ послѣднемъ бою знамя у своихъ и кинувшійся съ нимъ впередъ. Нашъ наполовину. Служилъ когда-то въ Минскомъ полку и получилъ воспитаніе у насъ. Въ рѣшительную минуту послѣдняго боя, когда понадобился примѣръ и показъ попавшимъ подъ страшный перекрестный огонь солдатамъ, онъ сдѣлалъ это, и они ринулись за нимъ грозною лавиною, сметая все передъ собой, вырвавъ у врага трудную побѣду и занявъ позицію, отбить которую казалось невозможно. Вонъ извѣстный профессоръ, взводный командиръ. Другой, съ каѳедры прямо попавшій въ бой и великолѣпно справившійся съ задачей, во главѣ своей роты. Этотъ полкъ больше всего потерялъ подъ Караагачемъ, прорвавъ турокъ и рѣшивъ побѣду пятидневнаго боя, — славный полкъ, не желающій отдыха, не умѣющій оглядываться назадъ, на спокойныя деревни. Онъ весь въ порывѣ впередъ къ грезящемуся ему за моремъ смутныхъ вершинъ Константинополю...

LVIII.

Передъ нами красота, красота. Смотришь и не нагладишься. Забываешь, что кругомъ война, что вчера лилась кровь и завтра опять польется. Вся эта страшная дѣйствительность отходитъ въ сторону. Хоть на минуту хочется пожить иными впе-

чатлѣніями, и не отрываешься отъ воздушной лазури спокойнаго моря на сѣверѣ и чуть намѣченной голубой бездны, въ которой лѣниво нѣжится подъ ласковымъ солнцемъ озеро Деркосъ. Вонь его отмели, отдѣляющія этотъ питомникъ Византіи отъ глубокихъ соленыхъ водъ. Отъ Деркоса, вѣдь, въ Константинополь идутъ знаменитые акведуки, и, оборви ихъ болгары, турецкая столица останется съ отвратительными, грязными, вонючими рѣчками и скудными артезіанскими колодцами. Отмели переходятъ въ слабо очерченныя высоты. Какъ и все впереди, Черное море пустынно. Въ бинокль не разглядишь даже бѣлаго паруса рыбацѣй лодки, которая обычно, какъ чайки, бороздятъ эту кажущуюся сегодня недвижною стихію. Все припало къ землѣ, отошло отъ злого глаза. Хоть именно его сегодня здѣсь нѣтъ. На всемъ просторѣ, гдѣ еще вчера бродилъ какой-то заблудшій броненосецъ, не видно даже серебрянаго слѣда его винтовъ. Тамъ, далеко-далеко къ сѣверу, лежитъ, купаясь въ тѣхъ же водахъ, Крымъ... Родина, откуда съ тѣхъ поръ, какъ начался этотъ поединокъ Давида съ Голиаѳомъ, мы не получили ни одной вѣсти. Посылаемъ свои письма, телеграммы, не надѣясь, что онѣ когда-нибудь получатся!.. Отъ Деркоса на югъ другое море — окаменѣвшихъ въ ритмическомъ движеніи громадныхъ валовъ. Всѣ эти холмы, горы, кряжи, — точно они остановлены въ своемъ мѣрномъ стремленіи къ востоку. Какіе нѣжные тона лежатъ на этой еще молчаливой аренѣ, куда завтра должны сойтись для послѣдней встрѣчи жаждущая свободы славянская раса и ея шестисотлѣтній палачъ — Турція. Какъ эти лоцины и скаты съ желтыми, разбивающимися, какъ рѣка на рукава, на

обѣзды и проселки дорогами, сейчасъ дышатъ тишиной и миромъ. Нѣтъ! Взглянешь въ бинокль, и неумолимая явь раскрывается передъ тобою. Вонъ по этимъ желтымъ лентамъ темныя боевыя колонны; чуть ползутъ одиночныя всадники. Турки вливаютъ въ свои форты и траншеи свѣжія, прибывающія войска и отводятъ оттуда назадъ, къ другой линіи защиты, уже подъ самымъ Константинополемъ, старыя, разбитыя, растрепанныя, тронутыя страхомъ, какъ гангреной. Куда дѣвалась идиллія счастливой тишины? . . . Къ кулисамъ завтрашней драмы изъ однихъ укрѣпленій въ другія переѣзжаютъ большія орудія. Вонъ и самыя форты. Одинъ изъ нихъ, который мы увидѣли первымъ, надъ самымъ Кестеникомъ, весь въ прямыхъ линіяхъ, точно приподнять къ небу; такіе же надъ Чинакче и Еникіюемъ чуть мерещатся. Самыя села эти — точно оставленныя кладбища. Все живое ушло отъ нихъ, а можетъ быть и вырѣзано. По крайней мѣрѣ, подъ этими бѣлыми домами, такими красивыми вдали подъ солнцемъ, ни одна точка не шевельнется, не двинется по безлюдной улицѣ. Надъ Еникіюемъ громадный бѣлый конусъ мечети стоитъ отдѣльно. Меня увѣряютъ, что это у турокъ наблюдательный пунктъ. Станный, — онъ никого не видитъ, а его видятъ всѣ. Онъ и маякъ надъ озеромъ Деркосомъ, въ Карабурунѣ, — точно двое часовыхъ, ставшихъ на вышкѣ. Дальше сливающіяся въ сизый туманъ лощины, гдѣ прячутся на откосахъ новыя турецкія форты, незамѣтныя глазу . . . На югъ — опять тѣ же горы, уже надъ Мраморнымъ моремъ. Тамъ какая бездна свѣта! . . . И ни одного очертанія! Оттуда еще вчера стрѣляли турецкія броненосцы у Беюкъ-Чекмедже по . . . воробьямъ, по-

тому что сухопутныя болгарскія позиціи для нихъ недоступны, да и вообще бронейные снаряды, разбивающіе военныя суда, на землѣ ни къ чему. Убьетъ солдата, а рядомъ всѣ цѣлы. Вырветъ кусокъ мяса въ стѣнѣ, а она стоитъ себѣ и не плачетъ. Горя ей мало.

Сидѣлъ я на этихъ позиціяхъ будущаго боя, и вдругъ въ моей памяти встали какъ живыя плевненскія позиціи. Совсѣмъ Зеленя горы, только безъ числа повторенныя. По привычкѣ ищешь за ними бѣлый миражъ осажденнаго города и грозныя табіе Османъ-паши. Тѣ же профили, одинаковые подступы, даже старое золото осенняго дубняка, какъ и тамъ, къ сѣверу за Балканами у Брестовца, Учендола и Порадима. Только нѣтъ дѣйствующихъ лицъ когда-то пережитой драмы. Она уже давно стала историческою; нынѣшніе учились у нихъ и сейчасъ пошли куда дальше.

LIX.

Вызвѣздило. Молодой мѣсяць стоялъ высоко. Биваки затихли. Изъ какой-то оставленной деревни лаяли голодные псы. Позади ржалъ жеребенокъ, звонко, какъ труба, на всю эту густившуюся въ лощинахъ темень. Надъ рѣчкой и сырыми понизьями лежалъ бѣлесой пеленой туманъ, и въ немъ едва-едва мерещились тускляя желтыя пятна костровъ. Мы легли на землю къ кучкѣ угольевъ, на которыхъ булькалъ совсѣмъ почернѣвшій чайникъ. Когда я вспомнилъ вчерашній ночлегъ, мнѣ показалась эта отложина чуть не райскимъ уголкомъ. По крайней мѣрѣ, хоть и сыро, и холодно, да свинья не хрюкаетъ около, и тяжелый паръ отъ ея навоза не

окутываетъ тебя удушьемъ. Гдѣ-то далеко-далеко, на турецкихъ позиціяхъ, слышался печальный и медлительный рожокъ горниста. Лица моихъ спутниковъ то выступали изъ темноты мертвыми призраками, когда блѣдный свѣтъ прожектора ложился сюда, то уходили опять... Я ужъ не помню, долго ли мы лежали такъ, прислушиваясь къ говору затихающихъ биваковъ и вспоминая дорогихъ и милыхъ людей, до которыхъ сейчасъ ни по почтѣ, ни по проволокѣ не долетитъ вѣсть о насъ. Какъ вдругъ около послышался мягкій шорохъ опанокъ по податливой землѣ, и свѣтъ прожектора въ эту минуту какъ разъ выхватилъ изъ мрака нѣсколько тусклыхъ лицъ. Я приподнялся. Солдаты изъ передовой цѣпи. Сумрачныя, усталыя лица. Между ними посреди — сѣрый колпакъ и куртка защитнаго цвѣта. Изъ-подъ колпака плоское лицо съ раскосыми растерянными глазами. Безусый ротъ. Приземистая, крѣпкая фигура. Исправные сапоги, — не опанки, какъ у болгаръ. На плечѣ у одного изъ конвоировавшихъ его солдатъ два ружья. Одно маузеровское, турецкое.

— Въ чемъ дѣло?

Сѣрый колпакъ крестится.

— Ты христіанинъ?

— Болгаринъ. Родомъ изъ-подъ Адрианополя.

— Ушелъ отъ турокъ?

— Насъ забрали до войны и записали въ войска. Я бы служилъ, но видѣлъ, что турки дѣлали съ нашими деревнями. И потомъ я не могу стрѣлять въ своихъ братьевъ. А позади стоитъ юзь-баши (капитанъ), и если ему кажется, что прицѣлъ взять невѣрно, убиваетъ насъ изъ револьвера. Такихъ уже нѣсколько легло подъ Бунаръ-Гиссаромъ. Все

равно, умирать, — такъ лучше здѣсь, между своими.

— У васъ много христіанъ на позиціяхъ?

— Сейчасъ осталось мало. Очень мало. Многихъ перебили: одни уходили за цѣпь, которою насъ окружаютъ послѣ каждаго боя. Другихъ перевели на позиціи къ Константинополю. Говорятъ, если наша армія здѣсь будетъ разбита, нашихъ всѣхъ не пожалѣютъ. А у меня въ Херменли дѣти и жена. Пропадутъ безъ меня.

— Какъ же тебѣ удалось уйти?

— Наши изъ Еникіоя шли въ Ясойрень, гдѣ «внизу» у турокъ большія силы. Вечеромъ третьяго дня, когда стемнѣло, я немного отсталъ.

Тамъ отвратительный перепутавшійся колючій дубнякъ, сквозь который я едва продираюсь всѣ эти дни. Ровный, сплошной, ставшій на мѣстѣ старыхъ вѣковыхъ лѣсовъ большою неодолимою чащей. Пути въ немъ прорубаются, — иначе здѣсь не пройдешь. Христо упалъ въ этомъ дубнякѣ, отползъ въ сторону. Мимо съ громкимъ говоромъ шла его рота. Когда шорохъ ея затихъ вдали, онъ — въ противоположную сторону. Угадывая впереди отставшихъ, лежалъ плашмя. У турокъ есть много умершихъ отъ болѣзней, валяющихся такъ. Одинъ аскеръ ткнулъ его прикладомъ. Христо не шевельнулся. Хорошо еще, что не штыкомъ! А то бы я не видѣлъ этого призрака въ блѣдномъ блуждающемъ лучѣ прожектора.

Бѣглець шелъ цѣлую ночь и къ утру миновалъ турецкую передовую линію между Лазарикіоемъ и Уржумю. Проползъ мимо форта надъ Кестеникомъ. Тутъ ужъ ему пришлось весь этотъ яркій солнечный день пролежать во рву, гдѣ еще осталась по-

росль. Скаты холмовъ между турецкими и болгарскими позиціями выжжены, и на ихъ голыхъ плѣшинахъ движеніе даже ползущаго человѣка легко отличить. По пути, во рву, онъ слышалъ надъ собою гортанные голоса турецкихъ патрулей и ни живъ, ни мертвъ припадалъ къ землѣ, старался впитаться въ нее, разъ въ сосѣдствѣ съ громадной сѣрой, свившейся въ кольца, ядовитой змѣей, которыхъ здѣсь такъ много, что мы ихъ то и дѣло находили даже и на дорогѣ. Змѣя шипѣла, крутилась, подымала надъ свернувшимся въ комокъ тѣломъ длинную шею, протягивала къ нему раздвоенный языкъ, пока онъ, осмѣлѣвъ, не схватилъ ее и не задушилъ. Когда смерклось, онъ проползъ свои передовые посты, цѣпь охраненія и издали еще началъ кричать болгарскимъ часовымъ:

— Не стрѣляйте, братцы, свой идетъ . . .

— Теперь я не знаю, цѣлы ли моя жена и мать! Я видѣлъ за Чорлу, какъ турки убили цѣлую семью, изъ которой двое братьевъ служили въ ихъ арміи. Они не смотрятъ на это, не разбираютъ . . .

А рядомъ съ нимъ едва выдѣлилось изъ темноты некрасивое лицо съ прищуренными глазами. Турокъ изъ Исмида. Онъ тоже бѣжалъ отъ своихъ и сейчасъ щеголяетъ въ хаки. Его не тронули. Кормятъ, хорошо обращаются . . . Этотъ «косолапый врагъ» привязался къ болгарскому полковнику Васильеву. Привязался и слѣдуетъ за нимъ, какъ собака за своимъ хозяиномъ. Смотритъ ему въ глаза, угадываетъ каждое его желаніе и, кажется, уже считаетъ себя неотъемлемою принадлежностью его славнаго и доблестнаго 19-го полка. Что жъ, вѣдь, это простой селякъ изъ Исмида. Я помню, въ прошлую войну подъ Шейновымъ, какъ турецкій

бимъ-баши (майоръ), взятый въ плѣнъ, самъ себя откомандировалъ въ ординарцы къ Скобелеву и не только свято исполнялъ подъ турецкимъ огнемъ приказанія непріятельскаго вождя, но и своихъ аскеровъ полосовалъ нагайкой черезъ голову . . . И это былъ не трусъ. Потомъ Вейсиль-паша его аттестовалъ какъ храбрѣйшаго изъ храбрыхъ. Но турокъ и по корану служить «побѣдителю».

Ночь стыла. Рогъ молодого мѣсяца уходилъ. Меланхолическія трубы заснули въ турецкомъ лагерѣ. Ни съ того, ни съ сего, именно сдуру, ахнуло оттуда орудіе, но тяжелый мракъ даже не вздрогнулъ отъ неожиданнаго удара. Слышно было, какъ въ темнотѣ лошади обмахиваются хвостами. Гаснетъ, точно уголекъ подъ золой, говоръ засыпающихъ людей. Внизу, тамъ, гдѣ не видно непріятеля, желтыми пятнами въ туманѣ пылаютъ костры, и рядомъ солдатъ насвистываетъ, точно горная волянка, грустную, милую родную пѣсню . . .

LX.

Изъ-подъ Силиври вѣсти.

Это ужъ изъ первой арміи.

Тамъ турки до такой степени не ожидали стремительнаго болгарскаго набѣга, что оставили спокойно трехъ англійскихъ корреспондентовъ и двухъ нѣмецкихъ.

— Не торопитесь! У насъ есть еще шесть-семь дней. Болгарская армія послѣ пятидневнаго боя, навѣрное, долго будетъ отдыхать.

Силиври — чудесный уголокъ. Голубое Мраморное море, безоблачное небо, красивые удобные дома, свѣжая рыба, виноградъ, отличное греческое

вино и еще отличнѣе очаровательныя гречанки. Корреспонденты только что расположились на хорошихъ квартирахъ. Вы, вѣдь, и понять не можете, что это за прелесть послѣ дымныхъ лачугъ, ночлеговъ на сырой землѣ и хлѣбовъ въ пріятномъ обществѣ свиней и буйволовъ! А тутъ кровати съ настоящими постелями да еще по-эллински, съ шелковыми простынями и такими же одѣялами и подушками. Окна настезь, и оттуда ласкается утомленное тѣло мягкій, теплый, нѣжный воздухъ ласковаго моря. Только что заснули гг. корреспонденты — трескъ и гвалтъ. Точно взбѣсилась улица. Корреспонденты такъ и поняли, что турки вернулись. Надѣли фески и, выскочивъ, попали прямо въ лапы... болгарскаго развѣзда. Не будь фесокъ, — другое дѣло. Но феска знаменуетъ на Востоку турецкое подданство. Гг. корреспонденты оказались еще и вооруженными. Имъ до разрѣшенія вопроса руки назадъ, на коней — и пожалуйста въ штабъ.

— Тамъ разберутъ.

По пути одинъ изъ нихъ началъ орать на конвой.

— Что, вы воюете съ корреспондентами, что ли? Я — англичанинъ, вы обязаны меня выпустить. Моя фамилія Гамильтонъ. Я участвовалъ со стороны японцевъ въ манчжурской войнѣ. — И т. д. весь свой послужной списокъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, пожалуй, онъ въ своемъ резонѣ.

Народъ войники — наивный.

Можетъ быть, у англичанъ особыя права.

А вдругъ это переодѣтый турокъ, да и не переодѣтый, — вѣдь, онъ въ фескѣ... Вѣдь, и турецкіе офицеры тоже говорятъ на чужихъ языкахъ.

Но вопросъ этотъ рѣшить легко. При каждомъ туркѣ имѣется самой природой выданный и въ дѣтствѣ муллою подписанный и скрѣпленный документъ. . . Одинъ изъ всадниковъ разѣзда раскрылъ сумку мистера Гамильтона, осмотрѣлъ его документы, и — о диво дивное! — у англичанина оказался настоящій показатель правовѣрнаго мусульманина. . . Сомнѣній уже никакихъ не было, и, несмотря на протесты великобританскаго гражданина, его своеобразное «*civis romanus sum!*» было отвергнуто. Его привязали къ лошади и въ такомъ видѣ доставили въ первую армію.

Дальнѣйшая судьба злополучнаго и знаменитаго автора «Войны въ Манчжуріи» мнѣ неизвѣстна.

LXI.

Въ горной тущобѣ затерялась рота. Шла въ обходъ турецкой позиціи по невозможнымъ трясинамъ, миновала уже нѣсколько лощинъ, взбиралась на отвѣсы, гдѣ передъ нею каменными стѣнами вдругъ поперекъ пути подымались черные утесы. Давно уже слѣдовало быть здѣсь оставленной бѣдной деревушкѣ Ормакіой у рѣчки, точно схоронившейся въ подполье, — въ глубокой холодной ровъ, съ почти недоступными откосами. Вышла рота, пока было еще свѣтло, и на первыхъ порахъ путь ея шелъ какъ и на картѣ. Вдали были замѣтны смутныя вершины, на которыя можно было держать направленіе. Но когда солнце зашло и его багровый прощальный огонь отгорѣлъ на Дервишъ-баирѣ, — солдаты, должно быть, сбились съ дороги. Небо скоро заволокли тучи. Ни одной звѣзды вверху. Ночи стояли безлунныя, и

съ компасомъ въ нихъ ничего не поймешь! Берешь на юго-востокъ правильно, — уже съ часъ, должно бы быть безлюднымъ кыштамъ подъ высокими тополями и фиговыми деревьями, — а волы слѣды все выются то вправо, то влѣво, приводя въ отчаяніе усталыхъ людей. Вѣдь на этомъ чортовомъ просторѣ немудрено не только заплутаться, — это бы еще ничего, — а и влѣзть въ турецкія позиціи. Ихъ вѣдь не угадаешь. Тоже знаютъ, что болгары близко, — и не жгутъ костровъ. Вчера цѣлый батальонъ ихъ аскеровъ попалъ подъ неожиданный ударъ. Въ туманѣ различили желтыя, мутныя пятна костровъ. Пошли на нихъ, и не успѣлъ низамъ опомниться, какъ у нихъ отхватили восемь полевыхъ орудій и два пулемета. Турки едва успѣли скинуться внизъ, въ лощину, и по ней проползти куда-то въ сплошное царство безглазой ночи, оставивъ на скатахъ нѣсколько убитыхъ. Какъ бы заблудившейся ротѣ не попасть въ западню. Вѣдь по прямому фронту, въ обходъ котораго пошла она, чего только не нагорожено у Абдуллахъ-паши. Чего-чего, а траншей и ложементовъ у него, вѣрно, цѣлая паутина, и сидитъ онъ въ ней, какъ паукъ, жаждущій добычи, подстерегающій ее.

Мѣсять грязь болгары, путаются въ ней. Ноги въ опанкахъ уходятъ по колѣно въ липкую, вязкую слизь... Тамъ, снизу, точно чьи-то цѣпкія руки схватываютъ и не пускаютъ. Едва отдернешь, оторвешь отъ нихъ ступню, какъ сейчасъ другая попадала туда тоже. Выбились изъ силъ. Поди, сорокъ верстъ отмахали. На обыкновенномъ пути дома ничего. Это со стороны только и страшно, а на дѣлѣ и не такія разстоянія одолѣ-

вали. Скверно другое: не исполнишь данной задачи, — и весь планъ завтрашняго боя спутаешь. Ротный командиръ загодя рѣшилъ: онъ не переживетъ неудачи. На него понадѣялись, ему повѣрили, а онъ, какъ слѣпой, заплутался въ этихъ проклятыхъ трущобахъ. Все равно, и въ бою можно быть убитымъ!.. Пулю въ лобъ себѣ, — и никакихъ упрековъ чуткой совѣсти. Развѣ на-дняхъ не то же сдѣлалъ его другъ? Приказали ему передать что-то дравшемуся батальону, поручикъ поѣхалъ туда и не нашелъ его!.. Показалось, что онъ потерялъ путь, заблудился, и не встрѣтилъ своихъ. Легче было самому лечь на влажныя поля, какъ раскинулись эти трупы кругомъ, чѣмъ вернуться къ командиру отрядомъ. Написалъ нѣсколько словъ и пустилъ себѣ пулю въ ротъ. Днемъ подняли его, а къ вечеру оказалось, что не онъ не отыскалъ полка, а сосѣдній генералъ потребовалъ полкъ себѣ на помощь. Капитанъ вспоминалъ спокойное лицо этого молодого офицера, такого молчаливаго, невозмутимаго. Вотъ ужъ, именно, отъ него никто не ожидалъ такого конца. «Я казнилъ себя потому, что не умѣлъ исполнить свой долгъ»... Вѣдь и онъ, капитанъ, тоже не сдѣлалъ того, что ему приказано. И старому офицеру нельзя жить послѣ такого срама!

Шла рота, шла...

Солдаты понимали: дѣло плохо.

Никогда еще не бывало, чтобы ихъ офицеръ такъ мотался то вправо, то влѣво, отыскивая потерянную дорогу. Останавливался, думалъ. Совѣтовался со своими субалтернами, звалъ фельдфебеля. Въ темнотѣ зеленымъ огонькомъ вспыхивала спичка надъ картой подъ целулоидомъ его

походной сумки. Въ безвѣтріи огонекъ вытягивался, выхватывая изъ мрака круглый носъ и сѣдющіе усы. Чьи-то очки тускло блестѣли надъ той же картой. По нѣсколько минутъ совѣщались и потомъ опять двигались вправо. Но версты тянулись за верстами, удлинялись въ безконечность, а горы, помѣченной на картѣ, не было. вмѣсто нея рота вдругъ, спотыкаясь, скользнула въ сырое логово и тамъ попала въ холодную, ночью не видную рѣчонку. Шла по ней, плещась въ мелководьѣ... Гдѣ она, эта проклятая деревушка Ормакіой, съ ея пологою вершиной?

Впереди двигалось нѣсколько солдатъ. Далеко впереди!

Какъ бы и они не пропали!

Капитанъ ихъ давно не видитъ. Сначала слышалъ чмоканье ихъ ногъ въ вязкой грязи, а потомъ и оно замерло. Можетъ быть, и они зашли въ сторону. Мудрено ли затеряться въ такой непрогляди! Приостановилъ роту вздохнуть. Послышался тихій, крадущійся говоръ, точно это не люди между собою, а какой-то шорохъ ползъ по землѣ. Кто-то запалилъ папирску!

— Эй, не пушать!¹.. Нельзя!

Слабая золотая точка, вспыхнувшая было въ темнотѣ, погасла. Чьи-то шаги впереди. Громче, ближе... Видимо, сбиваются въ скользкой трясинѣ, расползаются.

— Это ты, Железко?

— Такъ точно, господинъ капитанъ.

— Одинъ?

— Да, остальные тамъ остались.

---

¹ Пушать — курить.

— Нашель что-нибудь?

— Огни.

— Значитъ, опять не Ормакiой?

— Я пробрался къ огнямъ. У огня турки рюются. Насъ не ждутъ, — болтають.

— Погодите меня.

Осмотрѣлъ револьверъ. Не положилъ его обратно въ кобуръ. Въ рукахъ держитъ. Хорошо, что онъ и самъ, какъ его солдаты, въ опанкахъ. Не слышно. Коть громче крадется. Ночь проглотила обоихъ. Теперь ни его, ни солдата не видно. Рота одна осталась и смолкла, какъ мертвая. Ни штыкъ со штыкомъ не встрѣтятся, ни дуло не задѣнетъ дула. Точно здѣсь, въ нѣдрахъ этой сплошной темени, ничего живого, дышащаго, тоскующаго, вѣрующаго, ожидающаго. Грязь да мракъ, и только. Не всполохнется холодная, слѣпая ночь.

Шель, шель капитанъ и точно къ землѣ прирость.

Что ему до болотины, засасывающей его опанки, хоть съ каждымъ мгновеньемъ онъ все глубже и глубже въ нее уходитъ. Вотъ ужъ вязкая, холодная масса и колѣни схватила. Онъ оторваться не можетъ отъ семиглазаго чудовища передъ собою. Семь огней, — семь костровъ, и на ихъ пламени мелькаетъ порою черное. Слышны лопа-ты, хлюпающія въ слякоть... Скрипятъ громад-ные колеса. Ничего не ждутъ здѣсь турки. Орутъ возчики на чуть не издыхающихъ коней, что-то съ той стороны снизу тащатъ вверхъ, сбѣгаются къ этому чему-то люди. Кто-то пронзительно рѣзко командуетъ. Гаснетъ ругань, и порою тяжелое, какъ будто неодолимое, подхваченное сотнями рукъ, трудно и нудно катится впередъ, и ря-

домъ съ кострами обрисовываются длинныя очертанія...

— Это они пушки ставятъ...

Оттуда ползеть кто-то.

Богъ, — и Тотъ бы его не услышалъ.

Капитанъ разобралъ своего солдата, когда тотъ поравнялся. И солдатъ, не ожидая его, откинулся. Пожалуй, крикнулъ бы, не схвати его офицеръ за горло.

— Молчи!..

И едва внятно:

— Что тамъ?

— Турки шестое орудіе ставятъ.

— А гдѣ у нихъ прикрытіе?

— Позади. Тамъ сухо, въ дубнякъ легло...

— Хорошо. Поди къ поручику Шишманову, прикажи ему идти сюда съ ротой. Тише червяка, ползущаго по землѣ. Пусть раскинетъ цѣпь, чтобы войникъ не столкнулся съ войникомъ.

А самъ не отрывается отъ разгорающихся костровъ.

Вонъ на желтомъ фонѣ одного черныя колеса и между ними длинное тѣло стального орудія... Шесть орудій!.. Больше не поставятъ. У нихъ, вѣдь, устройство нѣмецкое, а тѣ свою артиллерію, случается, разбиваютъ на четырехъ-орудійныя батареи... Пристально всматривается капитанъ. Обойти не удалось, — но если его рота выручитъ въ эту ночь, ему удастся избѣгнуть позора. Тамъ позади!.. Сколько у нихъ въ прикрытіи?.. Да, впрочемъ, когда же онъ въ такихъ случаяхъ считалъ!..

— Атанасовъ!

— Приказывайте, господинъ капитанъ.

— Если бы ты могъ зайти къ нимъ въ тылъ, узнать, сколько тамъ непріятели. Только помни, — услышатъ тебя, мы всё погибли! . .

Быль солдатъ, — и нѣтъ его.

Точно это не онъ сейчасъ стоялъ здѣсь, а такъ только мерещилось возбужденному во мракѣ глазу. Только шорохъ вдали.

Капитанъ одинъ теперь.

Онъ весь прикованъ къ этимъ кострамъ.

Роютъ амбразуры. Въ нихъ вдвигаютъ орудія... Громко заржала тамъ лошадь, другая отвѣтила ей. Шорохъ лопатъ все громче и громче. Работаютъ, ничего не боясь. Никого не ожидая. Даже и охраненія впередъ не выставили... Кому же подойти сюда въ царствѣ неоглядной ночи... Капитанъ слышитъ, какъ у него бьется сердце. Такъ стучитъ въ грудную клѣтку, что ему кажется — впереди, у костровъ, тоже различаютъ эти звуки... И вдругъ неудержимо захотѣлось крикнуть на весь этотъ просторъ, на всю эту ночь. Хоть разъ, хоть на мгновенье! И онъ прижалъ даже ротъ ладонью... Едва справился съ собою.

Едва совладалъ съ размотавшимися за всю эту ночь нервами. Господи! Какъ они медлятъ. Вѣдь ужъ сколько прошло? Можетъ быть и мало, очень мало, но ему это малое вытягивается струною въ цѣлую вѣчность, и струна эта трепещетъ больно отъ самаго сердца его куда-то въ страшную недосягаемую даль.

Ахъ, скорѣй бы, скорѣй . . .

Затекли ноги, хотѣлъ было вырвать ихъ изъ этихъ цѣпкихъ рукъ вязкой земли. Не выпускають!

Нѣтъ, рота, кажется, никогда-никогда не подойдетъ.

Сколько отсюда до этой, точно изъ земли выросшей подъ пламенемъ костровъ, батареи? На глазъ — шаговъ шестьсотъ, не больше... Вѣдь съ такого разстоянія болгары обыкновенно бросаются въ атаку, и турки до сихъ поръ никогда не выдерживали ея.

— Господинъ капитанъ.

Когда дозорный вернулся?

Весь погруженный въ свои мысли, капитанъ даже не слышалъ его.

— Ну, что?

— Тамъ больше роты. Гораздо больше. Ихъ линіи далеко... А снизу еще везутъ орудія и идутъ войники...

— А нашихъ нѣтъ!..

Отъ костровъ отдѣлился турокъ, идетъ сюда. Пока шелъ въ полосѣ огня, его было видно, а сейчасъ исчезъ. Какъ бы его не нанесло на капитана! Нѣтъ... Вотъ онъ опять выросъ черный на желтомъ, остановился тамъ... Еще фигуры, цѣлая войсковая часть переходитъ съ ихъ лѣваго фланга на правый. Капитанъ считаетъ отдѣльныхъ людей. Но позади костровъ тоже идутъ. Вѣроятно, хотягь нарыть здѣсь крѣпкую позицію... Слава Богу. Въ шумѣ нисколько не прячущагося неприятеля и его рота подойдетъ сюда неслышно. Какъ это хорошо! Никто изъ нихъ тамъ даже и не считаетъ возможнымъ, чтобы болгары были такъ близко.

Тихо-тихо подходятъ его солдаты. Первый разъ эта вязкая грязь сослужила ему великую службу. Въ ней тонетъ шорохъ разбросан-

ной длинными цѣпями роты. Капитанъ вернулся къ нимъ навстрѣчу. Въ этой слѣпой тьмѣ его было не замѣтили. Онъ едва различаетъ лица ближайшихъ. Третьяго, четвертаго онъ едва угадываетъ. Шопотомъ передаетъ приказаніе сосѣду, тотъ слѣдующему, и, точно легкій вѣтерокъ вздохнулъ въ мягкой травѣ, — команда бѣжитъ по рядамъ и перекидывается назадъ въ слѣдующіе. Костры уже недалеко. Ихъ желтыя пятна растутъ, опредѣляются. Теперь это уже не пятна. Въ нихъ видны мѣняющіяся очертанія огня, его взрывы, уносящіеся вверхъ колеблющіеся красные языки, золотыя брызги искръ, когда сырое дерево трескается въ этомъ огнѣ. Теперь ужъ близко, близко. Вѣрно, еще нѣсколько шаговъ, и онъ наткнется на сторожевую цѣпь. Можетъ быть, пора, какъ головню въ солому, бросить команду? Нѣтъ, еще, еще минуту. Вѣдь каждая приближающая его роту къ непріятелю является еще большимъ залогомъ побѣды... Еще, еще минуту... Въ эту минуту они продвинутся шаговъ на сорокъ-пятьдесятъ... И вдругъ... Неужели тамъ почували... Въ сторожевой цѣпи послышался выстрѣлъ, другой. У костровъ замелькали черныя тѣни. И не успѣли еще онѣ свернуться въ стройныя звенья, капитанъ не своимъ голосомъ, хрипло и грозно крикнулъ:

— Въ бой, на-ножь!..

— Въ бой, на-ножь!..

И точно разомъ ожилъ мракъ, ожили невидимыя горы, лощины, скаты и своими каменными устами повторили:

— На-ножь, на-ножь, на-ножь!..

Ночь родила демоновъ, демоны ринулись вле-

редь къ золотымъ кострамъ. Онъ бѣжитъ впередъ, его толкають, обгоняють. Со всѣхъ сторонъ слышится: «На-ножь, на-ножь, на-ножь!». И тамъ, у костровъ, какія-то черныя волны поднимаются навстрѣчу разсѣянно, беспорядочно... Сколько мгновений прошло? Его люди ужъ тамъ. Вскипаетъ ужасный штыковой бой, равнаго которому нѣтъ во всей этой войнѣ, настоящей ударъ торжествующей смерти, беспощадный, неотразимый, противъ котораго, кажется, не устоятъ первозданные утесы. «На-ножь, на-ножь!» — это звучитъ ужъ торжествующе. Безъ выстрѣла кинулась боевая часть, не расходовала своей силы, напора, налета, стремительности на остановку, прицѣль, трескотню пачекъ. Все въ напряженіи руки, держащей ружье съ примкнутымъ къ нему ножомъ... При свѣтѣ костровъ капитану чудятся жалкіе, ошеломленные люди. Они смятенно бѣгутъ во всѣ стороны. Нѣкоторые хотятъ уйти отъ удара и напарываются на него, другіе падаютъ, и опанки роты втапываютъ ихъ въ грязь. Оттуда изъ-за костровъ, точно сухой хворостъ ломаетъ буря — беспорядочные выстрѣлы сослѣпу, со страху, на-спѣхъ, на-удачу, и по нимъ старый офицеръ читаетъ растерянность врага и уже угадываетъ побѣду... Все свалалось вмѣстѣ въ живой валъ, который колеблется вправо, влѣво, впередъ, назадъ. Откидывается и вновь возвращается, разбивается на отдѣльныя кучки, свивается... А желтое пламя уже выхватываетъ изъ темени смуглыя лица, фигуры во всѣхъ положеніяхъ, съ закинутыми прикладами, съ ножами, направленными впередъ, съ дуломъ въ рукѣ, широко размахнувшейся, чтобы описать кругомъ смертоносную дугу. Въ

солдаты сжались въ живые комки, чтобы какъ можно меньше оставлять мѣста дождю, засыпали. Одинъ капитанъ ходилъ впереди, прислушиваясь къ зловѣщему, загадочному молчанію таинственной дали.

LXII.

Со всѣхъ сторонъ встревоженное и оторопѣвшее воронье оглашаетъ дали неистовыми криками: «Балканскій союзъ колеблется, онъ не переживетъ войны; ужъ и сейчасъ замѣтны въ этомъ «скоропѣломъ» зданіи опасныя трещины». Особенно австрійскія черныя птицы! Тѣмъ, вѣдь, это едва ли не первое за пятьсотъ лѣтъ настоящее торжество славянской независимости — набать близкой опасности. Кто, кто, а они похоронили бы «великое единеніе» съ радостью неопикуемой. Понятно, что тѣ же неистовые лгуны, оповѣщавшіе на весь міръ о «варварствахъ», болгаръ и сербовъ къ этому лейтмотиву теперь приобщили и другой — вражду македонянъ къ сербамъ, развалъ союза, неистовства офицеровъ и солдатъ короля Петра въ Скопле, Битоли, Кумановѣ. Нѣтъ дыма безъ огня, но въ данномъ случаѣ уголекъ приняли за пожарище. Я мѣсяць назадъ выѣхалъ изъ Софіи, гдѣ завязанъ главный узелъ балканскаго союза. Тамъ мнѣ случилось познакомиться не только съ жожаками общественныхъ и политическихъ теченій, но и съ людьми, стоящими сейчасъ во главѣ управленія страной, и не только познакомиться, но и подолгу бесѣдовать съ ними. При этомъ отношеніе ко мнѣ было совсѣмъ особое. Меня считали своимъ. Въ памяти у всѣхъ остаются еще 1877—78 годы, и во мнѣ видѣли одного изъ тѣхъ — увы! — рѣдкихъ.

людей, которые пережили эту эпоху. Со мною не стѣснялись и мнѣ не лгали. И какъ общій выводъ изъ всего, что я слышалъ отъ Дуная до Чаталджи, могу выразить полное и непоколебимое убѣжденіе, что величайшее изъ событій послѣднихъ сорока лѣтъ — балканскій союзъ не только незыблемъ теперь, но и останется послѣ того, какъ замолкнетъ ревъ орудій и трескотня маузеровъ и манлихеровъ, такимъ же. Болгарія, пока доминирующая въ немъ, пойдетъ на всѣ жертвы, чтобы сохранить положеніе дѣль, давшее славянскимъ народамъ Ближняго Востока блистательный рядъ побѣдъ, вернувшее имъ половину родныхъ земель, хищнически отнятыхъ врагами. Въ загадочной дали будущаго, гдѣ все такъ смутно, призрачно, неопредѣленно, для меня ясно только одно: балканскій союзъ выросъ на этой благодарной почвѣ не такъ, какъ поднимаются на ней красивые, но слабые цвѣты-годовики. Вѣдь, корни его давно сплетались въ тайникахъ отъ Софіи до Бѣлграда, отъ Бѣлграда къ Цетинье и отбрасывали цѣпкія руки на весь этотъ край. Нѣтъ, я, какъ сейчасъ, вспоминаю сильное и опредѣленное выраженіе одного изъ крупнѣйшихъ дѣйствующихъ лицъ нынѣшней Болгаріи: «Мы скорѣе съ кровью отдеремъ у себя часть своего тѣла и уступимъ ее союзникамъ, чѣмъ дадимъ врагамъ великую радость видѣть наше единеніе расползающимся, какъ старая рвань». Союзъ молодъ, силенъ, онъ весь въ ростѣ и накопленіи творческихъ соковъ. И дѣйствительность какъ нельзя лучше подтверждаетъ это. Жадность Австріи и малодушіе русской дипломатіи отняли у сербовъ отвоеванный ими выходъ къ Адриатическому морю, и мы видимъ, что противъ занятія

Сербіей части болгарской Македоніи здѣсь не подъялся ни одинъ вліятельный голосъ. Софія готова помириться съ этимъ, лишь бы побѣдоносная братская страна не почувствовала себя обойденной. Македонцы противъ нея. У меня въ Софіи были ходоки изъ Скопле. Они неистовствовали, говоря о занятіи ихъ края сербами, являлись къ Гешову, клялись, что ихъ сограждане никогда не примирятся съ «чужимъ» владычествомъ. Народъ, озлобленный вѣковою тираніей, весь сочащійся кровью отъ ранъ, оставленныхъ на его тѣлѣ вчерашнимъ палачомъ, ослѣпшій отъ слезъ и ненависти, нервный, возбужденный, непримиримый. И вы знаете, какую встрѣчу эти ходоки нашли въ Софіи? Имъ отвѣтили: «Мы сомнѣваемся въ томъ, что вы говорите правду. Мы скорбимъ вмѣстѣ съ вами. Намъ тяжело и больно ваше горе, но то, что вы рассказываете, неизбѣжно въ каждой народной войнѣ, въ переплетахъ крайне натянутаго племенного соперничества, въ поспѣшности сохранить за собою то, что считается достойнымъ возмѣщеніемъ за принесенныя жертвы... Но все это — ничто. Мелочь въ сравненіи съ великою задачей — укрѣпить, поднять на высоту, сдѣлать навѣкъ незабываемымъ и грознымъ нашему общему врагу балканскій союзъ. Вернитесь домой и скажите: мы братски сговоримся съ сербами, какъ облегчить вашу участь, но и вы будьте готовы къ самоотверженію, помните, что славянству нужнѣ всего единеніе. Сейчасъ идетъ рѣчь не объ одномъ какомъ-нибудь городѣ, околѣи, области, а обо всей совокупности родныхъ племенъ, о всемъ будущемъ общей нашей матери «Славы». Въ семьѣ бываютъ обиженные мимоходомъ дѣти, но отъ этого она не распадается».

И такое отношеніе здѣсь вы видите вездѣ. На боевыхъ позиціяхъ, напримѣръ подѣ Адрианополемъ, тамъ, гдѣ сербы и болгары стояли на общихъ бивакахъ, я невольно радовался, наблюдая ихъ взаимныя отношенія. Это была одна общая семья. Къ костру съ болгарами подходилъ, какъ свой къ своимъ, сербъ; къ сербскому котлу присаживался болгаринъ. Тѣ и другіе солдаты гуляли объ руку, вмѣстѣ пѣли свои пѣсни и — идиллія, понятная только на наивномъ славянскомъ Югѣ, — украшали другъ друга, пока еще были цвѣты, поздними осенними вѣнчиками, а потомъ какою-нибудь пустою ленточкой. Отношеніе начальства — то же самое. Тутъ была не одна предупредительность, но и намѣренное нежеланіе не замѣчать толчковъ и локтей, которые у нѣкоторыхъ, разумѣется, поставлены слишкомъ врозь, наотлетъ. Вѣдь, не всѣ же считаются съ сосѣдскими боками. Даже до крупнаго. Я знаю примѣры взаимныхъ и довольно-таки сильныхъ оскорбленій хотя бы въ Мустафѣ-пашѣ, которыя не только замалчивались и сглаживались, но и обиженный, и виновникъ сходились, прощая и прося прощенія. Все, все приносилось въ жертву одному великому, величайшему дѣлу — сохраненію, укрѣпленію на многая, многая, многая лѣта побѣдоноснаго, долгожданнаго и желаннаго балканскаго союза. Надобна вся слѣпота нашей дипломатіи, чтобъ не оцѣнить этой новой мощи, не связать ея съ судьбами Россіи, не содѣйствовать всѣмъ, даже самымъ дорогимъ, ея росту. Мы всегда заключаемъ союзы не съ живыми, а съ мертвыми, — не потому ли и у насъ такъ много ужъ заражено тлѣніемъ и гнилью?

Одинъ изъ величайшихъ дипломатовъ нашего

времени, царь Фердинандъ, тоже, вмѣстѣ со своимъ правительствомъ, стоитъ на стражѣ такъ дорого давагося его народу балканскаго союза. Государь молодой страны, близко знакомый съ приемами и вождельніями зоркой сосѣдки Австріи и черезъ ея голову заглядывающей въ эгейскія дали Германіи, больше, чѣмъ кто-нибудь, понимаетъ, какой это непроницаемый щитъ — единеніе съ славянскими народами и съ Греціей. Да, и съ Греціей, противъ которой здѣсь такъ много уже накопилось и вражды, и разочарованій. Маленькая, но хвастливая и ненасытная страна уже посѣяла тутъ не мало недовольства и недоувѣрія, но болгарскіе государственные люди терпѣливо разбираются съ ними. Чего проще: рубнулъ — и только. Должно быть, и глупъ, и неостороженъ былъ Гордій. Нѣтъ, здѣсь съ союзниками боятся только одного, — какъ бы изъ-подъ меча не брызнуло кровью. Я думаю, ни одинъ садоводъ не возилъ такъ съ рѣдкимъ, требующимъ пристальнаго ухода драгоценнымъ растеніемъ, какъ политическіе люди, государи и ихъ министры, парламенты и главари общественныхъ теченій Балканскаго полуострова лелѣютъ свой вчерашній союзъ. Я говорилъ о Греціи. Чего несправедливѣе не предусмотрѣнное никакими договорами ея требованіе Салоникъ, естественнаго выхода Болгаріи въ Эгейское море. Но, чтобы союзъ не поколебался, въ Софіи, скрѣпя сердце, — скажу больше: съ величайшимъ горемъ и болью, — была сдѣлана Венизелосу и эта уступка. Тутъ ужъ, дѣйствительно, отодрали кусокъ мяса отъ себя...

Нѣтъ, Австріи не придется радоваться новой славянской бѣдѣ.

Союзъ есть, союзъ и останется. Союзъ съ побѣдоносными боевыми арміями, съ талантливыми и искусными генералами, съ одушевленными великими задачами народами. Сейчасъ это — сила. Но завтра, когда въ его войска вольются сотни тысячъ солдатъ изъ отвоеванныхъ у Турціи областей, онъ сдѣлается грознымъ черному вражескому воронью . . .

LXIII.

Сами виноваты!

Болгары слишкомъ избаловали Европу.

Въ самомъ дѣлѣ: 5 ноября война была объявлена, и не прошло мѣсяца, какъ турки по всему фронту были отброшены. Тымрошъ, Девлень, Юрушъ достались славянской арміи. Лозенградъ, который, по аттестату пресловутаго Гольць-паши, могли взять только нѣмцы, да и то послѣ трехмѣсячной осады, — попалъ въ руки Радко Димитріева. Въ горахъ и ущельяхъ, одолевая ежедневно сорокапятиверстные переходы, этотъ генераль одну за другою одержалъ три побѣды и сейчасъ же вслѣдъ за ними выигралъ между Бунаръ-Гиссаромъ и Люле-Бургасомъ громадное генеральное сраженіе. Задунайскій Скобелевъ гналъ отсюда турокъ до самой Чаталджи. Чтобы уйти отъ паладиновъ новаго крестоваго похода, они усѣивали громадное пространство трупами, бросали на страшномъ пути орудія, пулеметы и сотни тысячъ снарядовъ. Нѣсколько спустя послѣ сплошнаго многодневнаго боя положилъ оружіе Яверъ-паша со своей маленькой, но доблестной арміей. Начались и разгромомъ турокъ завершились кирджалійскія встрѣчи ихъ съ болгарами. Этимъ кончился стремительный и не-

удержимый первый періодъ войны. Что сдѣлали за то же время сербы, — неизгладимо вписано уже въ военную исторію. Какими бы богатырями ни были солдаты родныхъ намъ народовъ, но и они нуждались въ отдыхѣ. Человѣкъ — не автомобиль, да и въ автомобиляхъ на такихъ трясинахъ и бездорожьяхъ изорвались бы шины и испортились цилиндры. Если бы у болгаръ было достаточно кавалеріи, разумѣется, побѣдоносный валъ балканской бури докатился бы до Византіи на плечахъ у турецкой опрoмети. Къ второму періоду войны мы видимъ всѣ арміи этого великаго союза остановившимися у долговременныхъ укрѣпленій безподобнаго Адрианополя и у грозной линіи фортoвъ, соединительныхъ траншей, люнетoвъ и редутовъ Чаталджи, отъ пятиперстнаго озера Деркоса до восьмерки Буюкъ-Чекмеджи, съ заливомъ Мраморнаго моря. Нельзя же было ожидать отъ болгарскихъ генералoвъ, что они ударятъ въ лобъ Адрианополю и будутъ дробить свои желѣзные легіоны о восточныя твердыни въ родѣ Караколь-Нокта. Такихъ позицій штурмомъ не берутъ безъ миллионной арміи, когда можно пожертвовать легко пятьюдесятью или ста тысячами воиновъ. Вспомните Портъ-Артуръ. Вѣдь, это была не долговременная, и даже никакая крѣпость, а японцы похоронили подъ нею около ста восьмидесяти тысячъ солдатъ. Разумѣется, болгары слишкомъ умны, расчетливы и предусмотрительны, чтобы вспышкамъ театральнаго героизма жертвовать своей арміей. Теперь такія крѣпости осаждаются, берутся изморомъ, но не штурмуются. Времена Суворовыхъ прошли. Тактика съ тѣхъ поръ совершенно измѣнилась. Нынѣшніе способы защиты долговременныхъ укрѣпле-

ній таковы, что для овладѣнія ими нужны миллионныя арміи. Онѣ и будутъ у балканскаго союза, но послѣ войны, когда въ его границы вольются новыя, густо населенныя области. Сейчасъ и болгарамъ, и сербамъ надо беречь свои доблестныя полки хотя бы отъ задунайскихъ черныхъ птицъ, каркающихъ оттуда на свѣтлый праздникъ молодыхъ народовъ.

Разумѣется, войнѣ былъ бы уже конецъ, если бы союзъ не сдѣлалъ большой ошибки.

Къ счастью, не роковой.

Она только отсрочила торжество свободы и независимости, но вовсе не отмѣнила его.

Я говорю о перемиріи и о переговорахъ въ Лондонѣ.

Надо было вмѣстѣ съ условіями перемирія тамъ же, въ Чаталджѣ, установить и основы мира. Сейчасъ же и заключить его, чего и добивались турки, умолявшіе д-ра Данева, генераловъ Савова и Фитчева только объ одномъ — кончить войну безъ европейскаго участія и посредничества, какъ можно скорѣе.

Мѣсяць былъ потерянь, хотя арміи балканскаго союза въ это время окрѣпли, численно возросли, больницы опустѣли, выкинувъ въ боевые ряды выздоровѣвшихъ, обильные припасы доставлены на восточный фронтъ, минныя роты со всѣми своими боевыми снарядами дошли до береговъ Эгейскаго и Мраморнаго морей и окончили тамъ свое дѣло. Возвращаясь изъ Демотики въ Софію, я по всему пути встрѣчалъ этихъ минеровъ и ихъ транспорты. Молчалъ объ этомъ, чтобы не выдать военнаго секрета. Теперь я слышу и читаю о томъ, что совершено ими.

Въ этотъ мѣсяць войны не было.

Окончился второй актъ.

Австрійскіе и германскіе совѣты сдѣлали свое. Турки пріободрились, отпятились отъ всего, что ихъ уполномоченные Назимъ и Реуфъ-паши обѣщали въ Чатаджѣ.

Война началась опять.

И вотъ со всѣхъ сторонъ слышимъ: балканскій союзъ дѣйствуетъ вяло. Война идетъ замедленнымъ темпомъ. Черныя птицы изъ-за Дуная радуются: народныя арміи устали. У нихъ изсякли одушевленіе и рѣшимость. Къ этому карканью прислушиваются и у насъ отечественныя галки и тоже стрекочутъ: да, вяло, дѣйствительно, вяло...

Болѣе злостной, съ одной стороны, и наивной — съ другой, оцѣнки текущихъ событій я не знаю.

Точно у людей отшибло память!

Позвольте напомнить вамъ: сколько мѣсяцевъ мы потеряли у Плевны? Японцы — у Портъ-Артура? Итальянцы — у глиняныхъ стѣнъ въ Триполи и Киренаикѣ? Вѣдь, болгары и сербы сейчасъ имѣютъ дѣло не съ наскоро съимпровизованными фортификаціями, а, повторяю, съ долговременными укрѣпленіями, за которыми засѣли отлично снабженные всевозможными боевыми запасами гарнизоны лучшихъ войскъ умирающей Турціи. И въ Скутари, и въ Адрианополѣ, и на восточномъ фронтѣ дѣло обстоитъ такъ. Чего же вы ожидали? Чтобы въ три недѣли по возобновленіи военныхъ дѣйствій болгары и сербы совершили здѣсь чудо явленное? Взяли да и проглотили всѣ эти твердыни? Но, вѣдь, чудеса явленные бываютъ только въ открытомъ бою, пожалуй, въ штурмахъ неукрѣпленныхъ высотъ, но не тамъ, гдѣ современное ин-

женерное искусство показало себя стоящимъ на высотѣ неодолимой.

Болгарскіе генералы обладаютъ короткою памятью.

Какъ мулы въ шорахъ, они отлично видятъ все передъ собою, свои прямыя сегодняшнія задачи и совсѣмъ ничего не замѣчаютъ по сторонамъ. Народъ далъ имъ въ руки дивную армію, воодушевленную, отважную и неутомимую. Крезю прислалъ имъ великолѣпную артиллерію. Они прутъ впередъ, нисколько не думая, что направо и налево есть общественныя мнѣнія всѣхъ европейскихъ государствъ, отъ которыхъ зависитъ будущее балканскаго союза. Хорошіе генералы и недалекіе, плохіе граждане! Они не поняли даже и того, что судьба послала имъ рядъ неожиданныхъ побѣдъ и подвиговъ, которымъ рукоплескалъ бы цѣлый міръ, а они отгородились отъ него ширмами бессмысленныхъ запретовъ. Міръ, передъ мнѣніемъ котораго спасовала бы даже ослѣпшая отъ старости и оглупѣвшая отъ десяти тысячъ китайскихъ церемоній дипломатія. Народы, если бы знали, какіе великіе подвиги совершаются сейчасъ паладинами освободительнаго хода, не позволили бы обстричь ихъ побѣдные вѣнки. И именно теперь, въ періодъ несомнѣнныхъ побѣдъ, гг. Савовъ и Фитчевъ рѣшили не пустить туда европейскую печать, въ лицѣ ея боевыхъ корреспондентовъ влюбленную въ славянскія арміи. Они отняли у своего народа счастье быть оцѣненнымъ и вознесеннымъ на невиданную высоту даже его врагами. Меня это не касается, и я могу смѣло говорить о такомъ запретѣ. Гг. Савовы и Фитчевы забыли, чѣмъ Болгарія обязана печати. Не Макъ-Гаханъ ли тридцать шесть лѣтъ

назадъ создалъ громаднѣйшій подъемъ въ пользу замученнаго славянскаго народа, рассказавъ объ ужасахъ, творившихся турками въ свободномъ нынѣ царствѣ Фердинанда? Не онъ ли вмѣстѣ съ Форбсомъ и русскою печатью потомъ поддерживалъ огонь въ этомъ кострѣ, швыряя въ него полѣнья съ полей битвъ въ нашу войну 1877—78 годовъ? Удалось ли бы безъ нихъ заступничество Россіи, подготовлены ли были бы гладстоновская Англія, Франція, Италія признать новыя молодыя государства за Дунаемъ? Едва ли. И потомъ во всѣ тревожные моменты болгарской жизни развѣ на стражѣ ея интересовъ не становились добровольцы печати? Вспомните книги А. В. Амфитеатрова, куда вошли его корреспонденціи оттуда, — «Страну раздора», «Славянское горе» и др. И не онъ одинъ работалъ для молодого, стойкаго, свободнаго и сильнаго народа... Я могъ бы назвать десятки славныхъ именъ. Тѣхъ, кому безъ конца обязана Болгарія.

Да, у болгарскихъ генераловъ односторонній умъ и короткая память...

Оказывая одной рукой великія услуги своей родинѣ, другой они прячутъ подъ полу ея прекрасные трофеи. Я понимаю всякую преувеличенную осторожность, выборъ корреспондентовъ самый строгій, цензуру самую придирчивую. Вѣдь, время военное, исключительное. Но когда начались побѣды, народу нужны его герои, его легенды, — они мнятъ его съ потерями и создаютъ славу и положеніе молодой странѣ въ ряду уже установившихся старыхъ могуществъ. Его школы растутъ на описаніи подвиговъ за свободу и независимость, характеры воспитываются на рассказахъ о личныхъ подвигахъ и гибели его паладиновъ.

За шоры своихъ генераловъ платится ихъ отечество.

«Вялая война, усталая армія, вышептавшіеся вожди, изсякшія средства!»

Въ дѣйствительности — ничего подобнаго.

Чуть не каждый день подъ Адрианополемъ, по всему пространству береговъ Эгейскаго и Мраморнаго морей, подъ Галлиполи болгары или опрокидываютъ вражьи десанты, или разбиваютъ вдребзги образцовые, казавшіеся несокрушимыми форты, или истребляютъ атакующія ихъ новыя дикія орды, которыя сюда перебросила Порта изъ глубины Азіи. Официальная печать кратко, тускло и бездарно сообщаетъ объ этомъ, но кто же и гдѣ вѣрить официальной печати?

Окончательная побѣда, послѣдній разгромъ Турціи надвигается съ изумительною быстротой...

Вѣдь, оцѣните то, что совершается хотя бы подъ Галлиполи. И это все — «замедленный темпъ», «ослабѣвшая армія», «изсякшая энергія»?

Ни того, ни другого, ни третьяго.

Просто ограниченность болгарскихъ генераловъ, великолѣпныхъ военныхъ, но — увы! — близорукихъ и одностороннихъ государственныхъ людей... Генераловъ съ короткою памятью, не знающихъ даже исторіи своей страны... Генераловъ, играющихъ въ руку Австріи и Германіи.

Да, но нѣтъ вялой войны, нѣтъ замедленнаго темпа.

Вѣдь, съ тѣхъ поръ, какъ делегаты изъ Лондона разѣхались по домамъ, не прошло и трехъ недѣль, а болгарская армія ужъ уничтожила добрую треть адрианопольскихъ фортовъ и докатилась до Галлиполи... Туркамъ за это время не удалось

ничего! Будьте же, наконецъ, справедливы и не повторяйте злостнаго и клеветническаго карканья австрійскихъ черныхъ птицъ. Одни разгромы грозныхъ, поддерживаемыхъ своимъ флотомъ, турецкихъ десантовъ малыми балканскими отрядами могли бы наполнить цѣлые отдѣлы военныхъ хрестоматій... Гдѣ же тутъ вялая война, замедленный темпъ?

LXIV.

Еще недавно ласковое и нѣжное дыханіе Мраморнаго моря отогрѣвало насъ по пути къ Силиври. Окоченѣвшіе отъ сѣверной бory въ Эрменикію, мы ѣхали на югъ, и довольно было сдѣлать нѣсколько верстъ, чтобы византійская Ривьера точно волшебствомъ перенесла насъ въ сказку тепла и свѣта. Съ высокихъ береговъ, до сихъ поръ вѣющихъ яркими легендами великой страны, мы любовались на лазурныя дали, за которыми въ снѣговыхъ вѣнцахъ мерещились малоазійскія вершины — царственные стражи таинственнаго Востока. Далеко на югъ едва-едва проступали холмы Родосто, и за ними угадывалось все охваченное солнечнымъ блескомъ Галлиполи. Казалось, въ эти зимнія дни туда именно ушла райская обитель, и мы невольно завидовали турецкимъ гарнизонамъ, схоронившимся въ ея долины и ущелья. Я припоминалъ ихъ такими, какими видѣлъ нѣсколько лѣтъ назадъ, въ январѣ, отъ Кавака до Майдоса заслонившимися молитвенными кипарисами, дремлющими у тихихъ голубыхъ водъ. Бѣлые минареты, опрокидываясь въ ихъ бездну, чуть дрожали, когда мимо бѣгущій пароходъ возмущалъ ея торжественный покой. Въ Булаирѣ, Базарлыкѣ и

Ялорѣ вѣчная жизнь южныхъ садовъ дѣлала далекой отсюда Сѣверъ какимъ-то невѣроятнымъ кошмаромъ. Между Килидъ-Бааромъ и Кале-Султаніе, гдѣ берега сближаются такъ, что, казалось, довольно прыжка, чтобы очутиться на той сторонѣ Геллеспонта, все было затоплено яркимъ, нестерпимымъ свѣтомъ.

И вдругъ сейчасъ оттуда совсѣмъ несообразныя вѣсти. Оба берега засыпаны снѣгами. Вся эта идиллія Бахрѣ-Сефидъ-Богази¹ обледенѣла подѣ сплошными тучами. Дороги въ сугробахъ, деревень не видать, и только минареты, бѣлые изъ бѣлаго, и темные кипарисы стоятъ надѣ окоченѣлымъ царствомъ бѣлой смерти.

Я оставилъ безчисленные старые замки и крѣпости здѣсь обвитыми цѣпкими сѣтями всевозможной поросли; теперь и они въ своихъ похоронныхъ саванахъ, какъ поднявшіеся изъ могилъ мертвецы, стоятъ надѣ потемнѣвшими подѣ безпросвѣтнымъ небомъ водами. Отъ Булаира до Галлиполи и за Галлиполи до Бойали-Кале изъ траншей, редутовъ и люнетовъ то и дѣло подымаютъ и увозятъ сотни замерзшихъ аскеровъ. Сюда, вѣдь, ихъ доставили изъ знойныхъ береговыхъ поселковъ Анатоліи, изъ Сиріи, чуть не изъ заласканнаго солнцемъ Дамаска, налегкѣ, безъ теплаго платья, прямо подѣ леденящій сѣверный вѣтеръ, въ снѣговыя бури, въ жуткую безпощадную службу на передовыхъ позиціяхъ. На сѣверѣ — лежи, заносимый сугробами, противъ болгарскихъ цѣпей, лежи въ траншеяхъ, чтобы не попасть подѣ нащупывающее тебя дуло манлихера, на югѣ — то же самое: сторожи, какъ

---

¹ Турецкое названіе Геллеспонта.

бы не прорвались въ Дарданеллы греческія военныя суда.

Турецкіе генералы слишкомъ заняты политикой. Имъ некогда заботиться, чтобы у продрогшаго низама или редифа была горячая пища или какая-нибудь кошма, овчина прикрыться отъ мертвящей стужи. Двигаться въ снѣгу нельзя, и мало-по-малу бѣлая смерть овѣиваетъ обреченныхъ своимъ неотразимымъ дыханьемъ, подъ погребальную пѣсню вьюги куетъ ихъ въ ледяныя цѣпи. Сномъ и забвеніемъ обдаетъ запорошенныя снѣгомъ лица, и подъ вопли сорвавшагося съ Чернаго моря вѣтра насыпаетъ надъ ними могильные бѣлые сугробы.

Бѣлая смерть въ бѣломъ царствѣ небывалой здѣсь зимы.

Послѣдній *coup de grace* судьбы, приговорившей къ уничтоженію нѣкогда неодолимую варварскую Турцію...

И когда изъ Галлиполи и Еникіюя къ этимъ сторожевымъ траншеямъ подходятъ новыя дежурныя части, онѣ находятъ тамъ готовое, только что занесенное бѣлыми холмами кладбище съ трупами ихъ товарищей... Уносятъ этихъ, и въ готовыя бѣлыя могилы ложатся тѣ — новою жатвою безпощадной бѣлой смерти.

LXV.

Я эту молчаливую, безпощадную въ своей неизбѣжности бѣлую смерть видѣлъ тридцать пять лѣтъ назадъ на вершинахъ Шипки, въ Райской долины, на склонахъ Куруджи и Лысой горы. Видѣлъ ее и В. В. Верещагинъ, передавшій этотъ бѣлый ужасъ на своихъ безсмертныхъ полотнахъ. Вы еще

не забыли его «На Шипкѣ все спокойно». Да, именно спокойно, величавымъ и кроткимъ покоемъ смерти, неподвижнымъ умираніемъ на горныхъ вершинахъ, гдѣ въ каждой снѣжинкѣ падаетъ смерть, и такихъ снѣжинокъ на обреченныя сторожевыя части сыплется цѣлая стихія. Таютъ однѣ, липнутъ другія, леденятъ третьи, хоронятъ четвертыя. Только на Шипкѣ не было плакальщицъ-вьюгъ. Не выли неугомонные вѣтры. Смерть совершалась какъ таинство, и ей причащались торжественно и безмолвно. Даже когда зима поддавалась теплomu дыханію юга, бѣлая смерть не отмѣняла своихъ страшныхъ приговоровъ, — въ узкихъ траншеяхъ на нѣсколько часовъ все мокрѣло. Оттаивали камни. Обрывки палатокъ, въ которые кутались солдаты, шинели, мѣшки отъ сухарей, обертывавшіе ноги, — покрывались влагой, тонули въ заливавшей ложементы водѣ и тотчасъ же — не вѣтеръ мѣнялся, — вѣтра не было, — а съ сѣвера начиналось незамѣтное теченіе неодолимой стужи. Защитники нашихъ позицій въ нѣсколько минутъ оболакивались ледяною корой, примерзали къ ледянымъ брустверамъ. Отнимались ноги и руки. Бѣлая смерть измѣннически, медленно ползла по коченѣвшимъ членамъ къ все медленнѣе и медленнѣе бьющемуся сердцу, пока не касалась его своей безошадной рукой... Замерзли и вымирали цѣлыя полки. Потери турокъ сейчасъ въ Галлиполи далеко не такъ ужасны, какъ были наши хотя бы въ мученической двадцать четвертой дивизіи. Подъ тяжелыми древними сводами убогаго габровскаго собора, въ полумракѣ, на каменныхъ плитахъ штабелями лежали ея солдаты. Холодны и безстрастны были лица замерзшихъ. Мученики

Шипки, одинъ рядъ на другомъ, вдоль стѣны, другою сѣрою сплошною стѣной ждали здѣсь послѣдняго вѣчнаго пріюта въ братскихъ могилахъ. Приговоры бѣлой смерти были безпощаднѣе висѣличныхъ. Отъ нихъ не уходили даже тѣ, которыхъ выносили изъ ледяныхъ траншейныхъ западной полуобмершими въ холодныя землянки. Тамъ нельзя было развести огня: дровъ и углей не было. Околотокъ въ Габровѣ былъ ужасающей. Поль во всѣхъ его залахъ былъ заваленъ, плечо къ плечу, людьми съ почернѣвшими отмороженными руками и ногами. Подвижные лазареты не принимали больше больныхъ отъ полковъ. Для эвакуаціи такихъ несчастныхъ не оставалось средствъ. Даже между уцѣлѣвшими солдатами всѣ чѣмъ-нибудь да страдали. На тысячи обмороженныхъ приходились десятки убитыхъ и раненыхъ. Вотъ, напримѣръ, Волинская гора, такъ названная по имени полка, занимавшаго ее прежде. Путь сюда былъ невозможенъ. Весь его осыпали пули и гранаты. Этого мало. Онъ шелъ по обледенѣлымъ скатамъ и кручамъ, гдѣ и лѣтомъ ногамъ трудно удержаться. Смѣны частей по этимъ головоломкамъ совершались ночью, когда людей не видно, но зато дорога еще болѣе является покрытою ледяною корой. Сколько отсюда срывалось въ бездны, тонуло въ сугробахъ внизу! Какъ здѣсь носили раненыхъ, — понять не могъ я. Мнѣ, опиравшемуся на палку съ желѣзнымъ остриемъ, — и то приходилось тяжело. Кругомъ серебряныя вершины, и съ нихъ турки зорко сторожили каждую черную точку на этомъ мученическомъ бѣломъ подъемѣ...

— Часовой, ты спишь? — спрашивалъ, бывало, офицеръ у солдата, прислонившагося къ брустверу.

Молчаніе. Береть его за плечи, — бѣдняга валится въ снѣгъ. Замерзъ, такъ что ружья не выдернуть изъ околѣвшей руки, — вмѣстѣ съ нею смерзлось... Бывало, цѣлыя траншеи являлись тутъ добычей бѣлой смерти. А что творилось въ «секретахъ»? Вѣдь, туда отправляли людей, какъ на казнь. Кучка камней, засыпанныхъ снѣгомъ. Туда пробираются люди и ложатся шагахъ въ сорока, въ пятидесяти отъ непріятеля. Ночь вся въ яркихъ звѣздахъ, ясная, синяя, медленно тянется надъ этимъ царствомъ бѣлой смерти. При мѣсяцѣ каждая движущаяся тѣнь на ея сплошномъ саванѣ намѣчается рѣзко. Подходить на смѣну новый секретъ. Шопотомъ вызываетъ лежащихъ солдатъ. Тѣ не шевельнутся въ отвѣтъ. Приподымають, отымутъ руки, — бѣдняги плашмя, какъ деревянные, падаютъ въ снѣгъ... Ни одного живого, всѣ вымерзли. Рядомъ, локоть къ локтю съ ними, припадаетъ смѣна... Утромъ ни эта, ни прежняя не вернутся на позиціи. Бѣлая смерть обѣихъ прибила къ землѣ ледяными гвоздями, и въ ея бѣломъ царствѣ недвижно лежатъ сѣрые замороженные трупы.

LXVI.

Читаешь телеграммы изъ-подъ Галлиполи, и опять точно явью, сегодняшнею явью воскресаетъ наше прошлое. Турецкіе таборы сейчасъ на свои позиціи идутъ такъ же, какъ наши полки шли когда-то отъ Габрова къ св. Николаю. Развертываю мои замѣтки того далекаго времени, — никакой разницы съ мученичествомъ голоднаго аскера, который за лукавство и политическую игру комитета «Единеніе и прогрессъ» платится на далекомъ

югѣ. Растянувшись длинными змѣями, ползли полки по страшнымъ всходамъ на вершины, на эти бѣлые престолы бѣлой смерти. А тутъ еще и бури, такія же, которыя на-дняхъ уничтожили болѣе шести тысячъ человѣкъ у Булаира. Какъ люди ухитряются выдерживать удары непогоды, какъ они добираются туда, гдѣ гибнуть горные орлы? Я помню эти дороги. Полки то пропадали въ бѣлыхъ тучахъ, то опять выступали на свѣтъ, когда, на минуту окутавъ ихъ, онѣ уносились въ сторону. Люди держались другъ за друга. Шли густо, сомкнувшись, сцѣпившись. Въ одиночку пропадешь безъ слѣда. А навстрѣчу опять движущіяся стѣны горныхъ снѣговъ. На секунду голова колонны пропадала въ нихъ, но вотъ въ бѣлой массѣ что-то мерещится, выступаетъ... Нѣсколько конныхъ впереди совсѣмъ ныряютъ въ сугробахъ. Точно обезсилѣвъ, полкъ останавливается, топчется, какъ задержанное степною бурей стадо, сбивается въ кучу, головами внутрь, не зная, куда укрыться отъ ударовъ вихря и грома. Въ бѣломъ маревѣ едва замѣтно, какъ слабыхъ ведутъ подъ руки. Отстать — погибнуть. Захлещетъ вихремъ, бѣлое крыло бѣлой смерти расшибетъ о камни, сброситъ въ бездну. Буря толкаетъ внизъ, нога скользитъ по льду. Легче сбросить ранецъ и ружье и кинуться, не споря съ бѣлой смертью, въ ея бѣлыя могилы внизу. Онѣ тянутъ къ себѣ. Голова въ морокѣ, ступни въ отекахъ. Сердце замираетъ въ груди, гдѣ точно накалившійся ножъ рѣжетъ легкія. Кажется, вотъ-вотъ оборвутся, какъ лопнувшая пружина. Снѣгъ заноситъ глаза и уши, свистеть въ нихъ, точно пронизываетъ мозгъ. Въ свистѣ метели пропадаютъ голоса. Ослѣпшая отъ ударовъ

снѣга черная птица шлепается въ лицо и скользить внизъ. Ее растаптываютъ ногами, и она, безсильно раскрывая клювъ, все глубже и глубже, измятая, умирающая, уходитъ въ плотную массу. Деревья на пути. Солдаты хватаются за нихъ и безсильно никнуть къ корявымъ стволамъ, отдыхаютъ. Буря точно отрываетъ ихъ руки. Хватаетъ, тянетъ. Провалы и рвы. Передніе падаютъ въ нихъ съ головою... Обледенѣлыя площадки. Вихремъ смело снѣгъ. Что-то черное впереди. Едва ползутъ солдаты. Черное опредѣляется... Идутъ тише, какъ испуганныя лошади, сторонкой, глядываются, тяжело дышатъ. Усталыя руки творятъ кресты... Черное неподвижно. Раскинулось. Рѣсницы запушены снѣгомъ, а глаза сквозь нихъ открыты и въ упоръ смотрятъ на медленно ползущія по безпросвѣтному небу тучи. Кепку снесло. Въ волосахъ снѣгъ. Зубы оскалилъ, смѣется. Десны бѣлыя. Синія губы сдвинуло вверхъ и внизъ.

— Подымите его!

Пробуютъ.

— Никакъ нельзя... Земля не пускаетъ. Держить.

Бѣлая смерть ледяными гвоздями прибила его къ ней... Со льдомъ спаяла...

А впереди еще и еще такія же черныя пятна.

LXVII.

Война ужасна во всѣхъ своихъ актахъ: и въ первомъ, когда на подготовку побѣды и защиты народъ тратитъ свои трудовыя сбереженія, должнасть, затягивая надолго петлю у себя на шеѣ, отнимаетъ

у поля, у лѣса, у заводской печи или фабричной машины сильныя, здоровыя руки, — и въ слѣдующихъ актахъ. Вѣдь, нужно на мѣстѣ знать и видѣть, что такое походъ, когда въ стужу и непогодъ по неодолимымъ, засасывающимъ трясинамъ гонять тысячи плохо одѣтыхъ и еще хуже обутыхъ людей къ полямъ далекихъ битвъ, къ роковымъ встрѣчамъ съ такимъ же измученнымъ, озленнымъ, голоднымъ и холоднымъ врагомъ. А третій актъ — выжиданіе боя на передовыхъ позиціяхъ, въ рвахъ, залитыхъ водою, подъ безпощаднымъ, насквозь пронизывающимъ вѣтромъ, или подъ воемъ безпощадной и дикой метели. Но нѣтъ ничего хуже въ этомъ предпоследнемъ дѣйствіи, какъ бѣлая смерть, столько унесшая въ свое оконченѣлое царство сейчасъ у турокъ въ Галлиполи. Артиллерійскіе ли поединки такъ притягиваютъ даже и на благословенный югъ снѣговыя тучи. Вѣдь, и въ теплѣ и нѣгѣ Чаталджи у Мраморнаго моря оглушительныя канонады точно будили въ адскихъ безднахъ неистовыхъ демоновъ бури, и они съ своихъ ледяныхъ цѣпей срывались и неслись въ головѣ сплошныхъ тучъ, рвали и гнали ихъ все впередъ и впередъ громадными, на полнеба крылами. Остуживающіе дожди обливали еще недавно мирныя долины, разсасывали всмятку и безъ того скверныя дороги, до краевъ наполняли траншеи и ложементы... Въ январѣ и февралѣ они все засыпали снѣгомъ, точно раскидывая почетный коверъ передъ неизбѣжною царицей войны — бѣлою смертью... Я получилъ письмо изъ Софіи. Офицеръ, пріѣхавшій туда изъ-подъ Булаира, сообщаетъ мнѣ: «Вы знаете, какъ я ненавижу нашихъ палачей — турокъ. Вмѣстѣ съ вами мы видѣли со-

жженные ими села, изнасилованныхъ и зарѣзанныхъ дѣвочекъ, убитыхъ матерей и стариковъ. Отъ этого зрѣлища сердце, какъ вы сами говорили, покрывается корою, и къ нему не достучаться никакъ. Но и мнѣ было у Галлиполи и жутко, и тоскливо, когда я видѣлъ изъ нашихъ секретовъ вдали цѣлые караваны, сносившіе съ высотъ сотни и тысячи замерзшихъ тамъ турецкихъ солдатъ. Надо было видѣть, какъ Турція, оставившая намъ въ Лозенградѣ и Люле-Бургасѣ такіе громадныя запасы шинелей и теплаго платья, одѣвала солдатъ. На наши аванпосты, полузамерзшіе, едва доползали бѣглецы оттуда. Не только въ февралѣ, — и весною смерть проникла бы къ этимъ жалкимъ, исхудалымъ, истощеннымъ тѣламъ сквозь безчисленныя прорѣхи и лохмотья . . .».

Что же говорить о бѣлой смерти, которая не щадитъ и закутавшихся въ овчины людей на открытыхъ ея леденящимъ объятіямъ вершинахъ!..

LXVIII.

И опять въ памяти встаетъ далекое прошлое. Какъ оно похоже на сегодняшнія были! У бѣлой смерти нѣтъ воображенія. Она не умѣетъ разнообразить своего ритуала, а человѣческое творчество еще не придумало ничего для борьбы съ нею въ ея бѣломъ царствѣ. Мнѣ приходится опять возстановлять свои записки. Подъ свѣжими впечатлѣніями тогда набрасывались онѣ наскоро и вразбродъ. Я помню въ туманѣ серебряныя вершины. Безжизненные. Даже орудія молчали, точно и ихъ жадныя пасти сомкнулись въ безмолвіи бѣлой смерти. Чьи-то трупы по пути. Засы-

паны снѣгомъ. Только по выпуклинамъ этого бѣлаго покрова можно разобрать ихъ. Высота, куда мы ползли по крутизнѣ, казалась мертвою, еще мертвѣе тѣхъ, которыя, какъ и она, плавали во мглѣ, клубившейся со дна долинъ и ущелій. На ней чуть намѣчался брустверь, занесенный снѣгомъ. Тамъ никого не было видно. Напрасно мы всматривались туда... Ни одинъ костерь не курился, ни разу силуэтъ часового не выдѣлился на этомъ просторѣ. Ни одного выстрѣла не послышалось оттуда въ такую же турецкую позицію впереди. Молчала и эта. Мертвое спокойствіе загодя и насъ охватывало предчувствіемъ ужаса, безнадёжности... И чѣмъ ближе, тѣмъ это безмолвіе было зловѣщѣе и загадочнѣе.

Что могло тамъ случиться?

Приостанавливались. Прислушивались, но въ кладбищенской тишинѣ ни звука.

Мы были съ генераломъ Мольскимъ.

Въ сторонѣ что-то зашуршало... Насторожились. Нѣтъ, это снѣгъ, глыбою сорвавшійся съ кручи. Брустверь все выросталъ. Совсѣмъ уже близокъ. За нимъ, вѣдь, люди. Ихъ и видѣть пора бы.

Одного замѣтно, впрочемъ.

Разлегся, заснулъ, должно быть, позади траншеи. Свернулся въ комокъ и дремлетъ. И свернулся-то какъ, — старался занять въ снѣгу какъ можно меньше мѣста, чтобы теплѣе было.

— Эй... Молодецъ!

Скорчившійся солдатъ молчитъ. Только кончикъ рыжаго башлыка торчитъ навстрѣчу намъ.

— Красавецъ!

Красавецъ и ухомъ не ведеть.

— Затомился, сердешный!

Казакъ сошелъ съ сѣдла. Наклонился. Хочетъ приподнять за руку спящаго. Но тотъ, какъ нарочно, крѣпко прижалъ ее къ боку. Не отогнуть. Казакъ взялъ его за голову, — вмѣстѣ съ головой поднялось и все тѣло. Отпустилъ, — рухнуло въ снѣгъ.

Вотъ и траншеи. Бѣлая горжа, бѣлый брустверь.

— Господи! — восклицаетъ Мольскій. — Сколько на свѣтѣ живу, — ничего подобнаго...

И онъ крестится.

— Да неужели же всѣ?.. Здорово, ребята!..

Какъ страненъ этотъ громкій крикъ въ мертвой пустынѣ. Чѣмъ-то чужимъ, страннымъ, случайнымъ прозвучалъ и погасъ, не вызвавъ отвѣта.

— Здорово, ребята! Съ праздникомъ: наши Плевну взяли!

Траншея молчитъ попрежнему.

— Не можетъ быть. Кто живъ — отзовись!

Слышно только дыханіе нашихъ коней.

Съ ума сойти! Сна такого страшнаго не увидишь, сказки не придумашь.

— Всѣ, всѣ... Какъ есть всѣ.

Въ снѣгу сидятъ, лежатъ и даже стоятъ, прислонясь къ брустверу, люди. Нѣкоторые запушены снѣгомъ, другіе наши уголки, куда онъ не падалъ. Вонъ у самыхъ ногъ генерала сидитъ, охвативъ колѣни руками, офицеръ. Кепка сползла на глаза. Мѣшаетъ ему видѣть. Попробовали его шевельнуть, — какъ обрубокъ, упалъ на бокъ. Ни колѣни, ни охватившія ихъ руки не измѣнили положенія. Рядомъ вытянулся и лежитъ солдатъ. Синія щеки. Бѣлыя губы, бѣлѣе щекъ. Подальше

третій взялъ ружье, да такъ и застылъ съ нимъ. Снѣгу набилось въ дуло. Пуховкой торчитъ.

— Да часовые-то живы?

И они не отзываются.

Генераль шевелинулъ одного, — не оборачивается. Что-то ужъ очень внимательно смотреть за брустверь, такъ внимательно, что не слышитъ голосовъ позади, не чувствуетъ руки, опустившейся ему на плечо. И такъ по всей траншеѣ. Человѣкъ сорокъ, — и всѣ спятъ...

А въ небесахъ тѣ же тучи.

Сплошныя, однообразныя...

Точно громадныя крылья бѣлой смерти!

LXIX.

Въ моемъ романѣ «Впередъ» я рассказалъ всю эту непосильную борьбу живыхъ, бодрыхъ и сильныхъ съ неодолимою бѣлою смертью. Бѣлая смерть и сейчасъ, черезъ тридцать пять лѣтъ, повторяетъ цѣликомъ программу своихъ ужасовъ, но уже далеко отъ ледяныхъ вершинъ, въ солнечномъ царствѣ прекраснаго Юга, у глядящихся въ синее зеркало Геллеспонта, закутавшихся въ кипарисы и безлистные сейчасъ чинары Галлиполи и Булаира... То же самое совершается на высотахъ Чатаджи, особенно у озера Деркосъ, гдѣ борѣ — широкій просторъ. Все оледенѣло, замкнуто въ бѣлыя оковы, занесено снѣгомъ. Оттуда свозятъ въ Буюкъ-Чекмеджи сотни труповъ и складываютъ ихъ пока у мечетей, какъ я видѣлъ такіе же, сваленные штабелями въ стѣнахъ габровскаго собора. Вспоминаешь старое. Слышишь объ отвратительномъ сегодня, и невольно угаромъ подымается въ душѣ:

да гдѣ же смыслъ и правда, и есть ли они, хотя бы не здѣсь, внизу, а тамъ, за сплошными сѣрыми тучами, гдѣ легенды рисуютъ одну великую, міромъ руководящую Волю. Чѣмъ виноваты были шипкинскіе солдаты, за что караются аскеры Чаталджи и Галлиполи? Вѣдь, они вершили только приказъ пославшихъ ихъ. Почему именно эти безответные, — на Шипкѣ тогда и въ Галлиполи сейчасъ, — брошены въ добычу бѣлой смерти?

А война длится и длится.

Турція обшариваетъ азіатскія захолустья. Сбираетъ оттуда новыя тысячи обреченныхъ и швыряетъ ихъ полною горстью на уже переполненныя кладбища бѣлой смерти. Дикіе курды, мирные, омусульманившіеся потомки іонійскихъ грековъ, арабы изъ-подъ Алеппо и Дамаска покорно идутъ сюда, какъ нѣкогда въ огненныя чудовищныя пасти Ваала шли такія же тьмы темъ обреченныхъ плѣнниковъ... Свободѣ народовъ нужна кровь мучениковъ. Счастье грядущихъ поколѣній растетъ на братскихъ могилахъ. Пожалуй, и беспощадная, слѣпая бѣлая смерть работаетъ тоже для будущей правды...

Дорого же эта правда достанется обезсилѣвшему міру!

LXX.

Отзвучали громкія фанфары неожиданныхъ триумфовъ. Въ исторію молодого народа вписаны яркія страницы великихъ побѣдъ. Въ ореолахъ славы на невиданную высоту возносятся его боевыя знамена. Отнынѣ доблестная народная армія, сознательная, грамотная, не знавшая неудачъ и поражений, стала равной локоть къ локтю съ такими

же міровыхъ націй. Неутомимая въ безпримѣрныхъ походахъ, несравненная въ испытаніяхъ, рѣшительная въ роковыхъ встрѣчахъ, она будетъ желаннымъ товарищемъ въ любомъ союзѣ, диктующемъ другимъ свою волю. Все, что нужно было для настоящаго торжества, оказалось налицо въ этомъ блистательномъ спектаклѣ. Какъ палadini крестовыхъ войнъ, болгары шли къ прекраснымъ цѣлямъ. Ихъ Іерусалимомъ была свобода родныхъ племенъ, Гробомъ Господнимъ — просвѣщеніе и независимость. Они имѣли право на эти яркіе девизы. Въ тридцать лѣтъ они сами у себя создали такую школу, которая еще вчера безправную и темную турецкую райю поставила въ первый рядъ просвѣщеннѣйшихъ народовъ. Сейчасъ, если исключить нѣсколько тысячъ мусульманъ, вся эта страна читаетъ, пишетъ и любитъ книгу. Она выработала свободныя учрежденія, которымъ могутъ позавидовать несравненно могущественнѣйшіе политическіе конгломераты. Сверху донизу она однородна и демократична, и въ тѣ минуты, когда надъ нею звучитъ набатъ: «Отечество въ опасности», здѣсь всѣ партіи, секты и толки, отъ крайнихъ правыхъ до лѣвѣйшихъ, сжимаются въ одинъ желѣзный кулакъ. Министры и депутаты, профессора и писатели надѣваютъ солдатскія шинели и идутъ подъ начало къ своимъ политическимъ врагамъ, слѣпо повинаясь имъ въ боевомъ огнѣ. Вся страна подымается за вѣчные завѣты человечества. За рубежи и города, и деревни посылаютъ своихъ дѣтей, отдають до послѣдняго коня и буйвола все, на чемъ держалось ихъ благополучіе. И когда Фердинандъ колебался, зная, какой страшный отвѣтъ придется ему держать передъ безо-

щаднымъ судомъ будущаго, весь народъ крикнулъ ему: «Пора отбросить мудрую осторожность. Побѣда достается смѣлымъ. Есть эпохи, когда смерть легче колебаній и отступленій. Счастье служить волѣ и рѣшимости»... Маленькій «великій народъ» нашелъ у себя и гений, и знаніе. Не Манлихеры и Крезо побѣдили Маузеровъ и Крупповъ, и не петербургская военная академія — берлинскую, Давидъ швырнулъ въ Голиаѳа не камнемъ, а книгой. Казавшіяся неодолимыми насиліе и тиранія сбиты съ своихъ гранитныхъ цоколей и растоптаны въ прахъ только вчера родившейся свободой самоуправляющагося, независимаго гражданина.

LXXI.

Все это такъ, и, разумѣется, Болгарія болѣе, чѣмъ старая Европа тридцатилѣтними войнами, въ правѣ гордиться этою полугодовою. Гордиться тутъ, впрочемъ, нечѣмъ. Война — печальная и отвратительная неизбѣжность. Но въ эту войну маленький народъ обнаружилъ такія силы духа, его здоровыя мышцы такъ служили величайшему подъему мечты, именно поэтому сдѣлавшейся дѣйствительностью, что, разумѣется, Болгарія можетъ спокойно смотрѣть на свои недочеты. Окончивъ большое, она справится съ малымъ. Картина этой изумительной страны была бы слишкомъ односторонней, невѣрной и лубочной, если бы ее не пришлось дополнить нѣсколькими черными штрихами, бросить густыя тѣни на апоѳеозъ побѣды и одолѣній. Именно теперь пришла пора раздвинуть кулисы этого *grand spectacle*'я и заглянуть, что тамъ творилось въ потемкахъ, въ то время какъ та-

лантливые гастролеры со сцены чаровали публику эффектною постановкой битвъ и походовъ въ оглушительномъ ревѣ орудій, трескѣ пулеметовъ и ружейныхъ пачекъ, въ крикахъ «на ножъ!». Багровые отсвѣты пожаровъ не достигали за декорации войны, а, между тѣмъ, въ ихъ тѣни было много такого, отъ чего побѣдителю надо отчураться и отрѣшиться какъ можно скорѣе. Все время онъ готовился къ бою и не думалъ о томъ, что у него будетъ въ тылу. Ему некогда было, а, можетъ быть, не хватило и средствъ позади боевой арміи создать другую, столь же важную, сильную, одушевленную, которая послужила бы не побѣдѣ, а «мученикамъ побѣдъ». Триумфаторъ весь въ блескѣ и славѣ впереди. Къ нему прикованы взгляды міровой галерки. Ему апплодируютъ, его проклинаятъ. Онъ знаетъ и радость торжества, и горечь клеветы. Онъ надъ толпой, во главѣ этой измѣнчивой кометы. Солнце такъ сверкаетъ на его золотомъ шоломѣ и яркихъ доспѣхахъ, что ослѣпленные глаза не разберутъ даже, гдѣ ихъ забрызгало кровью... А что за его триумфальной колесницей, — никому нѣтъ дѣла. Толпа бѣжитъ за нею, и все растоптанное, недужное, искалѣченное, судорожно извивающееся въ агоніи остается въ грязи позади. Въ великій минусъ побѣдоносной Болгаріи надо поставить этотъ хвостъ неожиданнаго успѣха. Все сдѣлавъ для торжества и побѣды, она не подумала о «мученикахъ побѣдъ». Они выбыли изъ строя; сейчасъ, сію минуту эти вычеркнутыя единицы не нужны для удара, и ничье сердце здѣсь не болитъ о нихъ. Это жестоко, и народу, подъявшему священныя хоругви свободы и независимости, непростительно. Если онъ и

впредь закроетъ глаза на такіе недочеты, за нимъ останется слава героя и побѣдителя, но, вѣдь, героями и побѣдителями бывають и дикари, и варвары. Къ счастью, болгары сдѣлали столько, что они могутъ смѣло сознаться въ своихъ грѣхахъ. Да они и понятны. Страна слишкомъ мало жила. Всея ея новѣйшей исторіи свободного государства счетомъ тридцать шесть лѣтъ. На многое не хватило умѣнія, предусмотрительности. Шоры показывали впереди главныя цѣли и заслоняли цѣлый міръ по бокамъ, съ его страданіями, нуждами... Лишь бы добиться своей цѣли, а чего она будетъ стоить мученикамъ побѣдъ, — другой вопросъ. Но для насъ, для остального человѣчества это не другой вопросъ, а главный. И пока народъ съ нимъ не справится, — онъ, и грамотный, и свободный, и независимый, и побѣдоносный, еще не достоинъ выйти на міровую арену однимъ изъ ея передовыхъ дѣйствующихъ лицъ. Мало создать армію, школу и самоуправленіе, — надо воспитать въ душѣ жалость и уваженіе къ мученикамъ, заботу о тѣхъ, которые своею священной кровью обрызгали побѣдные вѣнки. И когда братскія могилы родной намъ страны затянутся свѣжею травою, Болгарія все свое творчество должна направить на эту, можетъ быть, и невидную, но неотложную работу. Болгарія въ долгу не передъ своими витязями, не передъ побѣдителями, а у страстотерпцевъ этихъ побѣдъ. У тѣхъ, которые своею мукой заплатили за ея славу.

LXXII.

Мрачною явью вспоминается мнѣ Акаланъ и Ерменикіой.

Всѣхъ поразило, почему доблестная третья армія Радко Димитріева остановилась здѣсь передъ чаталджинскимъ фронтомъ редутовъ и траншей. Когда славный болгарскій генераль, «геніемъ равный Скобелеву», дошелъ до этой защитной линіи Константинополя, — въ нее еще не были вдвинуты орудія, не разбросались повсюду соединительные ложементы, не были поставлены впереди люнеты, и не оцѣпили подступы къ нимъ проволочныя загражденія, которыя, во всей своей совокупности, сдѣлали эти позиціи почти непреступными. И для героевъ есть извѣстные предѣлы. Балканскій солдатъ, одолѣвавшій сплошныя трясины, безъ отдыха вступавшій въ бой послѣ тридцативерстныхъ переходовъ, гнавшій разбитую армію отъ Петры и Селіолу до Чаталджи, нуждался въ отдыхѣ. Такой и былъ данъ ему въ продолженіе пяти дней. Надо было придвинуть сюда обозы, довольствіе, орудія. Для такихъ слѣдовало прорубить и настлатъ въ сплетающемся колючею чащею дубнякѣ хотя бы не настоящія дороги, но гати. Четвертаго и пятаго Радко перешелъ въ наступленіе, взялъ первый и третій редуты. Будь это тѣ же войска, которыя дрались подъ Лозенградомъ и Бунаръ-Гиссаромъ, — Чаталджу бы прорвали, и черезъ четыре дня Константинополь оказался бы въ рукахъ балканскаго союза. Пріѣхавшій сюда наканунѣ Савовъ поздравлялъ насъ съ завтрашней побѣдой и весьма подчеркнуто обѣщаль: «Въ четвергъ будемъ въ Византіи».

И вдругъ случилось что-то неожиданное. Великолѣпная народная армія не двинулась впередъ. Ея полки стали зарываться на хорошо выбранныхъ позиціяхъ, а турки, пользуясь этою пе-

редышкой, спѣшно ставили въ свои форты и редуты сильные гарнизоны.

Тогда нельзя было писать, въ чемъ дѣло.

Слово «холера» вычеркивалось изъ телеграммъ и писемъ. Не позволяли упоминать, что она появилась даже въ турецкомъ лагерѣ. Ерменикіой и Акаланъ сдѣлались ея гнѣздами. Въ нѣсколько дней въ одной третьей арміи заболѣло двадцать двѣ тысячи боевыхъ солдатъ. Умерло мало, — всего три тысячи, — но духъ войскъ этимъ недугомъ былъ подорванъ. Нужно было дождаться, чтобы въ ихъ ряды влились свѣжія силы, и, главное, сейчасъ же одолѣть этотъ негаданный ударъ. Солдаты до того были не подготовлены къ нему, что, напримѣръ, величайшихъ усилій стоило офицерамъ убѣдить ихъ не пить воды не только сырой, но, напримѣръ, изъ-подъ труповъ, гнившихъ поперекъ рѣчекъ и заваливавшихъ колодцы.

Вотъ тутъ-то я впервые познакомился съ изнанкою болгарской войны.

LXXIII.

Медиковъ, медицинской помощи, заботливости о раненыхъ и больныхъ, можно смѣло сказать, почти не существовало. Обдумавъ каждый боевой шагъ своихъ армій, генералы Савовъ и Фитчевъ о мученикахъ побѣдъ, о ихъ жертвахъ даже не подумали. Въ частяхъ были доктора и санитары, но и тѣ, и другіе, за рѣдкими исключеніями, никуда не годились. Не оказывалось въ наличности самыхъ простыхъ пособій, а въ душѣ у тамошнихъ лѣкарей даже и не загорались вѣчные огни любви къ страдалицамъ и боли о нихъ. Хороши были

доктора, учившіеся въ Россіи, но, напримѣръ, и въ ихъ запасахъ не оказывалось вовсе никакихъ средствъ для борьбы съ такимъ вѣрнѣйшимъ союзникомъ Турціи, какъ холера. Забыта была даже исторія войнъ на Балканскомъ полуостровѣ, а, вѣдь, въ ней есть краснорѣчивыя страницы о томъ, напримѣръ, какъ здѣсь гибли и таяли русскія арміи. Стоило бы перечитать лѣтописи походовъ Дибича и Паскевича, чтобы подготовиться къ достойной встрѣчѣ съ этимъ врагомъ. Мало того: заурядъ случалось, что болгарскаго врача нельзя было силою заставить поѣхать въ то или другое холерное гнѣздо. Какая громадная разница была между болгарскимъ воиномъ и болгарскимъ лѣкаремъ! Точно.это не дѣти одного и того же народа. Отношеніе къ больному случалось не только безучастное, но и жестокое, злое. Тысячи людей могли быть спасены маленькою заботою, хотя бы тѣмъ, чтобы придвинуть большіе госпитали къ боевымъ позиціямъ, а не эвакуировать раненыхъ съ раздробленными костями, съ пулями въ животѣ по трясинамъ, колдобинамъ и головоломкамъ турецкой цѣлины, которую приходилось одолѣвать на довременныхъ арбахъ, падавшихъ съ колеи въ колею, изъ ямы въ яму, съ одного булжника на другой и буквально размалывавшихъ несчастныхъ мучениковъ безпримѣрныхъ побѣдъ. Поэтому въ великолѣпные русскіе госпитали «Краснаго Креста» попадали рѣдко, очень рѣдко тяжело раненые. Могилы этихъ были слѣдомъ ветхозавѣтной эвакуаціи, а часто не могилы, а просто-напросто выброшенные въ стороны отъ дороги (если эту турецкую мерзость можно назвать дорогою) трупы... Какъ кости верблюдовъ въ Сахарѣ!..

Но я забѣгаю впередъ.

Воспоминанія объ этомъ пережитомъ адѣ такъ тѣснятся въ памяти, что трудно въ нихъ разобраться или остановиться на разѣ намѣченной программѣ.

Сначала о холерѣ.

LXXIV.

Сырые, холодные дни. Рано утромъ въ сѣдло — и сквозь сплетающійся въ колючую чащу дубнякъ торопишься на позиціи. Въ Ерменикіюѣ и кругомъ оставилъ массы больныхъ. Проѣзжаешь черезъ Акаланъ, гдѣ единственно, что сдѣлано для борьбы съ холерой, — вывѣшены повсюду зловѣщіе желтые флаги. Въ домахъ, отмѣченныхъ ими, — мерзость запустѣнія. Грязно, холодно. Входъ и выходъ свободны: заражайся, кто хочетъ! Въ слякоти на улицахъ лежатъ «войници». Оказывается, привалились больные, которымъ не нашлось другого пріюта. Докторовъ и санитаровъ нигдѣ. Болгарскій офицеръ встрѣтилъ по пути гнѣздо лѣкарей. Гналъ ихъ сюда, — никто не поѣхалъ. «Это не наше дѣло. Да у насъ, кромѣ хинина, никакихъ и лѣкарствъ нѣтъ». Воды пока не въ чемъ вскипятить. Всѣ, и больные, и здоровые, пьютъ сырую изъ ручьевъ, въ которыхъ только что лежали убитые и сейчасъ валяются палые буйволы. Лужи. Въ нихъ густая, сизымъ отливающая на снѣгу жижа. Вонь отсюда далеко даетъ себя знать. Идетъ мимо на позиціи рота. Пить хочется, черпаютъ изъ лужи. Въ туманѣ налѣво, на холмѣ, развалился и спитъ какъ-то странно подогнувшій ноги солдатъ. Спитъ въ мокрети, даже не снявъ

съ себя амуниціи. Исправный, вѣрно! Крѣпко спить, не обращая вниманія на товарищей. И тѣ на него — никакого. Сѣрая фигура почему-то остается въ памяти. Ужъ очень выпукла на ржавой и голой землѣ. Невольно оглядываешься на нее. Ливень, — все равно: не шелохнется. Ну, думаешь, и сонъ у болгарскаго солдата! На другой, на третій, на пятый день онъ все спить на томъ же мѣстѣ, и такъ же странно подогнувъ ноги. Изъ Акалана его видно. Вонъ, наконецъ, появились доктора. Никому въ голову не приходитъ положить конецъ этому волшебному сну. Вѣдь, усталый за это время даже не повернулся. Только на ржавомъ уже самъ ржавѣть.

Указываю на него санитарамъ.

— Мертвый... Давно тутъ.

— Ранень былъ и по пути кончился?

— Нѣтъ, холера!

И полное спокойствіе въ лицахъ у этихъ «братъевъ милосердія». Никому и дѣла нѣтъ. Что жъ, въ самомъ дѣлѣ, ворошить. Пусть лежитъ.

А изъ-подъ ржаваго барельефа по ржавому фону текутъ какіе-то подозрительные стоки и тоже внизъ къ лужамъ, откуда пьютъ. На седьмыя сутки я, возвращаясь вечеромъ въ свое логово, уже не видѣлъ этого исправнаго солдата. Должно быть, наконецъ, подобрали.

LXXV.

Никакой заботы о больномъ, никакой жалости къ раненому.

Чѣмъ ближе къ боевымъ позиціямъ, тѣмъ хуже

оборудованы госпитали въ шатрахъ, тѣмъ безучастнѣе врачи. Грязь, вонь, голодъ и холодъ. То же, что тридцать пять лѣтъ назадъ я видѣлъ въ шипкинскихъ лазаретахъ. Несчастныхъ кладутъ въ слякоть, какъ въ перину. Часто имъ нѣтъ горячей пищи. Да болгаринъ и нетребователенъ. Вотъ, на примѣръ, точно подбитая птица, подпрыгиваетъ, опираясь на ружье и подогнувъ пронизанную пулею ногу, раненый. Передовые ложементы, откуда идетъ онъ, въ десяти верстахъ. До шатра съ благополучнымъ докторомъ и сонными санитарями еще пять, и онъ всю эту страшную дорогу изъ трясины въ трясину, изъ одной скользины въ другую, весь залѣпленный вонючею грязью, подскакиваетъ, валится и вновь вползаетъ на болѣе твердое мѣсто, чтобы опять сейчасъ же начать эту страшную эквилибристику. Вышелъ съ утра, голодный. Сейчасъ на западѣ тучи всѣ въ мѣдно-красныхъ отливахъ, и солнце выглядываетъ изъ-подъ нихъ воспаленнымъ, кровью налившимся глазомъ. Въ сторонѣ свои. Авось, кто-нибудь подойдетъ на помощь. Никому и въ голову не приходитъ этого! Огонекъ костра. Съ него только что сняли большой черный казанъ. Казанъ дымится. Оттуда пахнетъ вкусною чорбой. Мяса въ нее свалили, — душа мѣру знаетъ. Вокругъ здоровые солдаты, хватить и на другихъ. Ъдятъ. И ни раненому не придетъ въ голову попросить мѣста у котла и ложки, ни этимъ молчаливымъ и безучастнымъ людямъ предложить ему: «Садись, братъ, похлебай», какъ это сдѣлали бы наши. Народъ страшно терпѣливъ и выносливъ. Одолѣетъ и физическую боль, и голодъ, не жалуясь. Онъ воспитался на буйволовомъ терпѣннiи, но, вмѣстѣ

съ мужествомъ и отвагою, ему не привито милосердія. Онъ даже не знаетъ своего права требовать къ себѣ участія. Выбыль изъ строя. Безполезный ротъ. Кому до него дѣло? Иди голодный. А упадешь, — ржавѣй въ ржавой мокрети. Ты, вѣдь, такимъ не нуженъ для боевой задачи. За много недѣль, проведенныхъ тутъ, я ни разу не видѣль, чтобы раненаго несли здоровые. Были, особенно послѣ чаталджинскаго боя, цѣлыя версты съ такими прыгающими гимнастами. Между ними попадались ползавшіе по землѣ... Ползеть-ползеть, припадетъ въ слякоть, отдышится и опять ползеть... Встрѣчались умирающіе, но не случилось вовсе наткнуться на носилки съ «мученикомъ побѣды». Точно такихъ носилокъ и не было въ болгарской арміи. Какъ-то смотрю: сидятъ за чорбой раскормленные, дюжіе санитары. Мимо раненые. Одинъ упалъ, не осилилъ. Бьется на землѣ. Хочетъ подняться, не можетъ... Легъ плашмя, — даже лица ему не отвернуть изъ слякоти.

Говорю санитарамъ.

Недоумѣло смотрятъ на меня.

«Этому еще что за горе?».

И ни съ мѣста.

Такъ же вкусно шлепаютъ ложки въ горячую чорбу, и чавкаютъ рты...

LXXVI.

Дорвется раненый до арбы, — другихъ способовъ передвиженія не было, — еще хуже.

Остались силы прыгать по слякоти и трясинамъ, — ни за что не ляжетъ въ это орудіе невыносимой пытки. Я помню первый встрѣченный

мною обозъ съ «мучениками побѣдъ». Когда-то въ Нюрнбергѣ мнѣ показывали удивительные механизмы, изобрѣтенные демоническимъ воображеніемъ средневѣковаго судьи, палача и монаха. Они крошили тѣло, дробили кости, насквозь пронизывали иглами, вытягивали члены и били по нимъ молотками, поджаривали обвинявшихся на чудовищныхъ рѣшеткахъ, сѣкли желѣзными хлыстами по натянутымъ мускуламъ, такъ что эти лопались и рвались подъ ними. Болгарская эвакуаціонная арба съ буйволами могла бы смѣло занять мѣсто въ этомъ адскомъ музеѣ. Такія и у насъ были въ турецкую войну 1877 и 1878 годовъ. Но дороги въ этой части Балканскаго полуострова несравненно хуже тѣхъ, по которымъ терзали нашихъ раненыхъ. Какъ-то въ ноябрѣ прошлаго года мнѣ привелось встрѣтить подобный обозъ. Я думаю, никогда въ жизни не увижу такого кошмара. Бываютъ отвратительные сны, но что они передъ этой явью! Скупой разсвѣтъ только что намѣтилъ въ дрогнувшемъ мракѣ унылыя очертанія пустынныхъ холмовъ и сизыя пятна тумана, которымъ окутались, какъ одѣяломъ, пади и ущелья. Издали слышались скрипъ и трескъ. Изъ сплошной мглы снизу ползла на меня какая-то безконечная змѣя. Подъѣзжаю, — выдѣлились медлительные буйволы. Мохнатыя черныя лбы мотаются. Упрямо кривыя ноги осиливаютъ только насланную въ жижѣ чортову гать. Для перевозки пушекъ она хороша. Не застрянуть ихъ колеса, не засосеть омутъ тяжелаго заряднаго ящика. Но пушка валится во всѣ стороны, лафетъ скачетъ по жердямъ, трещить, но не чувствуетъ. А тутъ въ арбахъ — раненые. Арбы вскидываетъ, треплетъ. Архаиче-

скія колеса прыгають. Дерево вотъ-вотъ разсыплется. Изъ-подъ сѣрыхъ (турецкія палатки пошли въ ходъ) навѣсовъ — стоны и вопли. Тамъ люди съ перебитыми ногами, пронизанными грудями, треснувшими черепами. Кости рвутъ мускулы и сами по готовымъ трещинамъ расщеливаются дальше и ломаются въ чувствующемъ, намученномъ и безъ того живѣ. Русскій докторъ рассказывалъ, что ему доставляли раненыхъ съ пулевыми отверстіями въ ладонь. «Проклятыя турецкія пули!». Но турецкія пули, острыя и тонкія, — ни при чемъ. Онѣ нжутъ тѣло. Это разорвала раны, размотала ихъ во всѣ стороны, тронула по краямъ черною гангреною эвакуація въ арбахъ. А черепа! Вѣдь, трещины ихъ расходятся. Сѣрыя полосы мозга выступаютъ наружу. Изъ-подъ полотницъ вопли, иногда дикій вой. Даже терпѣливый болгаринъ не можетъ осилить муки. Гать кончилась. Арба хлюпаетъ въ засосы отвратительныхъ трясинъ. Всползаетъ ребрами вверхъ на однокія тропинки, накренивается вправо и влѣво такъ, что «мученики побѣдъ» сваливаются то въ одну, то въ другую стороны. Бьются одинъ о другого, давятъ другъ друга... Гдѣ нѣтъ навѣсовъ, — еще хуже. Арба ползеть-ползеть ребромъ. Косой путь надъ чашею омота, полною вонючей жижи. Невѣрный шагъ буйвола, и «мучениковъ побѣдъ» опрокидываетъ въ эту жижу, топить въ ней. Снизу въ этихъ чашахъ точно чьи-то руки схватываютъ добычу. Обозные тянутъ ее вверхъ, а руки не стпускаютъ. Едва-едва вынешь вмѣсто челоуѣка сплошной комъ гнилой грязи, впитывающейся во всѣ его раны. Слава Богу, сейчасъ начнется турецкое шоссе. На него, по отчетамъ инженеровъ,

Константинополь истратилъ сто семь миллионѣвъ франковъ. Здѣсь бы вздохнуть «мученикамъ побѣдъ». Но вой и вопли еще сильнѣе. Какой-то дикій концертъ. Я думаю, бѣсы и вѣдьмы Вальпургіевой ночи въ самой стилизованной постановкѣ адскихъ режиссеровъ не могли бы добиться такихъ эффектовъ, какъ ни визжи сумасшедшій оркестръ. 107-милліонное шоссе напоминаетъ... что бы такое? Гдѣ найти сравненіе, которое дало бы понять весь ужасъ этого сооруженія? Ну, представьте, что мили за милями въ слякоти разбросаны зубами вверхъ сотни тысячъ гигантскихъ челюстей. Зубами гнилыми, расщелившимися, полуискрошившимся. Между ними одни выпали, другіе шатаются, и страшный обозъ ветхозавѣтныхъ арбъ съ «мучениками побѣдъ» медленно всползаетъ на эти челюсти... Ночлеги въ открытомъ полѣ, окоченѣвшимъ отъ леденящаго вѣтра. Горячаго нѣтъ. Не подумали о немъ. Закрытыя раненымъ нечѣмъ...

— Знаете, удивительно счастливая война! — радовался русскій докторъ въ Лозенградѣ.

Дальше его не пустили.

— Почему счастливая?

— Какъ же: ни одного тяжело раненаго. Все легкіе. Полежитъ недѣлю, двѣ, — и здоровъ.

Я не удивился!

Еще бы! Тяжелые остались по пути. Недаромъ у турецкихъ дорогъ выросло столько братскихъ могилъ...

Но это еще что! Это неизбѣжное, роковое. Его не осилишь. Оно случается въ каждую войну... Мнѣ придется рассказать о томъ, что и сейчасъ безъ подготовки могло быть предупреждено до-

брою волей, если бы такая оказалась... Или умѣнемъ. Къ сожалѣнію, у болгарскаго врачебнаго персонала мало было первой, и совсѣмъ не нашлось второго.

LXXVII.

Начались эпическіе чатаджинскіе дни, послѣдній, какъ казалось тогда, поединокъ собравшей здѣсь всѣ силы Турціи съ побѣдоносною до сихъ поръ Болгаріей. Недаромъ Порта много лѣтъ, уже чуть ли не съ 1876 года, громоздила на пространствахъ, отдѣляющемъ озеро Деркосъ отъ такого же Беюкъ-Чекмедже, форты за фортами въ одинъ сплошной и грозный фронтъ, а въ послѣднее время и впереди, и позади ихъ гнѣздами бросила современные укрѣпленія. Уже послѣ Лозенградскаго и Бунаръ-Гиссарскаго сраженій она вдвинула въ нихъ сотни пока еще полевыхъ орудій. Если бы взглянуть на эту удивительную позицію съ высоты, то только тогда она явилась бы во всей своей неодолимости. На сѣверѣ: четырехпалая ладонь Деркоса, чуть подернутаго лазурью, съ желтыми отмелями на сѣверъ къ Черному морю и высотами между растопыренными на югъ пальцами. Далеко-далеко, на самомъ восточномъ краю, бѣлый силуэтъ большого маяка у Карабуруна. Кругомъ въ падяхъ приютились теперь, разумѣется, оставленныя турецкія села Эледжикъ-Мадрасси, Сербели, Джелебкіой, Лазаркіой, Деліунусъ и Деркосъ. Десятки маленькихъ рѣчекъ бѣгутъ сюда въ глубокихъ рвахъ грязными водами, нимало не возмущая чистой бездны озера, питающаго весь Константинополь. На югъ черезъ тридцать шесть верстъ опять озеро и густая синь залива Мрамор-

наго моря. Самое озеро, едва замѣтнымъ перешейкомъ отдѣлено отъ теплаго индиго залива. Оно густо окрашено и лежитъ лѣнливо и привольно въ низинѣ, къ которой полого, едва замѣтно, опускаются невысокія, легко доступныя горы. Озеро и заливъ — точно цифра восемь, и въ самомъ узлѣ ея пріютился, весь закутанный ревнивою зеленью садовъ, красивый и счастливый городокъ Буюкъ-Чекмедже и нѣсколько домовъ бѣлой греческой Каликратіи. Какъ на сѣверѣ, такъ и здѣсь, съ птичьяго полета видны были бы многочисленныя свѣчки минаретовъ съ огоньками золоченыхъ полумѣсяцевъ, черепичныя кровли подъ благословляющими ихъ вѣтвями большихъ вѣковыхъ деревьевъ, черные траурные кипарисы надъ камнями мусульманскихъ кладбищъ, и въ обыкновенное время, только не теперь, бѣлыя крылья чаекъ — паруса рыбацыхъ лодокъ.

Между этими двумя озерами, Деркосомъ и Чекмедже, если взглянуть съ высоты, море ритмическихъ валовъ, точно когда-то струившихся къ востоку, къ Босфору и Дарданелламъ и окаменѣвшихъ въ ровномъ и покойномъ движеніи... Смотришь на нихъ, — а впервые я ихъ увидѣлъ на этотъ разъ подъ горячимъ солнцемъ и безоблачнымъ небомъ, когда вѣяніе разнѣживающаго Мраморнаго моря побѣдило суровую угрозу бурнаго Чернаго, — смотришь на нихъ и поневолѣ не вѣришь картѣ. Вѣдь на ней десятками разсыпаны форты и редуты, перевившіеся траншеями, точно длинными руками, выбросившіе впередъ ложементы, волчьи ямы, колючія загражденія. Все это сучилось гнѣздами, особенно къ сѣверу между Лазаркіоемъ и Деліунусомъ вверху и Эзети-

номъ и Хадемкюемъ внизу. Дальше къ югу они уже значительно рѣже. Не линіи, а, именно, гнѣзда, и рассчитаны такъ, чтобы врага, пробующаго прорваться сквозь желѣзную паутину, можно было засыпать истребительнымъ перекрестнымъ огнемъ. Между ними, какъ мухи, попавшія къ пауку въ сѣти, застряли несчастныя бѣлыя села, выбросившія, точно бѣлые флаги смиренной сдачи, — мечети на высоты и разбѣжавшіяся приземистыми домами по ложбинамъ и ущельямъ. Ищешь эти форты и не находишь ихъ, — такъ они спрятаны. Только изрѣдка на какой-нибудь вершинѣ окаменѣвшей волны примерещится черточка насыпи, да и то стараго форта. Остальное все хищно припало къ землѣ, зарылось въ нее и жадно въ незамѣтныя амбразуры сторожить добычу... Вонъ зигзагъ ложементовъ, другая, какая-то странная желтая дуга... Еще и еще... Все сливается съ почвой, съ осыпями, съ зелеными, одѣлось такъ въ защитный цвѣтъ, что и опытнымъ взглядомъ не отличишь вдали десятки страшныхъ Голговъ, приготовленныхъ Турціей, не умѣющей бороться на плоскости, въ открытомъ полѣ...

Сильнѣе всѣхъ, — первой величины въ этомъ созвѣздіи, — тѣ семь, которыя сгруппировались между Лазаркюемъ, Еникюемъ, Чинакче, Урджуно и Буянлы. Своеобразная Большая Медвѣдица заняла такія позиціи въ горахъ передъ нами, что, угадывая ихъ, болѣешь сердцемъ за тѣхъ, кому суждено одолѣть эти твердыни. Позади къ востоку, до Ясойрена, еще зигзагъ изъ десяти фортовъ, и послѣ небольшого перерыва, отъ Гази-Байри на югъ, начинаются новые. Въ ихъ кажущемся беспорядкѣ виденъ очень глубокой расчетъ Бріальмона.

долго работавшаго здѣсь. Нигдѣ его инженерный гений не обнаружился въ такомъ блескѣ. Надобно прибавить къ этому, что и турки — большіе виртуозы укрѣплять свои позиціи: въ его рисунокъ они внесли свои варіаціи, примѣняя иногда слишкомъ академическій чертежъ профессора къ особенностямъ горныхъ очертаній. Послѣ Бриальмона надѣ этимъ же райономъ боевой защиты Константинополя работаль и Гольцъ-паша, который, какъ тактикъ, никуда не годится, но никто ему въ стратегическихъ дарованіяхъ отказать не можетъ. Къ новымъ фортамъ этого чатаджинскаго переплета приложилъ руку и Гази-Османъ-паша, когда-то въ три недѣли сумѣвшій создать роковую для насъ Плевну. Разумѣется, произведеніе, подписанное такими именами, не можетъ не быть великолѣпно, и вотъ почему, сжившійся за этотъ короткій срокъ съ родною болгарскою арміею, я, когда наступили для нея роковые дни гигантскаго поединка, волновался и мучился... Вѣдь за всю войну она не потеряла столько, сколько должна будетъ оставить здѣсь на мученическомъ пути къ этому замку Черномора, — Константинополю, въ тюрьмы котораго вотъ уже шестьсотъ лѣтъ заключены свобода и независимость славянскихъ плѣнницъ.

LXXVIII.

Третьяго ноября у насъ въ офицерскомъ собраніи — событіе.

Пріѣхаль главнокомандующій генераль Савовъ. Знакомая сѣрая крупная фигура съ грубыми чертами сѣраго самоувѣреннаго лица. Выраженіе

упорства и рѣшительности въ складкѣ губъ и пристальномъ взглядѣ сѣрыхъ глазъ. Какъ эти два типа, онъ и Радко Димитріевъ, не похожи другъ на друга. Оба — сильные, но одинъ весь точно въ желѣзной корѣ, недоступный впечатлѣніямъ, не особенно глубоко разсчитывающій, безпощадный и для своихъ и для чужихъ. Другой — талантъ, боевое вдохновеніе, спрятавшееся точно въ раковину — въ скромность, простоту, пристальное наблюденіе. Нервный, весь въ угадкѣ и переживаніяхъ, берегущій силы солдата, зорко глядящій въ даль огненными карими глазами и видящій въ ней то, что не доступно первому. Смѣлый и неудержимый въ бою, разсчитывающій загодя его данныя, Радко связываетъ свою судьбу съ судьбою арміи. Проиграй они дѣло — онъ не переживетъ. Разумѣется, когда онъ не исполняетъ слѣпо чужой приказъ и указъ, а дѣлаетъ свое . . . Этотъ умретъ вмѣстѣ съ пораженьемъ, Савовъ спокойно вернется домой . . .

Кланяемся главнокомандующему.

— Поздравляю васъ.

— Съ чѣмъ?

— Черезъ четыре дня мы въ Константинополь.

Значить — завтра рѣшительный бой. Конецъ безконечнымъ трясинамъ, всей этой усталости и грязи, голоду и холоду.

Савовъ необыкновенно торжественъ.

Перевожу взглядъ на Радко Димитріева: нервень, мраченъ, недоволенъ . . . Сейчасъ онъ только исполнитель — но, видимо, душа его не лежитъ къ великолѣпнымъ упованіямъ Савова. Что-то готовится, противъ чего генераль весь, и будь его воля — этого «черезъ четыре дня мы въ Константинополь» произнесено бы не было. На спо-

койномъ лицѣ Жостова — не прочтешь ничего. Онъ весь въ подготовкѣ боя, и конечные его результаты — не на его совѣсти. Начальникъ артиллеріи — одинъ изъ ея творцовъ въ Болгаріи, «русскій воспитанникъ», Тантиловъ задумчивъ... Нѣтъ въ его лицѣ обычнаго одушевленія и веселости...

— Да, послѣдніе четыре дня, и вы можете уѣхать въ Россію съ Босфора...

Чего проще!..

Значить завтра Чаталджѣ конецъ.

Молодежь радуется. Говорятъ о встрѣчѣ въ ресторанѣ Токотліана на Grand rue de Pera. Мы общаемъ поставить на всѣхъ шампанскаго, вспырнуть послѣднюю побѣду...

Вечеромъ вижу Радко Димитріева.

Онъ — одинъ ходитъ по маленькой площадкѣ, блѣдный, хмурый, встревоженный...

Только потомъ мы поняли все... Онъ несравненно лучше оцѣнивалъ положеніе и былъ противъ боевой авантюры, на которую у него не оказывалось достаточно орудій. Или не надо было удерживать болгарскую армію три дня подъ Лозенградомъ и пять послѣ Бунаръ-Гиссара—Люле-Бургаса, а на плечахъ бѣгущаго врага проскочить черезъ Чаталджу, или остановиться здѣсь и продвигаться впередъ тихою сапою, или зарыться и ждать, когда падетъ Адрианополь и освободятся занятые его осадю орудія береговой постановки. Но «на плечахъ бѣгущихъ турокъ» — было бы утомленнымъ болгарамъ трудно. Вѣдь они весь этотъ походъ отъ Ямболя до Чаталджинскихъ позицій сдѣлали съ сказочною быстротою. Есть предѣлъ силамъ и неустойчивости даже такихъ богатырей!.. Все-таки Радко Димитріевъ еще недѣлю назадъ могъ бы

прорваться... А тутъ, когда турки засѣли въ орлиныя гнѣзда, вдвинули туда орудія, всосали въ себя новыя войска изъ Стамбула и Малой Азіи, вдругъ Савовское:

— Черезъ четыре дня мы въ Константинополь!

Эта фанфаронада обошлась первой и третьей арміямъ въ семь тысячъ жизней!

Ошибки вождей дорого обходятся солдатамъ.

Отъ нашего села до позиціи всего семь верстъ, но ихъ надо было сдѣлать черезъ перевившійся колочій кустарникъ въ горы. Наканунѣ, начиная со 2 ноября, нашей скромной и тихой штабъ-квартиры нельзя было узнать. Съ запада и съ сѣвера подходили свѣжія части войскъ подъ звуки маршей. Просыпаясь утромъ, мы слышали бодрящій напѣвъ трубъ, далеко разносившійся въ чистомъ предразсвѣтномъ воздухѣ. Едва-едва въ туманѣ выступали мутные ряды солдатъ новыхъ полковъ изъ-подъ Адрианополя, быстро подымавшіеся на полусшедшій во мглѣ скаты. Страшными вязкими дорогами, о которыхъ столько ужъ говорилъ я, они быстро подвигались къ полямъ великихъ битвъ. Съ утра у насъ тоже играла музыка, и, точно трава, припавшая въ осеннюю непогодь къ землѣ, подымается подъ солнцемъ, — всюду росло настроеніе, и недавнюю будничную оторопь смѣнялъ душевный подъемъ. На нашей площади передъ смиренной деревенскою церковкой я не узналъ ни солдатъ, ни офицеровъ. Нѣсколько трубачей играли народное, всему югу-славянскому міру знакомое коло, и на топкой влажной землѣ свивались, развивались, замыкались въ круги и снова разрывались веселыя фарандолы... Схватившись за руки, солдаты плясали, ходя кру-

гомъ и продѣлывая опанками одни и тѣ же па. Скоро въ ихъ кругъ вошли офицеры. Размыкали ихъ руки, брались сами за нихъ и съ восторгомъ продѣлывали то же. Въ демократической арміи не было въ такія минуты, да и вообще на отдыхъ, никакого различія между галуномъ и простымъ погономъ. Вотъ старый полковникъ вступилъ въ этотъ кругъ и съ увлеченіемъ отплясываетъ рядомъ со стражаромъ, громадная черная борода котораго, точно у Черномора, развѣвается по вѣтру. И у обоихъ на лицахъ отблескъ радости и минутнаго счастья. Издали бѣжить, весь въ поту, корявый солдатъ. Ворвался, схватилъ полковника за руку и, разорвавъ кругъ, повелъ пляшущій извилистый строй въ сторону, поворачиваясь то вправо, то влѣво. Щеголеватый адъютантъ главнокомандующаго, — типъ нашего гвардейскаго офицера, — вихремъ влетѣлъ въ общую цѣпь и съ старымъ съдымъ ополченцемъ тоже выдѣлываетъ ногами такое, что смотрѣлъ-смотрѣлъ генеральный штабъ и тоже не выдержалъ. Скоро это коло для меня явилось образомъ всей Болгаріи, счастливой страны равенства и братства, гдѣ нѣтъ сословія, никто не оторвался отъ народа и живетъ съ нимъ одной общей жизнью. Тутъ не отдѣлишь однихъ людей отъ другихъ. Попробуй вывести интеллигента изъ семьи селяковъ, — кровью брызнетъ, точно вы хотѣли вырвать живой органъ изъ тѣла. Никакой разницы. И потому никому здѣсь не кажется страннымъ, когда Радко Димитріевъ или генералъ Баяджіевъ подаютъ фуку солдату и дружески бесѣдуютъ съ нимъ. Въ дѣлѣ — другое дѣло. Начнется бой, генералъ пошлетъ пріятелей на смерть, и они покажутъ ту дисципли-

ну, которою можетъ похвалиться любая прекрасная армія. Опять повторяю старое мое сраженіе. Чѣмъ больше я вглядываюсь въ народныя ополченія, тѣмъ разительнѣе является мнѣ ихъ сходство съ арміей Жижки. Когда-то меня соблазняла мысль написать историческій романъ изъ жизни чешскаго богатыря, прототипа Гарибальди и другихъ народныхъ вождей. Да и работаетъ эта армія, какъ и армія Жижки, такъ же. Схватываетъ длинными фланговыми щупальцами врага, втягиваетъ въ себя его центръ и выкидываетъ себѣ въ тылъ раздробленнаго, перевареннаго, уничтоженнаго. И въ арміи Жижки, какъ и у болгаръ, было то же плѣнительное, возвышающее воина на невиданную высоту, боевое братство и равенство. Здѣсь званіе солдата, дѣйствительно, высоко, потому что оно не по «солдатской книжкѣ» только славно и почетно, но и въ будничной дѣйствительности не заключаетъ въ себѣ ничего унижительнаго. Ударить солдата!

Я уже мѣсяца полтора здѣсь, въ самыхъ глубинахъ болгарской солдатской дѣйствительности, и не видѣлъ не только этого подлага ужаса, отъ котораго не свободна даже прусская армія, но не слышалъ, чтобы офицеръ народнаго ополченія обругалъ своего младшаго товарища. И солдатъ здѣсь любитъ и цѣнить офицера. Не на показъ, а сердцемъ. Это, опять-таки, единое тѣло съ единою душой. Кажется, что въ полумилліонѣ жизней бьются общіе пульсы, и ударъ по одному чувствуется по всей ея периферіи. Да, удивительная армія, и по мѣрѣ приближенія роковыхъ событій у меня все больше и больше растетъ боль за ея «завтра». Вѣдь для нея судьба оставила подъ конецъ тягчайшее испытаніе, — эти позиціи Чаталджи.

LXXIX.

Медленно ступаль конь на гору, откуда открывалась картина первого боя. Издали — глухой ревъ орудій. Хотѣлось скорѣе на позицію, но отвратительная вязкая дорога задерживала на каждомъ шагу. Какихъ-нибудь восемь верстъ, а мы ихъ дѣлали два часа. Чѣмъ выше подымались, тѣмъ промче были вызовы болгарскихъ батарей, подготовлявшихъ начало многодневнаго чаталджинскаго сраженія, которое развивается упорно, не спѣша. Надо щадить десятки тысячъ жизней. Онѣ понадобятся Болгаріи послѣ войны, потому что, какъ всѣ здѣсь предвидятъ, ея задачи не будутъ закончены одною этою кампаніей. Надо имѣть наготовѣ ту же боевую армію. Вѣдь неизвѣстно, на какія поля ее придется продвинуть. Враги славянства окопались не только отъ озера Деркоса къ Беюкъ-Чекмедже. Они готовятъ свои силы, чтобы отнять у воскресающихъ племенъ плоды ихъ побѣдъ и окорнать, насколько возможно, завоеванную ими свободу¹. Въ этомъ отношеніи Европа, благоволящая палачамъ и растаптывающая жертвы, несправима. Бросивъ тридцать тысячъ солдатъ, болгары и сейчасъ могли бы уже прорвать грозные фронты турецкихъ укрѣпленій и разбить пнѣзда ихъ фортовъ. Но эти тридцать тысячъ лучшихъ воиновъ славянскаго Пьемонта понадобятся, быть можетъ, на сѣверѣ. Вѣдь изъ-за Дуная черные австрійскіе орлы зорко и хищно слѣдятъ за всѣмъ, что здѣсь дѣлается, и радуются каждой потерѣ въ народной

---

¹ Было написано 5 ноября 1912 года.

арміи. Всякій ея минусъ является для нихъ плюсомъ. До сихъ поръ родной намъ народъ въ этомъ поединкѣ съ оттоманскимъ Голяѳомъ показалъ не одну военную доблесть, но въ подготовкѣ къ нему обнаружилъ и мудрость созрѣвшаго для широкаго гражданскаго прогресса свободнаго государства. И сейчасъ, осторожно дѣйствуя на этомъ грозномъ и роковомъ фронтѣ, онъ обнаруживаетъ тѣ же обдуманность и постепенную твердость. Разумѣется, судьбы войны таинственны, и «завтра» можетъ быть чревато печальными неожиданностями, но на совѣсть Радксъ Димитріева здѣсь не ляжетъ тяжелаго упрека, что онъ слишкомъ самонадѣянно и легкомысленно бросился впередъ. Побѣды не кружатъ головы болгарамъ, не кидаютъ ихъ на рискованныя предпріятія. Они умѣютъ не только драться, но и разсчитывать.

Четвертое ноября надолго останется у меня въ памяти.

Когда наши кони добрались, наконецъ, до вершины, поросшей дубнякомъ и опоясанной желтыми осыпями ложементовъ, теперь уже никому не нужныхъ, мы невольно залюбовались красотой этихъ несравненныхъ далей. Въ первыя минуты даже промъ ближайшихъ къ намъ батарей не заставилъ насъ отвести глаза отъ блѣдной воздушной синевы Чернаго моря за горами и отмелями таинственно мерцавшаго озера Деркосъ. Мы въ родныхъ намъ водахъ напрасно искали турецкихъ броненосцевъ, — горизонтъ былъ чистъ. Ни одна черточка мачтъ, никакой дымокъ не выдавали ихъ присутствія на этой сторонѣ. На счастливомъ югѣ еще призрачнѣе, въ лазурномъ просторѣ, сливавшемся съ небомъ, точно висѣлъ двухтрубный бронено-

сець, молчавшій въ эти минуты. За нимъ чертили голубую бездну два суетливые миноносца. Разумѣется, мы ихъ видѣли только въ полевой бинокль, потому что съ нашей высоты разстоянія по всѣмъ радіусамъ громадны.

Грохоть орудій.

На двухъ высотахъ передъ нами вспыхиваютъ огни батарей, подготовляющихъ пѣхотный бой. Такія же то-и-дѣло отвѣчаютъ съ востока, черезъ едва-едва рисующійся кряжъ пологихъ горъ... Точно тамъ мгновенно приподымаются и опускаются вѣки надъ яркими огненными очами громаднаго, вытянушагося на весь этотъ просторъ чудовища. Налѣво, на сѣверѣ, тѣ же очи бросаютъ пламенные взоры на югъ, и съ юга, съ долины рѣки Карасу и чаталджинскихъ высотъ, имъ отвѣчаютъ болгары. Нѣсколько грозныхъ драконовъ залегли на вершины и, прежде чѣмъ схватиться и задушить другъ друга убійственными судорогами, — мѣряются и высматриваютъ взаимныя слабыя стороны. Такъ и ждешь, — вотъ-вотъ они взовьются въ полный солнечнаго свѣта воздухъ и схватятся тамъ надъ притаившейся землей...

Нѣтъ, тутъ не одни прозные взгляды.

Отъ каждаго взгляда взвиваются шрапнели и, выкинувъ бѣлыя облачка, трескаются съ пронзительнымъ стономъ. Свистя, разсыпаются тысячи круглыхъ пуль этого разрыва. Въ понебесѣ незримыми демонами проносятся стальные орудья, чреватые смертью и разрушеніемъ, и, впиваясь въ многострадальную землю, къ самому небу вскидываютъ черные клубы, по которымъ мы угадываемъ мелинить бризантныхъ гранатъ. Съ визгомъ летятъ во всѣ стороны осколки, а пламенные очи ба-

тарей все чаще и чаще мигаютъ ужъ по всему кругу видимыхъ далей. Долина на югѣ гдѣ сливающимися въ одну пелену облачками шрапнелей. Тамъ точно разверзлись нѣдра земныя, и адъ выкинулъ на поверхность трепещущей земли свою грозную нечисть... Въ этомъ огнѣ, подѣ градомъ разрывающихся снарядовъ, окуренное черными тучами мелинита, идетъ наступленіе. Вонь, — только этого недоставало, — броненосецъ въ волшебномъ лазурномъ заливѣ Мраморнаго моря ожилъ. Въ торжественный и мрачный requiem артиллерійскаго огня ворвались его глухіе удары. По флангамъ наступающихъ съ юга болгаръ онъ начинаетъ бить бронепалубными гранатами. Рисуешь себѣ тысячи жизней, выхваченныхъ глухими, слѣпыми комьями начиненнаго взрывчатѣми веществами желѣза. Но на дѣлѣ это далѣко не такъ. Огонь морскихъ судовъ, могущественный по отношенію къ такимъ же судамъ, разбивающій и расщепливающій стальные брони, по движущейся цѣли на землѣ бьетъ больше по воображенію, чѣмъ по людямъ. И мы лю огню южныхъ болгарскихъ батарей видимъ, что ни одна изъ нихъ не сорвана, не уничтожена, и ихъ пламенные очи такъ же раскрываются и бросаютъ молніеносные взгляды впередъ...

Я уже описывалъ на сѣверѣ гнѣздо семи редутовъ между Лазаркіюемъ, Уржуню, Енижіюемъ и Буянлы. Тутъ вторая арена оглушительной схватки. Болгары постепенно, то припадая къ землѣ, то перебѣгая впередъ, одиночками и звеньями двигаются темными пятнами на палевомъ отлогѣ. Мы видимъ это наступленіе и угадываемъ его встрѣчу съ хорошо прикрытыми турками по внезапно за-

говорившимъ въ общемъ демоническомъ концертѣ пулеметамъ. Невольно сжимается сердце. Припоминаешь еще вчера такихъ веселыхъ людей, отплясывающихъ родное коло на взрытой площадкѣ, передъ скромной маленькой церковкой, подъ веселый напѣвъ мѣдныхъ трубъ. Видишь ихъ накануне въ поту и устали, одолевъающихъ топи и трясины турецкихъ дорогъ, спящихъ ночью при слабомъ свѣтѣ молодого мѣсяца на влажныхъ вершинахъ и въ сырыхъ, холодныхъ логахъ. И вотъ теперь они, также въ своихъ опанкахъ, уже подъ огнемъ сотенъ стальныхъ жадныхъ пастей, упорно и неотступно идутъ навстрѣчу смерти и побѣдѣ. Не знаешь, къ чему скорѣе, потому что здѣсь и смерть, и побѣда перебиваются вмѣстѣ, какъ эти вонъ масличныя деревья, сросшіяся узловатыми стволами въ одну общую неподвижную корчу.

Вспыхнулъ Лазаркіой.

Безвѣтріе, — и дымъ, какъ съ Авелева жертвенника, стройной сквозной колонной теряется въ небѣ... Пулеметы смолкли. Что-то темное розсыпью движется отъ Лазаркіоя назадъ, къ востоку. Быстро, быстро, — и вдогонку за нимъ прохочутъ ружья. Сплошью, точно тысячи телѣгъ скачутъ стремглавъ по булыжной мостовой. Ясно, — съ первой удачей! Укрѣпленный Лазаркіой взять, и теперь дорвавшіеся до него болгары, выбивъ оттуда турокъ, стелютъ имъ вслѣдъ ружейный огонь пачками. Видно, какъ эта розсыпь рѣдѣетъ, оставляя по пути черныя точки. Точки движутся, останавливаются и опять впередъ, но уже медленнѣе, медленнѣе, пока совсѣмъ не припадаютъ къ палевой землѣ... И воображеніе рисуетъ раненыхъ, въ

слѣпомъ страхѣ черпающихъ послѣднія силы уползти еще нѣсколько впередъ, пока кровь изъ пробитыхъ грудей и животовъ не изсякнетъ, и безсильное тѣло въ странномъ, уродливомъ положеніи не останется, коченѣя, вслѣдъ другимъ, болѣе счастливымъ . . .

Весь отлогъ въ этихъ безмолвныхъ свидѣтеляхъ совершившагося ужаса, и свирѣпѣя надъ безчисленными жертвами, форты и батареи, точно огнедышашія горы, разверзаютъ свои раскаленные нѣдра. Теперь уже послѣдніе инстинкты жизни гаснутъ въ ихъ кровожадномъ, требующемъ еще и еще добычи ревѣ. Точно въ капищѣ Ваала бронзовое чрево свирѣпаго бога открылось передъ безконечной вереницей обреченныхъ его огню и неизбежно слѣдующихъ къ нему на одной желѣзной цѣпи плѣнниковъ. Сѣрѣтъ день, и въ его тусклости еще ярче становятся огни разрывовъ, пламя батарей . . . Вонъ старые форты. Турція ставитъ послѣднюю копейку ребромъ. Даже изъ забытыхъ складовъ доставили сюда старый дымный порохъ . . .

Половина одиннадцатаго.

Находящуюся передо мною, подъ пребнемъ горы, батарею нащупываютъ турки. Все ближе и ближе къ ней ложатся бризантныя гранаты. Должно быть, ужъ очень она имъ надоѣла. Теперь по ней одной работаютъ десятка три орудій. Моментами кажется, что она сбита совсѣмъ. Вся въ сплошной тучѣ разрывовъ. Но потянетъ вѣтромъ, отнесетъ прочь эти сѣрые клубы, — и опять изъ нея стальныхъ пастей рвутся снопы золотого огня. Ни одно орудіе не тронуту . . . Хорошо стала она на своей прикрытой позиціи. Валкирія въ огнен-

номъ кольцо. Кругомъ адъ, а она въ серединѣ шлетъ выстрѣлъ за выстрѣломъ въ едва намѣченные надъ горными осыпями форты. Разъ я уже заключилъ, что лѣвофланговое орудіе подбито. Чуть не рядомъ взвился черный фантомъ мелинитнаго разрыва. Но оно сейчасъ же отвѣтило на вызовъ и, какъ мы узнали, сбило прочь турецкую пушку. Одна эта батарея заставила замолчать нѣсколько непріятельскихъ.

Надо отдать справедливость болгарской артиллеріи.

Работаетъ превосходно. Слѣдя за ея рядами, за ихъ паденіемъ, мы видѣли не только удивительную пристрѣлку, но и процентъ неразрывающихся гранатъ, здѣсь такъ ничтоженъ, что, разумѣется, французскій заводъ Крезо, поставляющій ихъ, на этомъ экзаменѣ оставилъ далеко за собою нѣмецкіе въ Эссенѣ и Дюссельдорфѣ ¹.

---

¹ Эти четыре строки вызвали громы негодованія въ московской германской колоніи. Она грозила „Русскому Слову“, гдѣ печатался мой дневникъ, даже бойкотомъ. Какимъ — неизвѣстно! Газета держится русскою подпиской и въ кредитъ тамошнихъ банковъ, зажатыхъ въ нѣмецкій кулакъ, вовсе не нуждается. Оскорбленіе было нанесено — идолу Германіи Круппу. Но и сейчасъ я повторяю, и военные авторитеты, разумѣется, не со Шпре и Рейна, повторяютъ тоже: Крезо оказался неизмѣримо выше Круппа. Неловкостью турецкихъ артиллеристовъ нельзя объяснить неудачи крупповскихъ „священныхъ“ для нѣмцевъ орудій. Вѣдь оттоманскіе пушкари вышли изъ-подъ рукъ Гольца-паши и нѣмецкихъ инструкторовъ. Да и батареями Чатаалджи командовали германскіе офицеры. Крезо мѣтче, настѣяннѣе, сильнѣе Круппа. Французскіе снаряды даютъ несравненно большій процентъ разрыва. Управление орудіями Крезо легче, выучка съ ними быстрѣе. На сей разъ германскій чугунный идолъ поколебался на своемъ гранитномъ цоколѣ. Но какъ характерна эта глупая и хвастливая наглость зазнавшихся нѣмцевъ. Они даже въ самомъ сердцѣ Россіи хотятъ силою зажать ротъ свидѣтелямъ правды. Посмѣя ли бы русскій купецъ или банкиръ въ Берлинѣ сыграть такую же роль? Нѣтъ, дѣйствительно задыхаешься въ духотѣ высокомерныхъ притязаній нѣмецкихъ шовинистовъ. Пора расчистить воздухъ застѣнка, въ который они заключили Москву. Гг. Кнопы, не потрудитесь ли вы открыть въ немъ форточки?

LXXX.

Одиннадцать часовъ. Горитъ Буянлы, позади передовыхъ турецкихъ фортовъ. Дымки пожара теперъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Гдѣ вѣтеръ, они стелются вдоль лощинъ, и сквозь ихъ сѣрыя завѣсы мерещится багряная черточка далекаго огня. Дорисовываешь воображеніемъ картины истребленія. Вонъ надъ большою деревней Ясойренъ, куда падало столько снарядовъ, и гдѣ въ лощинахъ сосредоточены турецкіе резервы, клубы дыма кажутся багровымъ пятномъ... Тамъ, очевидно, пламя охватило что-то большое. И когда вѣтеръ порывами раскидалъ во всѣ стороны эти тускляя завѣсы, за ними открылся вдругъ почернѣвшій силуэтъ красивой мечети, бѣлымъ профилемъ которой мы любовались нѣсколько дней назадъ. Я въ бинокль тщетно ищу точекъ и черточекъ утренняго расположенія передовыхъ турецкихъ отрядовъ. Ихъ откинуло назадъ, и теперъ они едва-едва мерещатся мнѣ въ трехъ верстахъ позади. Пусть и одинъ изъ передовыхъ редутовъ, — оставлены окраивавшія его траншеи. Около ни одна точка не движется. Безлюдье! Вся картина современнаго боя налицо. Не на чемъ въ ней остановиться взгляду. Для баталистовъ добраго стараго времени она не даетъ вовсе никакого содержанія. Ни сценъ единоборства, ни красивыхъ кавалерійскихъ атакъ. Сохранились только встрѣчи въ штыки съ врасплохъ застигнутымъ непріателемъ. То, что я отмѣчалъ въ манчжурскую войну, здѣсь повторяется въ еще большей степени...

Самое трудное на этой топкой почвѣ —

перемѣны батарейныхъ позицій. Извольте двигать-ся назадъ и опять на новое мѣсто впередъ — углами. Иначе нѣтъ дорогъ и возможностей. Прямокомъ застрянешь въ трясинѣ.

Къ полудню по всей длинной линіи боя развился такой ружейный огонь, что, очевидно, противники уже начали сближаться. Особенно онъ сосредоточивался на сѣверо-востокѣ, въ группѣ уже помѣченныхъ мною редутовъ, и на югѣ, по бассейну р. Карасу, впадающей въ озеро Бейокъ-Чекмедже. Трескъ пачекъ заглушалъ все. Часто въ немъ тонули глухіе удары большихъ орудій. Была понятна и безъ объясненій въ этой сплошной дробіи паника, охватывавшая защитниковъ турецкихъ позицій. Я помню въ прошломъ такіе моменты растерянности, когда въ виду ожидаемаго наступленія солдаты окончательно теряются и, не считая, расходуютъ заряды. Направляютъ огонь не по видимому врагу, а по полосѣ, которую онъ во что бы то ни стало долженъ пройти, хотя онъ еще и не вступилъ на такую. Такъ и рисуешь себѣ прижавшихся къ землянымъ валамъ турокъ, которые, не глядя впередъ, не слушая команды и только взявъ извѣстный прицѣль, сами себя ободряютъ этою оглушительною музыкою оторопи. Никогда боевая часть не тратитъ такъ много драгоценныхъ зарядовъ, какъ въ такой растерянности. Наскочи на нихъ непріятель въ подобную минуту, — паника заставитъ ихъ бросить свои грозныя позиціи и бѣжать, сломя голову, по открытому пространству, на которомъ, разумѣется, они потеряютъ больше, чѣмъ въ самой упорной защитѣ своихъ валовъ и траншей. Мнѣ казалось (вѣдь въ этой сутолокѣ такъ легко ошибиться и смѣшать направленія), что

самая ожесточенная свалка идетъ сѣвернѣ Газил-Байри и южнѣ Ясойрена и на югѣ околъ Хадемкюя. По густотѣ и силѣ огня думаю, что я, именно, былъ правъ, потому что, какъ я уже говорилъ, у неприятеля въ Ясойренѣ сосредоточены большія силы. Теперь наступленіе болгарской арміи двигалось дугою, съ загнутыми впередъ флангами, у Деркоса и Чатаджи. Когда разбрасывало туманъ, я съ своей высоты ясно видѣлъ длинныя линіи турецкихъ позицій съ выкинутыми впередъ черточками ложементовъ. Очевидно, ихъ вырыли недавно, потому что не успѣли даже прикрыть. Надъ ними сливались въ одну сѣрую шалку разрывы болгарскихъ шрапнелей, и казалось, туда надвинулась туча, изъ которой сверкали слѣпящія молніи. Въ это именно время нѣсколько турецкихъ батарей было подбито. Посылавшіяся къ намъ оттуда еще часть назадъ шрапнели очередь за очередью сейчасъ молчали...

Было уже около половины второго, когда на югѣ, на перешейкѣ, отдѣляющемъ озеро Бююкъ-Чекмедже отъ залива (вторая половина восьмерки) Мраморнаго моря, загорѣлась длинная линія. Въ бинокль было видно сплошное пожарище, клубившее въ поднебесье громадную колонну чернаго дыма и раскидывавшееся внизу на большое пространство. Точно огнистая полоса рдянаго заката подъ тяжелыми тучами. Мы старались опредѣлить, что это такое. Тамъ два города—Чекмедже и Каликратія. Очевидно, запылало одно изъ этихъ двухъ мѣстъ. Къ вечеру разнесся уже совершенно невѣроятный слухъ. Явились даже очевидцы, передававшіе, будто пылавшая линія у озера Чекмедже вдругъ тронулась и исчезла въ морѣ. Я такого чуда не ви-

дѣль. Думаю, что это — одна изъ тѣхъ галлюцинацій, которая такъ часты въ минуты особенно приподнятой впечатлительности. Отсюда — довольно-таки невѣроятная новость, будто гаубицы южныхъ болгарскихъ позицій зажгли турецкій крейсеръ, и онъ, охваченный пожаромъ, вышелъ изъ залива между Баба-Бурну и Каба-Бурну въ открытое море. Во всякомъ случаѣ, это былъ не броненосецъ, фланкировавшій въ первый день долину рѣки Карасу... Послѣ полудня по всѣмъ своимъ передовымъ позиціямъ турки прекратили огонь и отступили къ укрѣпленному фронту; нѣкоторыя ихъ батареи смолкли и больше уже не принимали участія въ ночномъ бою. Горѣли села Чинакче и Кестеникъ...

Въ пять минутъ третьяго опять на сѣверо-востокъ отъ нашего центрального наблюдательнаго пункта¹ разгорѣлся артиллерійскій огонь. Мы видимъ, какъ по совершенно открытому мѣсту болгарская пѣхота идетъ впередъ въ наступленіе цѣпями, звеньями и отдѣльными людьми, пользуясь искусно всѣми выгодами пересѣченной мѣстности. Очевидно, безъ особыхъ потерь, потому что на мѣстѣ не остается никого. Невольно любуешься этимъ отважнымъ движеніемъ. Оно какъ на парадѣ, но подъ огнемъ нѣсколькихъ батарей. Не останавливаясь ни на минуту, судя по огню изъ орудій и огню разрывовъ, атака шла на разстояніи семисотъ пятидесяти — восьмисотъ сажень, пока въ руки болгаръ не попали новыя защитныя позиціи непріятеля. Къ вечеру все крутомъ стихло. Солнечный утромъ

¹ Онъ лежалъ на линіи, начинавшейся въ Ерменикоѣ и черезъ Акаланъ продолженной до боевыхъ позицій.

день весь закутался въ тучи, лощины натянули на себя покрывала сплошного тумана, въ которомъ плавали, точно острова, вершины горъ. Въ сумракѣ тонули дороги въ цѣпкомъ, колочемъ дубнякѣ. Подымался холодный сѣверный вѣтеръ, и за потускнѣвшею бездною озера Деркоса хмурилось и сизую стѣною тучъ грозилось Черное море. Последнею улыбкою счастья казался уголокъ Мраморнаго моря...

Лица вождей все сумрачнѣе и сумрачнѣе. Что-то чувствуется неладное, неожиданное. Слишкомъ велики потери этого рокового дня и загадочны его туманныя дали. Что-то судьба таитъ въ нихъ? Сердце щемитъ за богатырей, захватившихъ турецкіе редуты. Ходятъ зловѣщіе слухи — на нихъ удержаться нельзя... Потребуется новыя силы. Ихъ горныя позиціи подъ убійственнымъ огнемъ остальныхъ редутовъ. Нѣтъ, нѣтъ, да и пронесется зловѣщій слухъ, что нельзя было ждать нѣсколько дней и дать туркамъ укрѣпиться и отдохнуть. Опять слышится: слѣдовало на плечахъ бѣжавшей турецкой арміи ворваться сюда. Но, повторяю, и болгары были утомлены. Есть предѣлъ и для богатырей. Желѣзо и то ломается!

Исправленія.

Стр.	Строка.	Напечатано.	Читай.
11	4 снизу	побѣды	поводы
13	10 сверху	залпы	пачки
17	1 .	жатву	посѣвъ
20	1 снизу	чисто	часто
59	11 сверху	и переводились	и депеши пе- реводились
66	2 .	залповъ	пачекъ
106	8 снизу	полумракъ	мракъ
202	15 сверху	сомнѣваемся	не сомнѣ- ваемся
209	11 снизу	хода	похода
